

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Башкирский государственный университет»

На правах рукописи

Каримов Азат Салаватович

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЯЗЫКОВ В СУБЪЕКТАХ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Специальность 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата
юридических наук

Научный руководитель: кандидат юридических наук, доцент
Марат Селирович Шайхуллин

Уфа – 2014

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Общая характеристика конституционно-правового статуса языков в субъектах Российской Федерации	15
§ 1. Понятие и содержание конституционно-правового статуса языков в субъектах Российской Федерации.....	15
§ 2. Принципы сохранения, развития, использования и защиты языков в субъектах Российской Федерации	33
§ 3. Субъекты сохранения, развития, использования, установления и защиты языков народов Российской Федерации.....	54
Глава II. Конституционно-правовой механизм реализации права на сохранение, развитие, использование и защиту языков в субъектах Российской Федерации	72
§ 1. Особенности правового регулирования статуса языков в субъектах Российской Федерации.....	72
§ 2. Полномочия органов государственной власти и местного самоуправления в области сохранения, развития, использования и защиты языков народов Российской Федерации.....	92
§ 3. Проблемы реализации права на сохранение, развитие и защиту языков народов Российской Федерации.....	109
Глава III. Совершенствование правового регулирования статуса языков в субъектах Российской Федерации	128
§ 1. Зарубежный опыт правового регулирования и правоприменительной практики в области сохранения и защиты языков.....	128
§ 2. Имплементация норм Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств в законодательство Российской Федерации.....	150
§ 3. Совершенствование норм федерального и регионального законодательства, регламентирующих правовой статус языков в субъектах Российской Федерации.....	169
Заключение	186
Библиографический список	190

Введение

Актуальность темы исследования. Во многих государствах национальная политика неразрывно связана с языковыми вопросами, которые в эпоху глобализации, становятся все более актуальными. Консервативные факторы, существующие во многих государствах в социокультурной сфере, обуславливают необходимость изучения роли языка, как элемента межнациональных и межкультурных коммуникаций. Проведенные исследования показывают, что к концу XX века концепция прав коллективных субъектов и граждан развивалась до такой степени, что принцип свободы, ориентированный на угнетение со стороны государства в религиозных или языковых вопросах, уступил спросу на свободу быть представленным на основе равенства в обществе в качестве определяющей сущности участия государства¹.

На фоне процессов интеграции перед Россией, как и другими странами, стоят задачи в области сохранения национальной идентичности, языковой культуры в динамичном и развивающемся мире. Вместе с тем, благодаря современным коммуникациям и новым информационным технологиям происходят процессы гегемонии и доминирования одних национальных языков над другими, что в конечном итоге может привести к вытеснению и вымиранию языков, угрозе их многообразия.

В свое время виднейший представитель неогумбольдтианского направления в языкознании Лео Вайсгербер писал: «В противоположность неизбежной односторонности каждого из языков, их множественность способствует объективности знания, получаемого посредством множественности способов

¹ Colin H. Williams. Language Policy and Planning Issues in Multicultural Societies // Larrivee P. Linguistic Conflict and Language Laws Understanding the Quebec Question. – Palgrave Macmillan, 2003. – P. 3–4.

видения»¹. В этом контексте исследование вопросов связанных с конституционно-правовым статусом языков в субъектах Российской Федерации не просто актуально, но и своевременно, поскольку анализ вопросов связанных с правовым и фактическим положением языков делает во многом выработку различных способов оптимального регулирования общественных отношений для сохранения, развития, использования и защиты языков в условиях отсутствия стабильности межнациональных отношений.

Эти вопросы злободневны для Российской Федерации, в которой издревле живут люди различных религий, национальностей, разговаривающие на разных языках. На заседании Совета по межнациональным отношениям прошедшего в г. Уфе 22 октября 2013 года, Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что «...нужно изменить вектор нашей государственной политики, нашей государственной пропаганды в сторону национальной терпимости, в сторону готовности людей разного этнического происхождения, вероисповедания, внешности, языка, культуры жить вместе друг с другом в одной стране, в стране под названием Россия»².

Актуальность данного исследования заключается и в том, что современное российское законодательство должно опираться на принципы гарантирующие сохранение, развитие, использование и защиту языков, что подтверждается особенностями правового регулирования статуса языков, проблемами реализации права на сохранение и развитие языков, дифференциацией подходов к регламентации полномочий органов государственной власти и местного самоуправления в данной области общественных отношений, необходимостью

¹ См.: Боргоякова Т.Г. Миноритарные языки: проблемы сохранения и развития: Учеб. пособ. – Абакан: Изд. Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2001. – С. 3.

² Заседание Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям от 22 октября 2013 г. // Российская газета. 23.10.2013. №6214 (238).

учета международно-правовых актов и зарубежного опыта государственного регулирования в данной сфере.

Это и многое другое обусловило выбор темы диссертационного исследования, ее актуальность как с теоретических, так и практических подходов.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Вопросы связанные со статусом языков и правилами их использования многогранны и носят междисциплинарный характер, поэтому кроме юристов данную область общественных отношений изучали представители филологической, политической, философской, педагогической, этнологической и других наук. Проблемы языковых прав национальных меньшинств в Европе, а также связанные с этим вопросы неравенства и недискриминации в своих трудах рассматривали Т.Р. Аклаев, О.Р. Гульина и В.А. Тишков. Среди филологов к проблеме национальных языков и языков меньшинств обращались в своих трудах Т.Г. Боргоякова, Ф.Х. Гарипова, Е.Б. Гришаева, М.В. Дьячков, А.Е. Павленко, Э.Р. Тенишев и др.

В отечественной юридической науке проблемам статуса языков в республиках, входивших в состав Союза ССР была посвящена диссертационная работа Ц.М. Годердзишвили¹, конституционно-правовому анализу использования русского языка, уделяли внимание Н.В. Ляшенко², Л.Н. Васильева³, Е.М. Доровских⁴, В.К. Самигуллин⁵, П.М. Воронежский¹. Государственно-правовые

¹ Годердзишвили Ц.М. Государственно-правовое регулирование статуса языков (по материалам республик, входивших в СССР): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук – М., 1992. – 22 с.

² Ляшенко Н.В. Русский язык как государственный язык Российской Федерации: конституционно-правовой анализ: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 163 с.

³ Васильева Л.Н. Законодательное регулирование использования языков в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 191 с.

⁴ Доровских Е.М. Конституционно-правовое регулирование использования языков народов Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 222 с.

⁵ Самигуллин В.К. Конституционное развитие Башкирии. – Уфа, 1991. – С. 20; Рецензия. Конституционное право субъектов Российской Федерации / Отв. ред. В.А. Кряжков. – М.: Городец-издат, 2002. – 864 с. // Право и политика. – 2003. – № 1. – С. 38; Ислам и право. Опыт

проблемы языка в России исследовал Е.В. Тренин², а конституционно-правовым основам использования русского языка в странах СНГ посвящены работы А.С. Айрапетяна³.

Объект и предмет диссертационного исследования. Объектом исследования являются общественные отношения складывающиеся в процессе реализации конституционно-правовых норм, определяющих статус языков в субъектах Российской Федерации.

Предметом диссертационного исследования являются нормы отечественного законодательства, регулирующие правовой статус языков в субъектах Российской Федерации.

Цель и задачи диссертационного исследования. Целью диссертационного исследования является анализ содержания конституционно-правового статуса языков в субъектах Российской Федерации.

Для достижения этой цели в диссертации были поставлены следующие основные задачи:

- определить понятие конституционно-правового статуса языков в субъектах Российской Федерации и раскрыть его юридическое содержание;
- исследовать принципы сохранения, развития, использования и защиты языков в субъектах Российского государства;
- классифицировать субъекты сохранения, развития, использования и защиты языков народов России;

постижения. – Уфа, 2006. – С. 57; Традиция в правосфере: теоретико-правовое исследование. – Уфа, 2008. – С. 76.

¹ Воронецкий П.М. Конституционно-правовые проблемы статуса государственных языков республик в составе Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2009. – 204 с.

² Тренин Е.В. Государственно-правовые проблемы языка в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1998. – 155 с.

³ Айрапетян А.С. Конституционно-правовые основы использования русского языка в странах Содружества Независимых Государств: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2013. – 31 с.

- выявить особенности правового регулирования статуса языков на регионально-субъектном уровнях;
- проанализировать полномочия органов государственной власти и местного самоуправления в области сохранения, развития, использования и защиты языков Российских народов;
- вычленить проблемы реализации права на сохранение, развитие и защиту языков в субъектах Российской Федерации и указать пути их разрешения;
- изучить зарубежный опыт правового регулирования и правоприменительной практики в области сохранения и защиты языков;
- проанализировать необходимость имплементации норм Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств от 5 ноября 1992 года в российское законодательство;
- разработать предложения и рекомендации по совершенствованию норм федерального и регионального законодательства определяющих конституционно-правовой статус языков в субъектах Российской Федерации.

Методологическая основа диссертационного исследования. Методологическую основу составил, общенаучный диалектический метод познания, позволивший изучить правовые явления в частности, взаимодействия языка и культуры, в их взаимосвязи и развитии. В целях обеспечения подлинности и теоретико-практической обоснованности автором привлекались общенаучные методы: системно-структурный, функциональный, конкретно-исторический. Широко использованы формально-юридический, социологический и сравнительно-правовой методы.

Нормативная база исследования. В ходе исследования были проанализированы положения Конституции Российской Федерации 1993 года, Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств и иных международно-правовых актов, федеральных конституционных законов, федеральных законов, законов субъектов Российской Федерации, подзаконных

нормативных правовых актов, а также отдельные правовые акты органов местного самоуправления. В процессе диссертационного исследования изучены и обобщены акты конституционного законодательства ряда зарубежных стран (Канады, США, Испании, Бельгии, Республики Индия, КНР, Финляндской Республики, Французской Республики).

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных специалистов в области теории государства и права, конституционного и муниципального права, а также иных отраслей права: А.Х. Абашидзе, Р.Г. Абдулатипова, С.А. Авакьяна, А.С. Автономова, М.В. Баглая, Н.С. Бондаря, Н.А. Богдановой, Л.Д. Воеводина, И.В. Выдрин, Ю.В. Герасименко, Т.В. Губаевой, В.Н. Дурденевского, Б.П. Елисеева, Г.Т. Еρμοшина, В.Д. Зорькина, И.Г. Илишева, В.Т. Кабышева, Л.М. Карапетяна, В.В. Киреева, Е.В. Колесникова, В.А. Кочева, В.А. Кряжкова, М.Н. Кузнецова, М.М. Курманова, О.Е. Кутафина, И.Д. Левина, Е.А. Лукашевой, В.В. Маклакова, Г.В. Мальцева, М.Н. Марченко, Н.И. Матузова, В.И. Майорова, В.П. Малкова, Т.Д. Матвеевой, В.П. Нерознака, В.С. Нерсесянца, А.С. Пиголкина, В.К. Самигуллина, С.В. Соловьевой, С.Г. Соловьева, Ю.А. Тихомирова, Б.Н. Топорнина, В.А. Туманова, В.И. Фадеева, Т.Я. Хабриевой, А.Г. Хабибуллина, Т.М. Шамбы, М.С. Шайхуллина, Н.Е. Шелютто, Б.С. Эбзеева, А.И. Экимова, И.С. Яценко и др.

Обогащению содержания конституционно-правового статуса языков в субъектах Российской Федерации способствовали труды зарубежных исследователей: Д. Валадеса, Ф. де Варена М.Н., С. Вульфа, В. Гумбольдта, Ф. Грина, Р. Грич, П. Ларриве, Г. Хоган-Бруна.

Эмпирическая база исследования. В качестве эмпирического материала использовались статистические показатели, данные социологических опросов, официальная статистика переписи населения Российской Федерации 2010 года и других зарубежных стран. Привлекались документы Совета Европы,

Парламентской Ассамблеи Совета Европы, ЮНЕСКО и других международных и межгосударственных организаций.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что оно представляет собой одно из первых в науке конституционного права комплексных исследований проблем, связанных с правовым статусом языков в субъектах Российской Федерации, а также механизмом реализации права на сохранение, развитие, использование и защиту языков российских народов. Автором исследована правовая природа статуса языков используемых в субъектах Российской Федерации, выявлены принципы и субъекты сохранения, развития, использования, установления и защиты языков народов Российской Федерации.

Раскрыто содержание конституционно-правового механизма реализации права на сохранение, развитие, использование и защиту языков в отдельных республиках Российской Федерации (Республика Алтай, Республика Башкортостан, Татарстан, Республика Мордовия, Удмуртская Республика, Чувашия и др.), в котором особое внимание уделено особенностям правового регулирования статуса языков, полномочиям органов государственной власти и местного самоуправления в исследуемой сфере, проблемам реализации права на сохранение, развитие и защиту языков народов Российской Федерации. Автором проанализирован зарубежный опыт правового регулирования и правоприменительной практики в области сохранения и защиты языков, и с теоретических позиций подвергнута анализу процедура имплементации норм Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств в российскую правовую систему. На основе проведенного научного анализа сформулированы новые выводы и выработаны конкретные предложения по совершенствованию законодательства о статусе языков российских народов.

Основные положения диссертационного исследования, выносимые на защиту:

1. Конституционно-правовой статус языков в субъектах Российской Федерации выражается в совокупности нормативных правовых положений установленных Конституцией Российской Федерации 1993 года, федеральными конституционными, федеральными законами и правовыми актами субъектов в составе Российской Федерации, гарантирующих право на сохранение, развитие, использование и защиту русского языка, государственных языков республик Российской Федерации и иных языков народов России.

2. Анализ содержания Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств 1992 года в сочетании с действующим законодательством Российской Федерации и практикой сохранения, развития, использования и защиты языков в субъектах Российской Федерации, позволил разработать следующий алгоритм стадий имплементации Хартии: а) выяснить ее роль для сохранения, развития, использования и защиты языкового многообразия в России; б) указать объем правовых норм, применимых к внедрению в российское законодательство; в) определить перечень языков, на которые распространяется действие Хартии; г) установить полномочия органов власти по практической реализации ее положений; д) разработать правовое обеспечение имплементации Хартии с учетом действующего законодательства Российской Федерации, исторических и иных местных традиций; е) установить финансовые затраты на процедуру имплементации данного акта и периодичности предоставления отчетов правоприменителями; ж) создать условия имплементации акта 1992 года в российское законодательство, согласно принципу «постепенной ратификации».

3. Показано, что поскольку в местностях компактного проживания, наряду с государственными языками в официальных сферах общения используются языки населения таких территорий, предлагается расширить регулятивные возможности органов местного самоуправления за счет предоставления им права устанавливать

«порядок использования языков в местностях компактного проживания» в соответствии с законодательством России и субъектов в ее составе.

4. Обосновано, что законодательство Российской Федерации и ее субъектов должно содержать положения гарантирующие сохранение и развитие традиционного употребления литературного русского языка, который является основой единения граждан Российской Федерации и сохранения российской государственности, с учетом исторического, культурного развития народов России и языкового многообразия.

5. Аргументирована необходимость внесения изменения в пункт 1 ст. 4 ФЗ №53 «О государственном языке Российской Федерации» 2002 года, в котором слово «функционирование» заменить словами «гарантии использования», поскольку функционирование государственного языка нельзя рассматривать, как обеспечительную задачу реализации органами государственной власти полномочий в области использования языка. В связи с этим предлагается изложить пункт 1 ст. 4 ФЗ №53 «О государственном языке Российской Федерации» в следующей редакции: *«Обеспечивают гарантии использования государственного языка Российской Федерации на всей территории Российской Федерации»* и далее по тексту.

6. Доказана необходимость внесения дополнения в часть 4 ст.15 Закона РФ №1807-1 «О языках народов Российской Федерации» 1991 года, в связи с тем, что обращения граждан на государственном языке России предполагает право направлять в государственные органы, организации, на предприятия и в учреждения только предложения, заявления и жалобы. Предлагается дополнить указанные в Законе РФ №1807-1 виды обращений, правом направлять ходатайства, и изложить часть 4 ст. 15 Закона РФ №1807-1 в следующей редакции: *«граждане Российской Федерации вправе обращаться в государственные органы, организации, на предприятия и в учреждения Российской Федерации с предложениями, заявлениями, ходатайствами и*

жалобами на государственном языке Российской Федерации, родном языке или на любом другом языке народов Российской Федерации, которым они владеют».

7. Обоснована необходимость определения понятия защиты государственного языка в Российской Федерации, под которой следует понимать систему государственных мер, направленных на обеспечение специально-юридических, экономических, политических и духовных гарантий языков в Российской Федерации, равного доступа к сохранению, развитию и использованию государственного языка Российской Федерации и языков российских народов.

8. В диссертации обосновывается целесообразность нормативного закрепления положения, предусматривающего государственную защиту русского языка за пределами Российской Федерации, поскольку принцип «недискриминации» закрепленный в ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, предполагает защиту индивидуальных прав на употребление языка, тогда как требуется позитивная защита статуса языков соответствующих их исторической сфере распространения. В связи с этим, обосновывается внесение дополнения в ст. 4 Федерального закона № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». В ней предлагается закрепить право федеральных органов государственной власти обеспечивать защиту русского языка за пределами Российской Федерации в соответствии с международно-правовыми нормами и законодательством Российской Федерации и изложить ее в следующей редакции: *« - обеспечивают защиту русского языка за пределами Российской Федерации в соответствии с международно-правовыми нормами и законодательством Российской Федерации».*

Теоретическая и практическая значимость диссертации.

Теоретические положения, содержащиеся в диссертации, могут стать основой для последующих научных исследований в данной области, а также использоваться при преподавании учебной дисциплины «конституционное право»

и смежных с ней дисциплин. Практические и теоретические положения, сформулированные в диссертации, могут быть использованы в работе государственных и муниципальных служащих, депутатов различных уровней власти и организаций. Выводы, предложения и рекомендации имеющиеся в тексте диссертации, могут найти практическое применение в законотворческой деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и правотворческой деятельности органов местного самоуправления.

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования.

Основные теоретические положения диссертации отражены в научных публикациях автора, в том числе в 3 ведущих периодических изданиях рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ. Результаты использовались при проведении лекционных и семинарских занятий по конституционному праву в Башкирском государственном университете.

Результаты исследования освещались на международных и всероссийских научно-практических конференциях, в частности: Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет» и 60-летию высшего юридического образования в Республики Башкортостан «Актуальные вопросы развития юридической науки и практики в современных условиях» (г. Уфа, 7-8 октября 2009 г.); Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Правовые системы и вызовы современности» (г. Уфа 7-9 декабря 2009 г.); Международной научно-практической конференции с элементами научной школы «Актуальные проблемы права России и стран СНГ-2010» (г. Челябинск, 1-2 апреля 2010 г.); Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых «Норма. Закон. Законодательство. Право» (г. Пермь, 22-24 апреля 2010 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы права на современном этапе развития российской государственности» (г. Сибай, 25-26 марта 2010г.);

Международной научно-практической конференции «Современная юридическая наука и правоприменение (IV Саратовские правовые чтения)» (г. Саратов, 3-4 июня 2011г.); Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения» (г. Уфа, 8 февраля 2014 г.).

Основные результаты исследований диссертанта нашли отражение в тринадцати опубликованных статьях общим объемом в 4,6 п.л.

Структура диссертации подчинена логике исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих 9 параграфов, заключения и списка использованных нормативных правовых и литературных источников.

Глава 1. Общая характеристика конституционно-правового статуса языков в субъектах Российской Федерации

§ 1. Понятие и содержание конституционно-правового статуса языков в субъектах Российской Федерации

В целях всестороннего исследования понятия конституционно-правового статуса языков необходимо рассмотреть общетеоретические определения понятия языка, сформулированные в научной литературе. Язык – символ, элемент самобытности нации и основа ее существования. Язык сохраняет и передает из поколения в поколение сведения об истории и культуре нации, нравах, традициях и обычаях¹, является мощным фактором влияния на этническое самосознание народа².

Согласно определению, данному термину «язык» в толковом словаре С.И. Ожегова, это «исторически сложившаяся система звуковых словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения и взаимного понимания людей в обществе»³. В другом известном толковом словаре, составителем которого является В.И. Даль, язык определяется как «словесная речь человека, по народностям; словарь и природная грамматика; совокупность всех слов народа и верное их сочетанье, для передачи мыслей своих»⁴.

¹ Колесников Е.В. Обычай как источник советского государственного права // Правоведение. – 1989. - № 4. – С.23.

² Языки и народы Республики Башкортостан. Государственные языки: история и современность: Сборник документов и материалов. – Ч. 1 / Сост. Ю.Х. Юлдашбаев и др. – Уфа: ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат», 2007. – С. 5.

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – С. 917.

⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: АСТ, 2001. – Т. 4. – С. 1108.

В различных лингвистических словарях также дается определение понятия языка. В данном случае он рассматривается как средство общения. Это следует из такого определения: «Язык – одно из самобытных семиологических средств, являющееся основным и важнейшим средством общения членов данного коллектива, для которого эта система оказывается также средством развития мышления, передачи от поколения к поколению культурных и исторических традиций»¹. В другом словаре лингвистических терминов находим сжатое определение: «Язык – всякая система знаков, пригодная для того, чтобы служить средством общения между индивидами»². Также есть следующее лингвистическое определение: «Язык вообще есть естественно (на определенной стадии развития человеческого общества) возникшая и закономерно развивающаяся семиотическая (знаковая) система, существующая, прежде всего, не для отдельного индивида, а для определенного социума»³.

Исследователь Г. Хоган-Брун считает, что «язык – это средство, которое объединяет нацию в единое «сообщество». Он объединяет индивидов в социальном пространстве и времени, превращая людей, не знающих и никогда не видевших друг друга, в соотечественников»⁴. С точки зрения доктора юридических наук, профессора В.А. Кряжкова, язык – это важнейший элемент нематериальной (духовной) культуры. Он отличает один народ от другого, позволяет его обладателю – индивиду соотнести себя с определенным этносом⁵, а по словам Г.В. Мальцева «сближает людей»⁶. В свое время немецкий философ Вингельм фон Гумбольдт писал: «Язык – это не просто,

¹ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – С. 562.

² Терминасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – С. 10.

³ Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Большая рос. энциклопедия, 2002. – С. 604.

⁴ Hogan-Brun G. Europe and the politics of language Citizens, Migrants and Outsiders. – Palgrave Macmillan, 2006. – P. 21.

⁵ Кряжков В.А. Право на родной язык: на примере малочисленных народов Севера // Российский юридический журнал. – 2007. – № 1. – С. 22.

⁶ Правоведение: Учебник / Под общ.ред. Г.В. Мальцева. – М.: Изд-во РАГС, 2003. – С.65.

как принято говорить, отпечаток идей народа, так как множество его знаков не позволяет обнаружить никаких существующих от него идей; язык – это объединенная духовная энергия народа, чудесным образом запечатленная в определенных звуках, в этом облике и через взаимосвязь своих звуков понятная всем говорящим и возбуждающая в них примерно одинаковую энергию»¹.

Язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа, поэтому в нем не следует бояться ни изощренности, ни избытка фантазии, которые кое-кто считает нежелательными². Доктор филологических наук А.Ю. Большакова образно определила понятие языка как своего рода одежды человека³.

На наш взгляд, понятие языка в контексте комплексного анализа его конституционно-правового статуса, необходимо рассмотреть с позиции исследования категорий родной, национальной, государственной, официальный язык.

Статусы языков могут быть разными. Например, языки могут объявляться государственными, официальными, региональными, местными, межнационального общения и др., а поскольку данные категории в законодательстве Российской Федерации еще не разграничены, требуется уяснение правовой природы их содержания, причем с позиции правового регулирования любого уровня, кроме того, требуется разграничение правовых статусов языков и, соответственно, правовых режимов их использования.

В научной литературе по поводу термина «национальный язык» (National language) есть интересное мнение кандидата юридических наук

¹ Гумбольдт В. Язык и философия культуры / Под ред. А.В. Гулыги и Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1985. – С. 348–349.

² Гумбольдт В. Указ. соч. – С. 348–349.

³ В ст. Бондарук Л.В. Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии»: материалы VII международной заочной научно-практической конференции. Часть II. (10 декабря 2012 г.). – М.: Изд-во «Международный центр науки и образования», 2012. – С.15.

Е.М. Доровских, которая считает, что «в современных переводах законодательных актов стал активно использоваться термин «национальный язык» вместо «государственного языка». Такая замена неприемлема, поскольку прилагательное «национальный» в западноевропейской научной традиции чаще всего связано с понятием «государство», а не «нация». В противном случае при переводе неизбежна путаница, поскольку в русском языке существует устойчивое словосочетание «национальный язык», относящееся к понятию «нация»»¹. По этому поводу С.М. Истман отмечает, что «термин «национальный язык» обозначает язык, который используется всей нацией, а не отдельной региональной или этнической группой. Как язык культурной общности, социальной и политической общности, национальный язык исполняет также роль национального символа»². На наш взгляд, национальный язык связан с национальностью человека, то есть этнической идентификацией человека с определенной нацией. Принадлежность человека к тому или иному этносу во многом закладывается родителями, так как именно их принадлежность к определенной нации дает возможность в последующем их ребенку идентифицировать себя с этой же национальностью. При этом необходимо отметить, что в научном мире нет единого мнения и определения по поводу понятия «родной язык». Ученые предлагают различные варианты определения данного термина, например, что родной язык – это познавательное средство, с помощью которого индивид мыслит про себя³. Также есть мнение, что под родным языком необходимо понимать язык, который очевидным образом отличается от языков, используемых остальной частью населения данного

¹ Доровских Е.М. К вопросу о разграничении понятий «государственный язык» и «официальный язык» // Журнал российского права. – 2007. – № 12. – С. 12.

² Зацепина О., Родригес Х. Противоречия в языковой политике и языковых ценностях США // Решение национально-языковых вопросов в современном мире / Под ред. акад. Е.Л. Чельшева. – М.: СПб.: Златоуст, 2003. – С. 297.

³ Языки народов Республики Башкортостан: Коллективная монография / Под ред. Т.М. Гарипова. – Уфа: Восточный университет, 2000. – С. 5.

государства, не имеет статуса государственного языка, но является языком коммуникационного общения группы индивидов¹. Профессор В.А. Кряжков под этим термином понимает «первый выученный язык, на котором человек говорит с детства, язык матери, наиболее близкий для человека язык, язык, которым он владеет лучше всего и использует чаще всего, язык, на основе которого происходит личная идентификация. Человек сам решает, какой для него язык родной, и вполне возможно, что это будут два и более языков, причем в течение жизни может происходить их смена»². Представляется, что родной язык, в контексте настоящего исследования, – это конституционно-правовая категория, однако до настоящего времени не имеющая определения ни в федеральном законодательстве, ни тем более в Конституции Российской Федерации. С этой позиции особый практический интерес представляет соотношение понятий «государственный язык», «официальный язык» и «родной, национальный язык».

Вопрос о государственном языке является спорным, впрочем, это касается всех терминов, употребляемых в языковой сфере. Профессор А.С. Пиголкин под термином «государственный язык» понимает «язык, на котором государственная власть общается с населением, «разговаривает» с гражданином. На нем публикуются законы и другие правовые акты, пишутся официальные документы, протоколы и стенограммы <...>. Это язык официальных вывесок и объявлений <...>. Это и основной язык воспитания и обучения в школах и других учебных заведениях»³. Языковед Ю.В. Трушкова пишет, что государственный язык – это одна из разновидностей языка нации, используемая в сферах организованного общения и имеющая соответствующий правовой статус, а с точки зрения коммуникативной

¹ Гулина О.Р. Право на равенство в контексте языковых прав национальных меньшинств. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – С. 35.

² Кряжков В.А. Указ. соч. – С. 22.

³ Комментарий к Закону «О языках народов Российской Федерации» / Под ред. А.С. Пиголкина. – М.: Известия, 1993. – С. 8.

функции языка это средство взаимодействия государства с гражданами и наоборот»¹.

При определении того или иного языка как государственного или официального в государстве могут возникнуть различные противоречия. В некоторых правовых документах понятие «язык» определяется как форма общения, например, в международных документах, в частности, в статье 2 Конвенции о правах инвалидов от 13 декабря 2006 года говорится: «Язык включает речевые и жестовые языки и другие формы неречевых языков»².

Особо следует отметить определение понятия «язык», данное в Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств. Как указано в пояснительном докладе к этому документу, понятие «язык», используемое в Хартии, базируется, главным образом, на культурной функции языка. Именно поэтому он не определяется субъективно таким образом, чтобы закреплять конкретное право человека – право говорить на «своем» языке, поскольку право определять такой язык есть у каждого человека. В Хартии также отсутствует социально-политическое или этническое определение языка, где язык характеризуется как инструмент общения той или иной социальной или национальной группы. Таким образом, в Хартии удалось обойти стороной вопрос об определении понятия языкового меньшинства, поскольку целью Хартии является не закрепление прав национальных и / или культурных меньшинств, а защита и поддержка региональных языков или языковых меньшинств как таковых³.

Наряду с национальным языком часто употребляется понятие «родной язык». Юридически понятие «родной язык» ни в каких правовых актах не

¹ Языки народов Республики Башкортостан: Коллективная монография. – С. 10.

² Конвенция о правах инвалидов // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. - № 6. - Ст. 468.

³ Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств и пояснительный доклад. – Страсбург: Издательство Совета Европы, 2009. – № 148. – С. 6. – (Европейские договоры).

закреплено. Его юридическое понимание можно вывести из анализа и интерпретации положений о языке, получивших закрепление в Конституции Российской Федерации (ч. 2 ст. 19, ч. 2 ст. 26, ч. 2 ст. 29, ст. 68), Международном пакте о гражданских и политических правах (ст. 14, 27), Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 6, 14), Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (ст. 2, 4), Рамочной Конвенции о защите национальных меньшинств (ст. 5, 6, 9–14, 17), Европейской Хартии о региональных языках и языках меньшинств, Конвенции МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих кочевой образ жизни в независимых странах» (ст. 27, 28, 30, 32), Декларации ООН о правах коренных народов (ст. 8, 13, 14, 16) и специальных федеральных законах¹.

Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» определяет все языки народов Российской Федерации как «национальное достояние российского государства». В статье 3 закона употреблена формулировка «равные права всех языков народов Российской Федерации», таким образом законодатель указал, что языку может быть придан правовой статус. К числу основных терминологических квалификаций языков можно отнести следующие: титульный язык, официальный язык, язык народов России, язык межнационального общения, один из мировых языков, государственный язык, родной язык.

В правовых актах Российской Федерации, регулирующих правоотношения в области употребления языков, термин «родной язык», отождествляется с понятием «национальный язык». Если в вводной части Федерального закона «О языках народов Российской Федерации»² (далее – ФЗ № 1807-1 «О языках народов РФ») говорится, что государство на всей территории Российской

¹ Кряжков В.А. Указ. соч. – С. 22.

² Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – 12 декабря. – № 50. – Ст. 1740.

Федерации способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия, то далее, надо заметить, в тексте закона мы не встречаем термин «национальный язык», а используется словосочетание «родной язык». На наш взгляд, в данном случае законодатель использует понятие «национальный язык» как количественный показатель языков народов Российской Федерации в значении «один язык» для связки с понятиями «двуязычие» и «многоязычие».

Также в российском законодательстве термин «национальный язык» используется в Федеральном законе «О национально-культурной автономии». В этом правовом акте отождествляются понятия «национальный язык» и «родной язык». Для примера рассмотрим название главы 3 этого закона – «Обеспечение права на сохранение, развитие и использование национального (родного) языка»¹. Надо сказать, что это словосочетание встречается по всему тексту закона. Употребление законодателем словосочетания «национальный (родной) язык» видится нам не совсем корректным, так как родной язык не всегда совпадает с национальным языком.

Анализ правовых актов позволил выявить, что в вводной части Закона Республики Бурятия от 10.06.1992 № 221-ХП «О языках народов Республики Бурятия» дается определение понятия «язык». В данном законе закреплено, что язык – это духовная основа существования любой нации. Он является величайшей национальной ценностью². В преамбуле Закона Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)» закреплено, что язык – уникальная ценность и неотъемлемый признак нации³. На наш взгляд, целесообразно указать на закрепление понятия «язык» в других аналогичных

¹ Федеральный закон «О национально-культурной автономии» от 17.06.1996 (в ред. 30.11.2005) № 74-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – 17 июня. – № 25. – Ст. 2965.

² Закон Республики Бурятия «О языках народов Республики Бурятия» от 10 июня 1992 года // Ведомости Верховного Совета Республики Бурятия. – 1993. – № 5.

³ Закон Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)» от 16.10.1992 // Газета «Якутские ведомости». – 1992. – 12 ноября (№ 19).

законах субъектов Российской Федерации. Вместе с тем, как представляется, определение в литературе понятия национального языка является бесспорным, поскольку национальный язык является языком конкретного народа и обладает признаком первичной коммуникации.

Наша задача состоит в определении содержания конституционно-правового статуса языков в субъектах Российской Федерации, под которым, на наш взгляд, следует понимать систему признанных и гарантируемых государством прав на сохранение, использование, развитие и защиту языков в субъектах Российской Федерации, а также обязанность органов государственной власти и органов местного самоуправления по соблюдению, защите и развитию языков и гарантии создания условий для реализации конституционного права на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества.

Что касается содержания понятия конституционно-правового статуса языков в субъектах Российской Федерации, то его раскрытие необходимо начать с осмысления сущности положения языков в Российской Федерации. На наш взгляд, содержание правового статуса языков необходимо рассмотреть как с позиции отечественного законодательства, так и опыта зарубежных государств.

Статусность государственного языка во всем мире неоднозначна. В частности, в Австралии и Океании один государственный язык имеют 8 государств (52,2 %), два государственных языка – 6 государств (42,8 %). В Азии один государственный язык имеют 29 государств (76,3 %), два государственных языка имеют 6 государств (15,8 %). Три государственных языка имеет одно государство (2,6 %), четыре и более государственных языков имеют два государства (7,9 %). В Северной Америке один государственный язык имеет 21 государство (91,3 %), два имеют два государства (8,7 %). В Южной Америке один государственный язык имеют 11 государств (91,7 %),

два языка – 1 государство (8,3 %). В Африке один государственный язык имеют 35 государств (67,3 %), два – 15 государств (28,8 %), три – одно государство (1,9 %), четыре и более – одно (1,9 %). В Европе один государственный язык имеют 40 государств (80 %), два языка имеют пять государств (10 %), три имеют три государства (6 %), четыре и более – одно (1,9 %)¹.

Необходимо отметить, что регулирование вопросов языка на конституционном уровне происходит не во всех странах. В настоящее время из 180 конституций только 22 не содержат упоминаний о языке². В некоторых странах регулирование правового статуса языков, а также их правовых режимов происходит не на конституционном уровне, а на уровне других правовых актов. Во многих случаях официальный язык устанавливают обычные (*ordinarias*) законы, и потому государства, где совершенно отсутствуют правовые определения по этому вопросу, очень редки³. В этой сфере наблюдается большое разнообразие норм. В частности, мексиканский ученый Диего Валадес предлагает классифицировать их на три вида: нормы, которые признают официальным преобладающий в стране язык; нормы, допускающие языковую множественность, но предоставляющие каждому языку возможность развиваться более или менее спонтанно; нормы, устанавливающие государственные обязательства в отношении распространения, сохранения и развития языков национальных меньшинств⁴.

Продолжая мысль, Диего Валадес пишет: «К первому виду относятся, например, конституции Саудовской Аравии, Египта, Филиппин, Франции, Латвии, Литвы, Норвегии, Польши, Португалии и Румынии. В эту группу

¹ Гилязитдинов Д.М. Международный, российский и республиканский опыт решения проблемы статуса языков. – Уфа, 2002. – С. 13.

² Диего Валадес. Язык права и право языка. – М.: Идея-Пресс, 2008. – С. 85.

³ Диего Валадес. Указ. соч. – С. 85.

⁴ Диего Валадес. Указ. соч. – С. 85–86.

входят также Бразилия, Куба, Гондурас – где государство берет на себя обязательство защищать чистоту испанского языка и «расширять» его преподавание – и Панама. Ни в одной из этих стран конституция не упоминает о языковых правах национальных меньшинств. Яркий пример является собой Бразилия, если принять во внимание, что еще два десятилетия назад там насчитывалось 225 языков, из которых 47 уже исчезли и еще 25 в скором времени постигнет та же участь». В число стран, признающих языковое многообразие, мексиканский ученый Диего Валадес включает такие страны, как Австрия, Бельгия, Словения, Финляндия, Грузия, Гаити, Ирландия, Малайзия и Швейцария... К третьему виду стран, где устанавливаются обязанности государства в части принятия позитивных мер для охраны языковых прав населения, Диего Валадес относит Коста-Рику, Россию, Южно-Африканскую Республику и так далее¹. На наш взгляд, включение Грузии в число стран, признающих языковое многообразие, не совсем понятно, так как на современном этапе развития данной страны неблагоприятными являются отношения с абхазами, осетинами и другими национальными меньшинствами, проживающими там.

Вопрос о выборе государственного языка в стране с однородным национальным составом менее острый, чем в стране, где проживает множество народов, поэтому для многонациональной страны роль государственного языка гораздо важнее, так как он является средством общения и консолидации представителей всех ее народов. В Российской Федерации роль языка межнационального общения, интеграции общества играет русский язык, поэтому логично, что в части 1 статьи 68 Конституции Российской Федерации этот язык объявлен государственным языком страны. Вместе с тем, статья 3 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации», закрепляет как

¹ Там же. – С. 86–91.

положения, относящиеся к правовому статусу, так и отдельные элементы правового режима языков, что исключает единообразный подход в условиях многоязычного государства.

В части 2 статьи 3 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации», где закреплено, что республики вправе устанавливать в соответствии с основным законом Российской Федерации свои государственные языки. Необходимо отметить, что данная норма устанавливает право на определение своего государственного языка только в отношении субъектов в составе Российской Федерации, обладающих статусом республики. Причиной такого законодательного установления является формирование субъектов Российской Федерации по двум принципам, а именно по административно-территориальному и по национально-территориальному делению. По справедливому замечанию Е.В. Колесникова республиканский законодатель в пределах своей компетенции обычно сам определяет и содержание, и форму акта, которые учитывали бы национальные особенности, а также местные условия¹. Таким же образом происходит разграничение права на использование, сохранение, развитие и защиту языка между республиками Российской Федерации и другими субъектами Российской Федерации.

В этом плане гарантирующей нормой является часть 3 статьи 3 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации», в соответствии с которой субъекты Российской Федерации вправе принимать законы и иные нормативные правовые акты о защите прав граждан на свободный выбор языка обучения, творчества, общения и воспитания. Представляется, что юридическая природа данной нормы состоит в том, что субъекты Российской Федерации, не обладающие статусом республик, в области регулирования статуса языков имеют право принимать законы и иные правовые акты, направленные на защиту прав

¹ Колесников Е.В. Особенности нормативных актов типа «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик» // Правоведение. – 1984. - № 3. – С. 83.

граждан по свободному удовлетворению прав на обучение, творчество, общение и воспитание, которые являются факультативными правами в языковой сфере, производными от доминирующих конституционных норм, определяющих основное содержание конституционно-правового статуса языков субъектов в Российской Федерации. Получается, что норма части 3 статьи 3 указанного закона регламентирует специальные права в отношении гарантирования языков в том или ином субъекте Российской Федерации.

Исходя из изложенного, необходимо отметить, что часть 3 статьи 3 Закона РФ «О языках народов РФ» содержит как конституционные права на свободный выбор языка общения, так и правовые режимы использования государственного и родного языков, а также правовой режим воспитания, обучения и творчества. На наш взгляд, необходимо внимательно подойти к исследованию части 4 статьи 3 указанного закона, где законодатель определил, что на территориях компактного проживания преимущественно основного населения, не имеющего своих национально-государственных и территориальных образований, наряду с государственным языком России и установленными языками республик в сферах официального общения может использоваться язык населения местности с характеристиками территории компактного проживания. Особенностью такой законодательной конструкции является то, что право на регламентацию порядка использования языков в таких местностях определяется федеральным и региональным законодательством.

Вместе с тем, из содержания данной нормы не совсем ясен инструментарий определения компактного проживания населения того или иного народа. Представляется, что данная правовая норма, прежде всего, направлена на регулирование статуса языков народов субъектов Российской Федерации, которые в законодательстве Российской Федерации определены как коренные малочисленные народы Российской Федерации. В статье 1 Федерального закона «О гарантиях прав малочисленных народов Российской Федерации» данные

народы понимаются как «народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями». Основываясь на этом определении и исполняя вышеупомянутый закон, Правительство Российской Федерации составило единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, куда вошли 43 малочисленных народа Российской Федерации, которые проживают примерно в 30 субъектах Российской Федерации. Также данная норма направлена на регулирование статуса языков народов, компактно проживающих на территориях, не имеющих статуса самостоятельного субъекта Российской Федерации, но и не относящихся к категории малочисленных народов Российской Федерации. В данной ситуации привлекает внимание положение краев как субъектов Российской Федерации, так как начавшийся процесс объединения субъектов Российской Федерации увеличивает их количество, при этом сокращая число национальных автономных округов¹. Появились такие новые субъекты Российской Федерации, как Забайкальский край, куда вошли Читинская область и Агинский Бурятский автономный округ. В состав Красноярского края вошли помимо самого Красноярского края Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ и Эвенкийский автономный округ, в Камчатский край вошли Камчатская область и Корякский автономный округ, а Пермский край образовали Пермская область и Коми-Пермяцкий автономный округ². К числу языков, к которым относятся нормы анализируемой части, можно отнести национальный язык коми-пермяков, которые по данным переписи населения 2010 года в

¹ Кочев В.А. Рецензия на книгу: Кряжков В.В. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010. 560 с. // Государство и право. – 2011. - № 1. – С.117-119.

² Бурьянов В.Ф., Кочев В.А. Об образовании нового субъекта Российской Федерации - Пермского края // Ученые записки юридического факультета СПбГЭФ. – 2005. Вып. 1 (12). – С.72-79.

Российской Федерации насчитывают 94 456 человек¹, таким образом, учитывая количественный показатель, согласно российскому законодательству эту группу нельзя отнести и к малочисленным коренным народам. В данном случае следует согласиться с мнением Р.Ш. Гарипова, который считает, что признак малочисленности коренного народа не соответствует международным стандартам². Вместе с тем, необходимо отметить, что вопрос о регулировании языковых отношений в местах компактного проживания эффективен на местном (муниципальном) уровне, однако и на этом уровне существуют определенные проблемы.

В частности, анализ части 4 статьи 3 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации» показал, что данный закон не содержит полномочий органов местного самоуправления по сохранению и развитию языков, тогда как такие полномочия имеются в ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Так, из содержания данной нормы следует, что данные правоотношения регламентируются на уровне федерации и субъектов Российской Федерации, тогда как уровень местного самоуправления и компетенция муниципальных органов власти в этой части не закреплены. Между тем в пункте 7.2 статьи 14 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к вопросу местного значения относится сохранение и развитие языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории муниципальных образований. Таким образом, наличие у органов местного самоуправления полномочий по развитию языков доказывает необходимость внесения дополнений в статью 3 Закона о языках народов

¹ Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федер. служба гос. статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. – С.87

² Гарипов Р.Ш. Коренные малочисленные народы в России: гарантии прав и свобод // Журнал российского права. – 2012. – № 6. – С. 68.

Российской Федерации. В связи с этим диссертант предлагает дополнить часть 4 статьи 3 Закона № 1807-1 о языках народов России словосочетанием «и правовыми актами органов местного самоуправления» и изложить ее в следующей редакции:

4. Порядок использования языков в таких местностях определяется законодательством Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и нормативно-правовыми актами органов местного самоуправления.

Что касается части 5 ст. 3 Закона о языках народов Российской Федерации, то необходимо отметить признание и гарантирование государством равных прав народов Российской Федерации на языки, на их сохранение и развитие. Однако факты говорят о другом, а именно о том, что экономические и политические факторы препятствуют процессу создания условий для сохранения, развития, использования и защиты языков в субъектах Российской Федерации. Не удивительно, что Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств еще не имплементирована в законодательство Российской Федерации, и многие положения, касающиеся охраны языков, продолжают оставаться декларативными, что, в свою очередь, не снижает нагрузки на органы государственной власти в части урегулирования межнациональных разногласий. В частности, заявляются разные причины, главной из которых является финансовая невозможность создать условия для развития всех языков в связи с объемностью национальностей, проживающих на территории современной России. Данные Всероссийской переписи населения 2010 года свидетельствуют, что в Российской Федерации проживает примерно 180 национальностей¹. Невозможность поддержки всех языков народов Российской Федерации и неисполнение гарантирующих норм проявляется и в документе исследователя Эдуардо Руиз, посвященном перспективам ратификации Хартии региональных

¹ Систематизация произведена на основе Алфавитного перечня национальностей и этнических наименований, разработанного Институтом этнологии и антропологии РАН.

языков Россией. В своем исследовании он пишет: «Большое количество языков России находится под серьезной угрозой исчезновения, в то время как другие находятся в необратимом процессе исчезновения»¹. Таким образом, эффективное регулирование общественных отношений в языковой сфере в настоящее время должно стать предметом пристального внимания со стороны федеральных и региональных органов государственной власти, долгом должностных лиц, ответственных за проведение в жизнь вопросов национально-культурной политики России, что, несомненно, будет способствовать обогащению содержания конституционно-правового статуса языков в субъектах Российской Федерации.

Исходя из вышеизложенного, представляется возможным сформулировать следующие выводы и предложения:

1. Правовые статусы языков в различных странах не являются идентичными и зависят от исторического, традиционного, политического, экономического и правового развития страны, при этом возникающие вопросы о выборе государственного языка в стране с однородным национальным составом менее конфликтогенны, в отличие от многонациональных государств.

2. Конституционно-правовой статус языков в субъектах Российской Федерации выражается в совокупности нормативных правовых положений, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными, федеральными законами и правовыми актами субъектов в составе Российской Федерации, гарантирующих право на сохранение, развитие, использование и защиту государственных и иных языков народов Российской Федерации.

¹ Ruiz Eduardo. Minority languages of the Russian Federation. Perspectives for a ratification of the European Charter of Regional and Minority Languages. – Barcelona: Mercator Working, 2002. – P. 45.

3. В целях совершенствования законодательных гарантий сохранения, развития, использования и защиты языков предлагается внесение дополнений в статью 3 Закона о языках народов Российской Федерации в связи отсутствием нормативного закрепления полномочий органов местного самоуправления по развитию языков. В частности, предлагается дополнить часть 4 статьи 3 Закона о языках народов Российской Федерации словосочетанием «и правовыми актами органов местного самоуправления», поскольку данная нормативная модель будет способствовать развитию полномочий органов местного самоуправления в области сохранения, развития и поддержки языков народов, проживающих как в границах национально-территориальных образований, так и за их пределами, в местах компактного проживания граждан.

§ 2. Принципы сохранения, развития, использования и защиты языков в субъектах Российской Федерации

Правовой статус языков субъектов Российской Федерации должен укрепляться как общеправовыми, так и специфическими принципами охраны, изучения, развития и использования языков, поскольку без нормативного закрепления принципов в исследуемой области общественных отношений на законодательном уровне создается опасность столкновения интересов, прежде всего общественных групп, особенно в многонациональных государствах.

Основные принципы реализации права на языки изложены в различных нормативных актах. В частности, основным международным документом, направленным на то, чтобы остановить или, по крайней мере, затормозить процессы, ведущие к исчезновению малых языков, стала Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств¹. Этот правовой документ полностью посвящен правовому статусу языков. В нем выработаны основные языковые принципы применительно к региональным языкам или языкам меньшинств, которые в части 1 статьи 1 Хартии определяются как языки, «традиционно употребляемые на конкретной территории государства гражданами соответствующих регионов, олицетворяющими собой национальную группу людей, численно меньшую, чем другое население государства», и отличающиеся от официального языка этого государства. Необходимо отметить, что к этому определению есть интересное дополнение, в котором прописано, что эти языки не

¹ См.: Казакевич О.А. Поддержка малых языков с помощью информационно-коммуникационных технологий: зарубежный опыт // Представление языков народов России и стран СНГ в российском сегменте Интернета: Семинар Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» и Межрегионального центра библиотечного сотрудничества в рамках Международной конференции «Eva 2007 Москва»: Сборник докладов / Сост. и науч. ред.: Е.И. Кузьмин, Е.В. Плыс. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008. – С. 17.

вбирают в себя ни наречия официального языка этого государства, ни языки лиц, являющихся мигрантами¹.

Данный документ базируется на фундаментальных принципах, которые содержатся в статье 7 части II Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств, а именно: а) признание региональных языков или языков меньшинств в качестве выразителей культурного наследия; б) учет географической сферы распространения региональных языков или языков меньшинств для того, чтобы уже имеющееся или вновь образованное административное деление не создало препятствий к развитию конкретного регионального языка или языка меньшинства; с) необходимость активных действий и решения по поддержке региональных языков или языков меньшинств для их последующего сохранения; d) содействие и / или поощрение употребления региональных языков или языков меньшинств в письменной и устной речи, в личной жизни и общественной деятельности; е) сохранение и развитие связей в сферах действия настоящей Хартии, между группами, употребляющими региональные языки или языки меньшинств, и иными группами в государствах, где язык используется в идентичной или сходной форме, а также формирование культурных взаимоотношений с другими национальными группами в государстве, использующими иные языки; f) обеспечение соответствующих закону форм и средств для изучения региональных языков или языков меньшинств в процессе преподавания на всех ступенях образовательного процесса; g) создание условий для лиц, не говорящих на региональном языке или языке меньшинства и проживающих в районе, где он используется, изучать и использовать его, если они этого захотят; h) содействие в исследовании и изучении региональных языков и языков меньшинств на уровне университетов или равнозначных учебных заведений; i) создание условий для различных видов межнациональных обменов в

¹ Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств и пояснительный доклад.

охватываемых Европейской Хартией языков, применительно к региональным языкам или языкам меньшинств, употребляемым в идентичной или сходной формах на территории двух или более государств¹.

Членство в Совете Европе и ряд других объективных обстоятельств дают нам возможность говорить о факторах, которые не позволяют Российской Федерации игнорировать положения данного международного документа. Эта точка зрения непосредственно следует из пункта «а» статьи 18 Венской Конвенции о праве международных договоров. Данная норма гласит, что государство обязано воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели, если оно подписало договор или обменялось документами, образующими договор, под условием ратификации, принятия или утверждения, до тех пор, пока оно не выразит ясно своего намерения не становиться участником этого договора². В своем выступлении от 31 июля 2008 года в Женеве глава делегации Российской Федерации М.А. Травников в ходе 73-й сессии Комитета по ликвидации расовой дискриминации сказал: «Мы уделяем этому вопросу самое серьезное внимание. Кроме того, в партнерстве с Советом Европы ведется подготовка к ратификации Россией Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств»³.

В этом контексте для России вышеназванные международные принципы также являются основополагающим началом для конституционно-правового статуса языков субъектов Российской Федерации. Данный вывод следует из смысла части 1 статьи 1 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации», согласно которой правовое регулирование в сфере языковых отношений

¹ Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств и пояснительный доклад. – С. 15.

² Венская Конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 года // Ведомости ВС СССР. – 1986. – 10 сентября. – № 37. – Ст. 772.

³ Официальный сайт Министерства регионального развития РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.minregion.ru/OpenFile.ashx/Travnikov_repot.doc?AttachID=17 (дата обращения: 17.05.2011).

базируется на Конституции Российской Федерации, общепризнанных нормах и принципах международного права, международных договорах Российской Федерации, специальных законах, регулирующих общественные отношения, возникающие по поводу использования языков, а также иных федеральных законах и правовых актах России и законах субъектов Российской Федерации.

Что касается содержания конституционно-правового статуса языков в субъектах Российской Федерации, то оно базируется на общеправовых принципах, которые заключены в Основном законе России. Так, по смыслу части 3 статьи 5 Конституции Российской Федерации федеративное устройство российского государства основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации. По мнению профессора С.А. Авакьяна, федерация – не конгломерат независимых единиц, а самостоятельное и единое государство с более сложной системой отношений между центром и отдельными субъектами»¹. При этом осознание индивидом своей общности с государством утрачивает тот оттенок доминирования «чистой» этничности, которая для индивида в определенных ситуациях может быть более значимой и статусной, чем собственно гражданство². На наш взгляд, через принцип равноправия народов следует признавать и принцип языкового равноправия, так как язык является одним из главных признаков того или иного народа.

Также одним из наиболее важных конституционных принципов применительно к языкам является принцип неотчуждаемости, закрепленный в

¹ Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс. – М.: Юристъ, 2006. – С.24.

² Хабибуллин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идентичность как элемент правового статуса личности // Государство и право. – 2000. - №5. – С.11.

части 2 статьи 17 Конституции Российской Федерации, который означает, что ни один человек или целый народ ни по каким основаниям не может быть лишен конституционных прав общаться на национальном языке. Данный принцип следует из правовой природы естественных прав человека, которые даны от рождения и никем не могут быть отчуждены.

В части 3 статьи 68 Конституции Российской Федерации закреплено, что Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. Из данной нормы следует, что в основном законе государства закреплен принцип гарантированности языкового развития. То есть Российская Федерация взяла на себя обязанности максимально способствовать сохранению, изучению и развитию языков.

Принципы языкового развития и законодательного закрепления очень важны в плане регулирования национальных взаимоотношений и установления определенного правового статуса того или иного языка. Исследования проблем, связанных со статусом языков в Канаде, Бельгии, Финляндии и Швейцарии, показывают, что некоторые конфликты могут быть частично нейтрализованы при соблюдении следующих условий: принцип территориальности должен быть ограничен до нескольких ключевых областей, как управление и образование; институциональное многоязычие, которое возникает, должно привести к созданию независимых одноязычных сетей, которые предоставляют равные возможности связи для меньшинства и большинства. Эти сети должны также исключить языковую дискриминацию; меры языкового планирования не должны быть основаны исключительно на языковой переписи, осуществляемой соответствующими правительствами. Скорее власти должны искренне принять во внимание ситуационные и контекстные характеристики языковых групп; группу языковых меньшинств в многоязычной стране не следует судить в первую очередь по количественным признакам. Напротив, они должны быть наделены

большими правами и возможностями развития¹. В этом контексте выделяется проблема укоренения принципа дифференциации языкового статуса, в соответствии с которым «региональный язык или язык меньшинств», о котором говорится в Хартии региональных языков, на наш взгляд, нужно рассматривать с долей определенной условности и в двух аспектах. Основанием выделения таких аспектов является принадлежность носителей национальных языков, то есть всех народов Российской Федерации, в первом аспекте к категории автохтонных народов Российской Федерации и во втором аспекте – к категории народов, которые исторически, то есть традиционно, не проживали в Российской Федерации, следовательно, не являются автохтонными (коренными) народами.

Под определением «региональные языки или языки меньшинств», которое содержится в пункте «а» статьи 1 Хартии региональных языков, в Российской Федерации следует понимать все национальные языки автохтонных народов Российской Федерации, т.е., говоря о языках автохтонных народов, на наш взгляд, нужно придерживаться логики М. Стефенса, которого в своих трудах цитирует доктор филологических наук А.Е. Павленко отмечающий, что: «Языки исконных, а в некоторых случаях и автохтонных групп населения или таких сообществ, в отношении которых точно известно, что они «первыми» заняли территорию, на которой проживают в данной момент»².

Похожий вопрос рассматривается и в ряде других исследований. В частности, доктор филологических наук Т.Г. Боргоякова пишет, что «существует точка зрения, согласно которой к миноритарным языкам (языкам меньшинств или менее используемым языкам) в России следует относить языки тех коренных малочисленных народов, численность которых не превышает 50 тысяч граждан,

¹ Nelde P.H., Labrie N. and Williams C.H. The Principles of Territoriality and Personality in the Solution of Linguistic Conflicts // Journal of Multilingual and Multicultural Development. – 1992. – № 13(5). – P. 387–406.

² Павленко А.Е. Региональный язык и его статус (на материале языковой ситуации в равнинной Шотландии). – СПб.: Наука, 2003. – С. 90.

проживающих на территориях своего традиционного расселения. Этноты данной категории являются субъектами правового регулирования, гарантирующими основные права коренных малочисленных народов. Именно эти миноритарные языки представлены в Красной книге языков народов России, где собраны сведения о языках 63-х малочисленных этносов. Остальные миноритарные языки Российской Федерации, даже если они находятся под угрозой исчезновения, не являются бенефициариями данного закона и не включены в упомянутую выше российскую Красную книгу языков. В то же время некоторые из них вошли в Красную книгу исчезающих языков ЮНЕСКО. Так, хакасский язык отнесен в этой книге к группе языков, подвергающихся угрозе исчезновения. Произвольный выбор критерия в 50 тыс. человек для отнесения народа к категории коренных и малочисленных представляется необоснованным и используется только в России. Еще менее убедительным и обоснованным представляется использование этого критерия для разграничения национальных языков на региональные и миноритарные»¹.

Следует подчеркнуть, что не все национальные языки народов, проживающих в Российской Федерации, на наш взгляд, могут считаться «региональными языками или языками меньшинств» в Российской Федерации согласно Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств. К таким языкам мы не относим национальные языки народов, которые имеют исторические корни на территориях других суверенных государств. То есть нахождение и их проживание в Российской Федерации связано с миграционными процессами, причем этот процесс мог происходить как в недалеком прошлом, так и в более далеком историческом периоде. В данном случае мы исходим из пояснительного доклада к Хартии, где говорится, что «в задачи Хартии не входит решение проблем, возникших за последнее время в связи с миграционными

¹ Боргоякова Т.Г. Указ. соч. – С. 4.

процессами¹, в результате которых в странах приема, а иногда и странах происхождения при возвращении туда мигрантов появляются группы населения, пользующиеся иностранным языком. В частности, действие Хартии не распространяется на группы выходцев из неевропейских стран, недавно приехавших в Европу и получивших гражданство того или иного европейского государства. Формулировки, использованные в Хартии, – «исторические региональные языки или языки меньшинств Европы» и «языки, которые... традиционно используются» на территории государства (пункт «а» статьи 1), – ясно указывают на то, что Хартия охватывает только исторические языки, то есть те, на которых в течение длительного периода говорят в данном государстве»². Эта же логика присутствует и в следующем положении: «Устав не предлагает какой-либо защиты для некоренных жителей стран Европы. Это означает, например, что говорящие на кантонском в Северной Ирландии или турецком в Германии или на арабском языке во Франции не могут реально рассчитывать на защиту по данному Международному пакту. По существу настоящий Устав исключает языки мигрантов и неэтнических европейцев из своего круга ведения, что в свою очередь игнорирует реальные масштабы языкового и культурного разнообразия на территории Европы»³. Интересную мысль по этой проблематике высказали в своей научной статье кандидат исторических наук С.В. Соколовский и доктор исторических наук В.А. Тишков. В своем исследовании они пишут: «Хартия направлена на защиту языков, традиционно используемых на территории государств (они также именуется автохтонными или коренными), а не диалектов

¹ Степанов А.В., Телегин А.С. Правовой режим пребывания иностранцев в РФ: некоторые проблемы развития // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2003. Вып. 3. – С. 52-61.

² Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств и пояснительный доклад. – С. 9–10.

³ Nic Craith M. Facilitating or generating linguistic diversity: European Charter for regional or minority languages // Hogan-Brun G. and Wolff Stefan. Minority languages in Europe Frame works, Status, Prospects. – Palgrave Macmillan, 2003. – P. 59.

официальных языков и не языков, на которых говорят недавние мигранты. Таким образом, из-под защиты Хартии выводится большинство языковых сообществ, языки которых не могут быть отнесены к языкам России, несмотря на то обстоятельство, что значительная их часть преподается в российских школах как предмет, либо на них ведется преподавание. Тем не менее, этот вопрос о принципе дифференциации статусов языков имеет дискуссионный характер, но для перспектив ратификации Хартии имеет существенное значение. Целый ряд языков используется группами населения, которые вполне могут считаться автохтонными жителями Российской Федерации и которые численно относятся к категории наиболее крупных «народов» или «меньшинств». Это украинцы, белорусы, азербайджанцы, армяне, грузины, казахи, латыши, туркмены, таджики, киргизы, узбеки, проживающие в России главным образом дисперсно или небольшими городскими и сельскими анклавами. Ростовские армяне, ставропольские туркмены, оренбургские казахи, сибирские немцы, поляки и латыши, московские грузины, не говоря уже об украинцах и белорусах, проживают на территории России уже несколько веков. В последние два десятилетия эти группы пополнились новыми мигрантами, которые в ряде случаев сегодня составляют значительную часть и даже большинство данных сообществ (азербайджанцы, армяне, грузины, таджики, киргизы, узбеки, молдаване)¹.

Принцип дифференцированного подхода к статусу «региональных языков или языков меньшинств», понятия которых содержатся в Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств, и определение понятия «государственные языки субъектов Российской Федерации», закрепленное в отечественном законодательстве, на наш взгляд, исходят из той логики, что понятие «государственные языки субъектов Российской Федерации» входит в смысл термина «региональный язык или язык меньшинства», который излагается

¹ Соколовский С.В., Тишков В.А. Европейская языковая Хартия и защита языковых прав в России // Европейская языковая хартия и Россия. – М.: ИЭА РАН, 2010. – Вып. 218. – С. 6.

в Европейской Хартии. Вместе с тем, российская модель языкового многообразия заключается в конституционных положениях статьи 68 Основного закона нашего государства и в нормах статьи 3 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации», которые устанавливают, что государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык. В части 2 статьи 68 Конституции Российской Федерации говорится, что субъекты со статусом республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации. Опираясь на федеральное законодательство, почти все национальные республики объявили на своих территориях государственными языками, помимо русского языка, языки автохтонных народов этих республик.

Совпадение понятия «региональные языки или языки меньшинств» и понятия «государственные языки субъектов Российской Федерации» применительно к масштабам Российской Федерации следует из той логики, что 22 республики Российской Федерации входят в число 85 регионов Российской Федерации, и, следовательно, государственно-официальные языки республик в масштабах страны являются региональными языками Российской Федерации. В данной терминологии нужно уточнить, что словосочетание «региональный язык» нельзя отделять от понятия «языки меньшинств», которое дается в Европейской Хартии, так как, на наш взгляд, логика документа прописана так, что эти понятия являются синонимами и не выделяют два различных статуса для языков, поэтому государственные языки субъектов Российской Федерации со своими носителями, которые являются меньшинством по сравнению с многочисленным русским народом, можно определить терминологией Хартии как «региональные языки или языки меньшинств».

Касаясь этой тематики, доктор филологических наук Т.Г. Боргоякова пишет следующее: «Языки народов России, имеющих собственные национальные государственные образования, иногда предлагается называть региональными. Возможно, это связано с названием Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств, в которое некоторыми нашими исследователями вкладывается несколько иное понимание. Они считают, что речь идет о двух типах или группах языков – региональных языках и языках меньшинств. На самом деле речь о языках национальных меньшинств, которые по-разному называются в разных странах. Так, например, во Франции не используется термин «национальное меньшинство» и, соответственно, «язык меньшинства», а такие языки там называются региональными языками»¹. В подтверждение этого примера исследователь приводит слова Д.О. Риэгана, который отмечает: «Франция никогда не могла признавать наличия германского национального меньшинства на собственной территории, но она может признать наличие эльзасского варианта немецкого языка как одного из региональных языков неделимого государства»².

В этом же контексте определен смысл положений Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств: «В Хартии, в отличие от многих документов ОБСЕ и Рамочной Конвенции по защите прав меньшинств, не используются понятия «меньшинство» или «национальное меньшинство», а термины «региональные языки» и «языки меньшинств» рассматриваются как эквивалентные, образуя единое понятие «региональные языки или языки меньшинств», используемое во всем тексте Хартии для обозначения основного объекта защиты. Существенными в рамках Хартии понятиями, разграничение между которыми предстоит освоить российским юристам и чиновникам, являются понятия «региональные языки» (альтернативно именуемые

¹ Боргоякова Т.Г. Указ. соч. – С. 4.

² Там же.

в некоторых государствах как языки меньшинств) и «языки нетерриториальные»¹. Рассматривая этот вопрос, А.Е. Павленко пишет: «В этой связи представляется целесообразным учесть некоторые ключевые положения Европейской Хартии – документа, отражающего современный подход к проблеме. Хотя в настоящее время в странах Европейского Сообщества предпочтение отдается термину «lesser used language» («малый язык», буквально «менее широко используемый язык»), заменяющему термины «regional language» и «minority language» из-за свойственной им обоим семантической узости, а также определенных отрицательных коннотаций, можно признать, что если использовать их в научном обиходе лишь в качестве технических терминов, то вопрос о коннотациях можно игнорировать. Поэтому, несмотря на то, что термины «региональный язык» и «миноритарный язык» расплывчаты и далеко не точны, они могут использоваться, поскольку уже успели закрепиться»². В последние десятилетия антропологи и социолингвисты пытались прийти к альтернативной, более приемлемой терминологии для неофициальных, негосударственных языков Европы. Были предложены такие термины, как «малоиспользуемые», «маргинальные», «менее широко используемые». Разница между «языком», «языком меньшинств» и «диалектами» является важной как в политическом смысле, так и в повседневном быту³.

Исследователи Запада избегают применения термина «меньшинство» и, следовательно, выражения «язык национального меньшинства». Предпочтение вместо этого отдано «региональному языку», который соответствует категориям,

¹ Соколовский С.В., Тишков В.А. Европейская языковая Хартия и защита языковых прав в России // Европейская языковая хартия и Россия. – М.: ИЭА РАН, 2010. – Вып. 218. – С. 5.

² Павленко А.Е. Указ. соч. – С. 91.

³ Broadbridge J. The Ethnolinguistic Vitality of Alsatian-speakers in Southern Alsace' in German Minorities in Europe: Ethnic Identity and Cultural Belonging / Ed. S. Wolff. – Oxford and New York: Berghahn, 2000. – P. 47–62.

обычно используемым в политическом споре¹. В научном мире также применяется термин «миноритарные языки», что, на наш взгляд, по смыслу совпадает с понятием «языки меньшинств», а термин «миноритарный» является не чем иным, как лексическим приемом перевода. Если обратиться к филологической литературе, то там можно найти несколько приемов перевода иностранных слов, например: транскрипция и транслитерация, калькирование, лексико-семантические замены, конкретизация, генерализация, модуляция или смысловое развитие².

В связи с этим употребление в научной среде термина «миноритарный» излишне, так как есть полноценный перевод. Анализируя применения транслитерации, необходимо, на наш взгляд, понимать важность передачи этой специфичности. Если же это не требуется, то применение данного приема превращается в злоупотребление иностранными заимствованиями, что, по нашему мнению, засоряет русский язык. К сожалению, этот процесс сегодня идет с большой скоростью, и в перспективе данному процессу необходимо будет ставить барьер, начиная прежде всего с принятия определенных правовых норм.

Относительно категории «меньшинства» и ее соотношения с понятием «язык» в своих трудах рассуждает Ф. Грин, который пишет: «Язык – безусловно одно из тех свойств, относительно которого человек может быть «в большинстве» или «в меньшинстве», имеет ли это свойство значение или нет, степень, до которой это фактически формируется – восприятие человека себя и (или) его бытия, которым он воспринят другими, является вопросом»³. Также в своей книге он цитирует определение понятия «меньшинство», которое выработал в 1979 году Франческо Капоторти для Организации Объединенных Наций: «Группа,

¹ Grin F. Language Policy Evaluation Charter for regional or Minority Languages. – Palgrave Macmillan, 2003. – P. 20.

² Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – С. 34.

³ Grin F. Op. cit. – P. 19.

численностью меньше к остальной части населения государства, находящаяся в недоминирующем положении, при этом являясь подданными государства, — обладает этническими, религиозными, и / или лингвистическими особенностями, отличающимися от остальной части населения, и поддерживается солидарностью, направленной к сохранению их культуры, традиций, религии или языка»¹. Заслуживает внимания по данному вопросу следующая точка зрения: «Хотя устав разрабатывался для языков меньшинств, в нем нет определения «меньшинств». Это комплексный подход поставил многие организации в тупик из-за различий в понимании термина не только с Запада на Восток, но и от региона к региону. В период апартеида в Южной Африке этническое население составляло большинство, но им было отказано в доступе к привилегиям и власти. Главная особенность меньшинства — это отсутствие доступа к власти, которое часто (но не всегда) применялось на основе численной и иногда якобы «культурной неполноценности»². Если какие-либо из прав, включенных в общую систему, не «работают», то происходит деформация общественных отношений, что вызывает дисбаланс социальной системы»³.

Несмотря на различные трактовки и понимания дефиниций применительно к Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств, при применении данного документа нужно исходить из позиций, которые озвучил в своем докладе Генеральный Секретарь Совета Европы в ПАСЕ: «Применение Хартии осуществляется на основе дружественного и разумно необходимого сосуществования государственных языков и региональных или языков меньшинств. Они воспринимаются как укрепляющие друг друга в контексте многоязычия и культурного плюрализма, а не как существующие в оппозиции

¹ Ibid.

² Nic Craith M. Op. cit. – P. 60.

³ Права человека и правовое социальное государство в России // Отв. ред. доктор юридических наук Е.А. Лукашева. – М.: Норма, Инфра-М, 2014. – С.182.

или конкуренции. Этот подход требует от людей достаточной уверенности в их собственной идентичности для того, чтобы занять положительную позицию по отношению к другим национально-культурным личностям»¹.

Что касается критериев для установления того или иного правового статуса языка, то предлагаются различные принципы. Например, для правового закрепления языка со статусом «государственный язык» берутся самые различные принципы: аутентичность, или подлинность, – предпочтение отдается коренным, автохтонным языкам; единообразие – предпочтение отдается только одному языку; разнообразие, или многообразие, – предпочтение отдается многим языкам; дистинктивность, или особенность, – предпочтение отдается языкам, являющимся особенными (уникальными) для общества; универсальность – предпочтение отдается языкам, имеющим наибольшую распространенность; стабильность – предпочтение отдается языкам с уже сложившимся языковым статусом; радикальность – языковая политика направлена на повышение статуса этноязыковых групп, ущемленных в своих правах; дефинитивность, или определенность, – языковая политика строится таким образом, что не допускаются альтернативные варианты решения языковых проблем; добровольность, непринуждение; модернизация – предпочтение отдается языкам с развитым вокабуляром и богатой литературой; популизм – предпочтение отдается языкам, пользующимся массовым спросом, а не салонным или элитным; престиж – предпочитают языки, обладающие высоким статусом; толерантность, или терпимость, –

¹Официальный сайт Совета Европы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://assembly.coe.int/Documents/WorkingDocs/Doc10/EDOC12300.pdf> (дата обращения: 11.04.2010).

языковая политика избегает действий, которые могут вызывать реакцию отторжения или породить центробежные тенденции¹.

Вместе с этим, вызывает много вопросов практика реализации принципов использования государственных языков в некоторых субъектах Российской Федерации. В частности, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2004 г. № 16-П² по делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 10 Закона Татарстана «О языках народов Республики Татарстан» на основании п. 2 ст. 6 Закона Татарстана «Об образовании» Ново-Савиновский районный суд Казани отказал в удовлетворении обращения гражданина С.И. Хапугина, поданного им в интересах малолетнего сына, о признании незаконными действий руководителя районного отдела образования Ново-Савиновского района Казани, чьим приказом была установлена обязательность изучения татарского языка в равном объеме с русским языком, а Вахитовский районный суд города Казани – в удовлетворении иска о признании недействительным в той же части основного учебного плана образовательных заведений, утвержденного Министерством образования Республики Татарстан.

По мнению С.И. Хапугина, поскольку использованные в его деле юридические положения и соответствующая ч. 2 ст. 9 Закона Татарстана от 28 июля 2004 года «О государственных языках Республики Татарстан» обязывают обучающихся в учебных заведениях с русским языком обучения изучать татарский язык в большом объеме, для них – при соблюдении определенных максимальной учебной нагрузки и обязательного минимума содержания образовательных программ – ограничивается возможность

¹ Илишев И.Г. Язык и политика в многонациональном государстве. – Уфа: Китап, 2000. – С. 13–14.

² Постановление Конституционного суда РФ от 16 ноября 2004. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. - № 47. – Ст. 4691.

углубленного изучения иных дисциплин учебного плана, а также освоения предметов по факультативному выбору. Тем самым С.И. Хапугин полагал, что граждане Российской Федерации, проживающие в Татарстане, ставятся в неравный статус в смысле реализации права на образование.

В запросе Государственный Совет Республики Татарстан просил рассмотреть соответствие основному закону положения Закона о языках народов РФ, согласно которому в России алфавиты официального языка Российской Федерации и государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы; иные основы алфавитов государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик могут устанавливаться только федеральными законами.

В своем решении суд пояснил, что «введение на территории Татарстана изучения татарского языка как государственного в общеобразовательных учреждениях Татарстана само по себе не нарушает зафиксированные Конституцией Российской Федерации право каждого на свободный выбор языка обучения и воспитания (статья 26, часть 2) и право на образование (статья 43), а также вытекающие из него право родителей или законных представителей в соответствии с законодательством на выбор образовательного учреждения с тем или иным языком обучения и воспитания детей (п. 3 ст. 8 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации»), право на получение основного общего образования на родном языке (п. 2 ст. 6 Закона РФ «Об образовании»), согласуется с принципом государственной политики в области образования, как защита и развитие органами образования соответствующих национальных культур, культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства, и отвечает предъявляемому к содержанию образования требованию – содействовать развитию сотрудничества между людьми, народами независимо от этнической, национальной принадлежности (п. 2 ст. 2, п. 4 ст. 14 Закона РФ «Об

образовании»)). Таким образом, живущим в Татарстане гражданам, которые не владеют татарским языком, предоставляется гарантия для его изучения.

Вместе с тем, регулирование использования татарского языка как государственного языка, его развитие, изучение (преподавание) и защита в рамках основного общего образования как обязательной дисциплины должны осуществляться без ущерба для употребления и усвоения русского языка как государственного языка Российской Федерации в соответствии с государственными стандартами с учетом того, что в отличие от русского языка татарский язык не является официально используемым в других субъектах Российской Федерации. В ином случае могут создаваться условия, способствующие нарушению гарантированных Конституцией Российской Федерации принципов равенства прав и свобод человека и гражданина при несении гражданами России равных обязанностей на всей ее территории, особенно в части реализации права на образование и права на сохранение, развитие, использование и защиту языков (ч. 2 ст. 6; ч. 2 ст. 19; ст. 43 и 68). По мнению А.С. Автономова, в России стремятся создать условия, позволяющие любому человеку получить образование на своем родном языке. Правда, на пути к этому идеалу имеется естественное ограничение¹. С точки зрения Н.С. Бондаря непродуманные перемены, в том числе под благими лозунгами модернизационных процессов и реформ, могут вступить в противоречие с национально-историческими традициями в области образования, привести к утрате достигнутого.² На взгляд Ю.А. Тихомирова проявляется тенденция государственного национализма, когда возрождается и поддерживается национальная культура, язык, но и обостряются старые и новые споры и

¹ Автономов А.С. Правовая онтология политики. – М.: Инограф, 1999. – С.261.

² Бондарь Н.С. Юридическое образование как конституционная ценность: сочетание публичных и личностных начал // Гуманитарий юга России. – 2013. - №3. – С.105.

конфликты¹. Языковые отношения должны способствовать снижению ксенофобских, националистических настроений², обеспечивать культуру многонационального российского народа.

Что касается решения суда, следует отметить, что, во-первых, суд использовал в своем решении оригинальный термин «официальный язык», употребление которого, на наш взгляд, не совсем обоснованно, поскольку в законодательстве о языках Российской Федерации и субъектов Российской Федерации отсутствует упоминание об официальном языке. Кроме того, в научной литературе нет единого мнения о соотношении понятий «официальный язык» и «государственный язык». Некоторые авторы, такие как В.Е. Крутских, отождествляют понятия «государственный» и «официальный язык», в частности, они пишут, что «официальный язык – основной язык государства, используемый в законодательстве и официальном делопроизводстве, обучении и так далее. В юридической литературе существует мнение, что в большинстве государств, в том числе и России, понятия «государственный язык» и «официальный язык» совершенно совпадают»³. По нашему мнению, этой точки зрения придерживались законодатели некоторых стран, так как в их правовых документах не присутствует термин «государственный язык», а лишь «официальный язык».

Иной точки зрения придерживается кандидат юридических наук Е.М. Доровских, которая пишет: «На наш взгляд, эти два термина являются близкими, но не синонимами. Так, еще в 1953 году эксперты ЮНЕСКО предложили разграничить эти два понятия и выработали их определения.

¹ Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. – М.: Издательство НОРМА, 1996. – С.12.

² Берлявский Л.Г., Колесников Е.В. Законодательные основы противодействия ксенофобии и антисемитизму в советском государстве (1917-1939 гг.) // История государства и права. – 2013. - № 17. – С.12.

³ Юридический энциклопедический словарь / Под ред. В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 2001. – С. 277.

«Государственный язык» (national language) – язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства; «официальный язык» (official language) – язык государственного управления, законодательства, судопроизводства»¹. В продолжение мысли Е.М. Доровских отмечает, что «главное отличие государственного языка от официального – «это его положение как символа государства (наряду с флагом, гербом, гимном), подчеркивающего его связь с определенной национальной государственностью, с конкретным этносом, и отношение к нему как к национальному достоянию»². Таким образом, разграничивать понятия «государственный язык» и «официальный язык» необходимо, так как данные категории однопорядковыми не являются.

Во-вторых, из решения суда следует, что язык связан только с принципом защиты прав и развития системы образования этно-национальных культур, исторических и этнических традиций. В связи с этим доктор политических наук И.Г. Илишев считает, что «язык является самым мощным социальным средством сплочения людей в этнические группы. Территория, религия, культура и экономические интересы играют свою непреходящую роль в формировании национальной идентичности, но именно язык лучше всего выражает идею коллективности и придает черты психической, духовной общности сообществу отдельных индивидов»³. Трудно с этим не согласиться, однако формированию национальной идентичности могут сопутствовать

¹ Доровских Е.М. К вопросу о разграничении понятий «государственный язык» и «официальный язык». – С. 12.

² Там же. – С. 13.

³ Илишев И.Г. Указ. соч. – С. 3.

процессы мультикультуризма¹, очевидно не приемлемые в России, по мнению Председателя Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зоркина.

Исходя из изложенного в параграфе, представляется возможным сформулировать следующие выводы и предложения:

1. В параграфе обосновывается, что сохранение, развитие, использование и защита языков в России опирается на основополагающие конституционные принципы и производны из них. Кроме того, автор обосновывает, что регулирование языковой сферы в России основывается на сложной модели классификации основных и факультативных прав граждан и юридических лиц в области языковых отношений.

2. В процессе развития законодательства о языках в субъектах Российской Федерации применение принципа единообразия в национально-языковом вопросе в Российской Федерации при отсутствии методики учета исторического и национального развития различных автохтонных народов Российской Федерации может создавать условия, способствующие нарушению прав граждан на использование языка.

3. В правовом регулировании языковых отношений выявлен принцип дифференцированного подхода к регламентации статусов языков, согласно которому понятия «региональные языки» или «языки меньшинств» могут использоваться государствами в зависимости от сложившейся политической системы, национального права, а также традиционных социальных ценностей, выработанных в процессе исторического развития общества.

¹ Зорькин В.Д. Как сохранить государство в эпоху этносоциального многообразия // Российская газета. – 2011. - №5579.

§ 3. Субъекты сохранения, развития, использования, установления и защиты языков народов Российской Федерации

Законодательство о языках народов Российской Федерации в основном регламентирует полномочия тех субъектов, которые правомочны регулировать правовой статус государственного языка Российской Федерации и государственных языков субъектов Российской Федерации. В этом смысле проявляются особенности российской модели регулирования языковой сферы, в связи с чем представляется необходимым разграничить субъекты сохранения, развития, использования, установления и защиты языков по классификационным основаниям и разделить их на следующие группы. *К первой группе необходимо отнести* федеральные органы государственной власти; органы государственной власти субъектов Российской Федерации. Закон закрепляет регулирующий статус субъектов Российской Федерации, он также разграничивает их компетентность по принципу разделения властей, а именно по смыслу части 1 статьи 4 Закона о языках народов Российской Федерации органы государственной власти, согласно «принципу разделения властей» относящиеся к законодательной, исполнительной и судебной власти, определяют и обеспечивают юридическую, социальную и экономическую защиту всех языков народов Российской Федерации. Таким образом, субъекты разграничиваются как по вертикали, так и по горизонтали власти, при этом анализ законодательства показывает, что у данных субъектов наибольшая компетенция в области регулирования правового статуса языков.

Вторую группу составляют органы местного самоуправления.

В соответствии со статьей 12 Конституции Российской Федерации в Российской Федерации органы муниципальных образований не входят в систему органов государственной власти. Принцип самостоятельности местного самоуправления, гарантированный в главе восьмой Конституции Российской Федерации, предполагает, что органы местного самоуправления имеют

конституционное право самостоятельно регулировать исследуемую область общественных отношений, учитывая объем их полномочий. В соответствии с Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в части 1 статьи 14 к вопросам местного значения поселений относится создание условий для реализации мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, сохранение и развитие языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории поселения, социальную и культурную адаптацию мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов. В данной группе представляется целесообразным выделить подсубъекты реализации полномочий по созданию условий для развития языка, а именно: а) органы местного самоуправления городских округов и городских поселений; б) органы местного самоуправления муниципальных районов; в) органы местного самоуправления сельских поселений.

В соответствии со ст. 14, 15, 16 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» у вышеназванных видов муниципальных образований в различных объемах имеются полномочия в области развития языков и культуры народов Российской Федерации. Интересен тот факт, что в городских округах и муниципальных районах законодатель закрепил полномочия по поддержке и развитию языков народов Российской Федерации, а в сельских поселениях предусмотрено полномочие по сохранению и развитию языков народов Российской Федерации. Получается, что, по мнению законодателя, тот или иной язык можно сохранить только в сельских поселениях. Также непонятна смысловая нагрузка термина «поддержать», то есть в какой форме – материально или морально, а может каким-либо другим образом. В качестве примера реализации полномочий в области поддержки языка можно привести

постановление Администрации г. Екатеринбурга от 11.02.2014 № 317 «О создании Консультативного совета при главе Администрации города Екатеринбурга по вопросам межнационального и межконфессионального согласия, поддержки и развития языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории муниципального образования «город Екатеринбург», реализации прав национальных меньшинств, обеспечения социальной и культурной адаптации мигрантов, профилактики межнациональных (межэтнических) конфликтов».

Согласно данному Постановлению в задачи и функции Совета входят:

- 1) выработка согласованной стратегии решения проблемы сохранения и развития этнических культур народов, живущих на территории муниципального образования «город Екатеринбург», определение перспективных целей и задач по координации взаимодействия национальных общественных объединений;
- 2) участие в подготовке федеральных, региональных и муниципальных программ в области сохранения и развития национального культурного многообразия;
- 3) внесение предложений о приоритетных направлениях реализации государственной национальной политики на территории муниципального образования «город Екатеринбург», принятие мер по профилактике национального и религиозного экстремизма;
- 4) обеспечение условий для сохранения и развития культур всех народов, проживающих на территории муниципального образования «город Екатеринбург»;
- 5) содействие успешной социальной и культурной адаптации и интеграции легальных мигрантов, прибывающих на территорию муниципального образования «город Екатеринбург»;
- 6) мониторинг и анализ ситуации в межнациональной сфере, выработка рекомендаций по ее гармонизации;
- 7) осуществление иных функций в соответствии с задачами Совета.

Вместе с тем, ни в одном пункте данного документа не сказано про реализацию задачи в области языка, о которой идет речь в названии данного

органа, следовательно, можно сделать вывод, что в этой области деятельность осуществляться не будет. Кроме того, по справедливому замечанию И.В. Выдрина «...далеко не всегда полномочия органов местного самоуправления обеспечиваются материальной и финансовой поддержкой»¹, что является важнейшим условием их практической реализации.

Также примером реализации полномочий в области сохранения и развития языка является постановление руководителя Исполкома муниципального образования «Заинский муниципальный район» от 04.10.2012 № 2093 «О Целевой программе «Русский язык в общеобразовательных учреждениях города Заинска и Заинского муниципального района» на 2012–2015 гг. Интерес представляют положения данной программы с точки зрения их соотношения с полномочиями муниципального района в области сохранения и развития языка, прописанными в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Так, в пункте 2.1 программы указана необходимость изучения, сохранения и развития русского языка как государственного языка Республики Татарстан на основе паритетности с другим государственным языком – татарским. Между тем, как было сказано выше, в полномочия муниципального образования входят поддержка и развитие языков народов Российской Федерации, функции по сохранению языков относятся к компетенции сельских поселений, следовательно, данный пункт не согласуется с федеральным законом.

Также в муниципальных образованиях принимаются правовые акты, направленные на сохранение и развитие национальных языков автохтонных народов. Так, постановлением администрации Аларского района от 8 ноября 2013 г. № 982-п утверждена муниципальная программа «О сохранении и дальнейшем развитии бурятского языка в Аларском районе» на 2014–2016 годы.

¹ Выдрин И.В. Местное самоуправление в Российской Федерации: Автореф. дис.... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1998. – С.27.

В целях данной программы прописано создание условий для дальнейшего сохранения, полноценного развития и популяризации бурятского языка в Аларском районе как главной составляющей этнической самобытности бурятского народа. В данном акте также присутствует вопрос о сохранении языка, который, как отмечали выше, не относится к компетенции муниципального района.

В Постановлении Администрации Пудомягского сельского поселения Гатчинского муниципального района Ленинградской области от 25.02.2014 № 41 «Об образовании Совета по межнациональным и межконфессиональным отношениям при главе администрации Пудомягского сельского поселения»¹ к полномочиям совета относятся содействие сохранению и развитию языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории Пудомягского сельского поселения.

В третью группу входят организации, учреждения и предприятия.

Данную группу субъектов необходимо выделить в отдельную категорию, так как глава 4 Закона о языках народов Российской Федерации посвящена использованию языков в работе государственных органов, организаций, предприятий и учреждений. Отсюда следует, что законодатель также выделяет данные субъекты в отдельную категорию. Тем не менее, необходимо отметить, что в данном случае речь идет о таких субъектах языковых отношений, которые в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации определены как юридическое лицо. По смыслу статьи 48 Гражданского кодекса Российской Федерации юридическим лицом является организация, имеющая на своем балансе собственность, использующая обособленное имущество на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, отвечающая по своим

¹ Официальный сайт Администрации Пудомягского сельского поселения Гатчинского муниципального района Ленинградской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.adm-pudomyagi.ru/administration/2010-12-23-09-56-03/2014/593-4114032014>.

обязательствам своим имуществом, способная выступать от своего имени при приобретении и осуществлении имущественных и личных неимущественных прав, несущая обязанности, которая может выступать истцом и ответчиком в суде.

При этом не совсем понятна логика законодателя, употребившего понятие «организация». Данное понятие многогранное и широкое, сюда можно отнести и государственные органы, предприятия и учреждения, которые законодатель выделил отдельно. Между тем даже определение понятия «юридическое лицо», которое дано выше, раскрывается через понятие «организация» – наиболее четкое и конкретное определение из трех перечисленных. Законодатель уточнил понятие «учреждение», которое раскрывается в статье 120 Гражданского кодекса Российской Федерации, где закреплено, что под учреждением признается некоммерческая организация, созданная собственником для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера. То есть самым главным отличительным признаком учреждения является то, что оно создано не для извлечения прибыли.

Что касается понятия «предприятие», то в данном случае, на наш взгляд, необходимо вести речь как о государственных и муниципальных предприятиях, так и частных предприятиях. То есть в данном законе градации между государственными и частными предприятиями не установлено, поэтому точно сказать, какой организационно-правовой формы подразумеваются предприятия, нельзя.

Между тем в этом плане интересен Закон Удмуртской Республики «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках Удмуртской Республики»¹, где статьи 16 и 17 именуется соответственно следующим образом:

¹ Закон Удмуртской Республики «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках Удмуртской Республики» от 6 декабря 2001 года № 60-РЗ // Газета «Известия Удмуртской Республики». – 2001. – 18 декабря (№ 196).

«Использование языков в работе органов государственной власти Удмуртской Республики, государственных предприятий и учреждений» и «Использование языков в работе органов местного самоуправления в Удмуртской Республике, муниципальных предприятий и учреждений».

Таким образом, парламентарии Удмуртской Республики разграничивают предприятия на государственные и муниципальные, чего на федеральном уровне не обнаруживается. Также стоит обратить внимание, что в данном законе в двух статьях отдельно регламентированы государственный уровень и муниципальный уровень. Выделение отдельно уровня государственных органов, предприятий и отдельно органов местного самоуправления и предприятий также имеет место в Законе Республики Саха (Якутия) о языке в Республике Саха (Якутия)¹, однако в данном правовом акте законодатели обошлись одной статьей 12 указанного закона и закрепили, что в деятельности государственных органов, предприятий, учреждений, организаций Республики Саха (Якутия) языком заседаний и совещаний являются Саха и русский языки. Лицам, не владеющим тем или иным языком, обеспечивается перевод. В деятельности местных государственных органов, предприятий, учреждений, организаций используются Саха, русский и языки местных народностей Севера. Лицам, не владеющим государственными языками, обеспечивается перевод. Лицам, не владеющим государственными или местными официальными языками, предоставляется право выступать на языке, которым они владеют. Их выступления обеспечиваются переводом.

В статье 13 Закона Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан»² помимо дублирования федерального закона о языках народов в число субъектов дополнительно включены органы местного самоуправления. Данная

¹ Закон Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)» от 16.10.1992 // Газета «Якутские ведомости». – 1992. – 12 ноября (№ 19).

² Закон Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан» от 8 июля 1992 года № 1560 XII // Ведомости Верховного Совета Татарстана. – 1992. – № 6. – Ст. 80.

статья называется «Язык работы органов местного самоуправления, государственных органов, предприятий, учреждений и иных организаций Республики Татарстан».

С точки зрения вышеуказанных рассуждений о соотношения понятий «организация», «учреждение» и «предприятие» интересен Закон Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан»¹, где статья 13 именуется «Использование языков в работе государственных органов, организаций Республики Башкортостан». То есть законодатели Республики Башкортостан понятия «предприятие» и «учреждение» включили в понятие «организации». Считаем, что такой вариант изложения данной нормы возможен благодаря широте понятия «организация», которое включает в себя термины «предприятие» и «учреждение».

Относительно термина «организация» необходимо обратить внимание на закон Республики Бурятия от 10.06.1992 № 221-XII «О языках народов Республики Бурятия»², где в статье 13 указано, что в учреждениях, общественных организациях и предприятиях в Республике Бурятия документооборот осуществляется на государственном языке Российской Федерации.

То есть в данном случае законодатели Республики Бурятия в качестве субъекта правоотношений в области языка под «организациями» понимают только «общественные организации», что, на наш взгляд, не совсем правильно. Если обратиться к Закону о языках народов Российской Федерации, то в части 2 статьи 1 закреплено, что закон о языках народов Российской Федерации регулирует область публично-правовых взаимоотношений и не закрепляет правовые нормы использования языков народов России в частных

¹ Закон Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан» от 15 февраля 1999 года № 216-З // Газета «Советская Башкирия», от 6 апреля 1999. - № 67 (24295).

² Закон Республики Бурятия «О языках народов Республики Бурятия» от 10 июня 1992 года // Ведомости Верховного Совета Республики Бурятия. – 1993. – № 5.

взаимоотношениях, а также в негосударственных общественных и религиозных организациях и объединениях. В данном случае выявляется разница в субъектах в рамках однородных правовых норм, которые действуют на разных уровнях. То есть в Республике Бурятия на основании местного закона общественные организации являются субъектами закона о языках Республики Бурятия, тогда как на федеральном уровне данные организации не являются субъектами вышеуказанных правоотношений. Отсюда следует сделать вывод, что в Республике Бурятия субъектный состав шире, чем в Российской Федерации.

Удачным, на наш взгляд, с точки зрения конкретизации субъектов правоотношений в области регулирования применения государственного языка субъекта Российской Федерации является Закон о языках в Чувашской Республике, где в части 1 статьи 11 закреплено, что в деятельности государственных органов Чувашской Республики, учреждений и организаций любой организационно-правовой формы на территории Чувашской Республики используются чувашский язык, русский язык и иные языки народов Российской Федерации. То есть в законе четко делается акцент на регламентации деятельности всех юридических лиц на территории данной республики.

Также необходимо отметить, что в главе 4 Закона о языках народов Российской Федерации помимо субъектов использования языков народов Российской Федерации закреплены и основные сферы регулирования использования языков народов Российской Федерации. К данным сферам относятся официальное делопроизводство и переписка, судопроизводство, правоохранительная деятельность, нотариат, средства массовой информации, промышленность, связь, транспорт, энергетика, сфера обслуживания и коммерческая деятельность. Части 2 и 3 статьи 15 указанного закона посвящены праву граждан использовать язык, которым они владеют, при участии на прениях при проведении совещаний, заседаний, собраний, а при невладении ими языком, на котором ведется мероприятие, при необходимости предоставляется перевод на

приемлемый для этих граждан язык или на государственный язык Российской Федерации. Между тем данный закон не раскрывает понятие «приемлемый язык», которое дано в части 3 статьи 15 Закона о языках народов Российской Федерации. Исходя из этого, считаем не совсем удачным применение данной юридической конструкции. Также необходимо отметить, что в части 2 указанной статьи закреплены правовые статусы государственных языков субъектов республик Российской Федерации и государственный язык Российской Федерации, тогда как в части 3 помимо понятия приемлемый язык регламентируется только употребление государственного языка Российской Федерации, что, на наш взгляд, не отражает логической связи между частями 2 и 3 статьи 15 Закона о языках народов Российской Федерации. Исходя из изложенного, считаем, что в часть 3 статьи 15 также нужно добавить словосочетание «государственный язык республик Российской Федерации» и заменить слово «приемлемый» на «понятный», и поскольку в части 3 статьи 15 поясняется, что гражданам России, не владеющим языком, на котором проводится публичное мероприятие в государственных органах, организациях, в учреждениях и на предприятиях, при необходимости обеспечивается перевод на *понятный* для этих граждан язык или на государственный язык Российской Федерации, *государственный язык республики Российской Федерации*.

В четвертую группу субъектов входят народ и граждане.

По смыслу преамбулы Закона о языках народов Российской Федерации языки народов Российской Федерации являются достоянием российского государства, эти языки находятся под защитой государства. Данный правовой акт создает условия для сохранения, равного и традиционного функционирования языков народов, проживающих в России, воплощает в себе основу для развития правового регулирования деятельности субъектов языковых отношений, принятия законов и подзаконных актов, для практического воплощения в действительность нормативных положений указанного закона. Анализ действующего

законодательства регулирующего правовой статус языков в Российской Федерации показал, разность подходов законодателя к регламентации права «народов» на использование, сохранение, развитие и защиту языков, а также реализации гражданами указанных конституционных прав. Хотя ради справедливости следует отметить, что закон о языках закрепляет наряду с правами народностей и права граждан по использованию языков народов Российской Федерации. В отличие от прав граждан на свободное использование языков права народа, нации, этносов и т. п. представляются более сложной правовой категорией.

В частности, Р.Г. Абдулатипов пишет: «От рода и племен до наций-этносов и наций-государств – такова тенденция развития общности людей по этническому признаку, их самоутверждения, идентификации и интеграции. Когда-то в этом закономерном процессе преобладающим выступало родовое, племенное, а потом этническое начало, впоследствии – социальное и политическое. Генезис таков: от этнографического понимания этноса-нации к их интеграции, к политическому пониманию и оформлению как нации-государства. Терминология тут достаточно запутана наслоением различных подходов, научных традиций, прежде всего в интерпретации сущности нации-этноса. «Этнос», «племя-род», «народность», «народ», «нация» – вот одни из образцов таких интерпретаций. Но реальность самой этнической общности, нации с ее самобытностью, самостоятельным вариантом исторического развития, судьбой и характером никто не может отрицать»¹. Само понятие «народ» возникло в сфере политики: в античной Греции «демократиями» назывались те полисы (государства-города), в которых

¹ Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. – М.: Славянский диалог, 2000. – С. 50.

верховная власть принадлежала полноправным свободным гражданам, составлявшим большую часть населения¹.

Необходимо отметить, что Р.Г. Абдулатипов отождествляет понятия «нация» и «этнос»: «Нация-этнос – это исторически сформировавшийся коллектив людей со своей специфической средой обитания, территориального, культурно-языкового, хозяйственно-бытового устройства, психологического, нравственного характера, которые обуславливают соответствующий тип самосознания, идентичности, солидарности и мобилизованности. Этнос, народ, нация – это родовой, социальный, культурный зов корней. Понятие «этнос» в России возникает в XIX веке. А понятия «род», «народ», «родное», «родня» всегда были определяющими для всех народов, людей. С начала XIX века в русский язык внедряется и термин «нация». До сих пор применяется широко термин «народ» и даже «племя». Недавно повсеместно говорили о нациях и народностях, сортируя этносы на более развитые и менее развитые. Спор о сущности нации возрастает после очередных революционных потрясений и каждый рассматривает этот феномен с позиции своей идеологии. Этническое и национальное в этом случае временно даже не расходятся»². Вместе с этим, вопрос о самоопределении³ нации не может ставиться вне связи с вопросом о классовом носителе права на самоопределение⁴. Поэтому в данной работе мы не будем заострять внимание на соотношении данных понятий, поскольку эти термины тождественны и означают исторически сложившуюся общность людей по принципам языка, территории, экономической жизни и психологического склада, проявлявшегося в особенностях культуры. Вместе с тем, считаем

¹ Теория государства и права: Учебник / Под ред. М.Н. Марченко. – М.: Издательство «Зерцало», 2013. – С.69.

² Там же. – С. 62.

³ Кислицын И.М. В.И. Ленин об отношении федерации к праву на самоопределение наций // Государство, право, законность. Ученые записки Пермского Государственного университета. – 1970. - № 238. – С.92-114.

⁴ Левин И. Д. Суверенитет. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С.261.

целесообразным исследовать дефиницию «автохтонный». Необходимо отметить, что данный термин употребляется в биологии, геологии и этнографии. Для нас интересно последнее направление, так как именно эта наука изучает народы и нации.

Термин «автохтонный», по словарю С.И. Ожегова, совпадает с понятием «абориген» и раскрывается как «коренный житель страны, местности»¹. В словаре современного русского литературного языка данное понятие с точки зрения этнографии понимается как «коренное население какой-либо местности»². В одном из словарей содержится термин «автохтоны», который поясняется как «коренное, первоначальное население страны; аборигены»³. В словаре иноязычных слов понятие «автохтон» раскрывается как «то же, что абориген». Также прописано, что данный термин произошел от греческого термина «autochton», который означает «местный, коренной»⁴.

Анализируя определения понятия «автохтонный» из различных словарей, можно сделать вывод, что данная дефиниция в основном отождествляется с такими понятиями, как «коренной», «местный», поэтому мы будем считать данные категории равнозначными. Надо заметить, что в юридических документах термин «автохтонный» не встречается, а используется в основном термин «коренной», поэтому этот термин также будет употребляться. Данный термин встречается в международно-правовых актах и в законодательстве Российской Федерации. Следует выделить «Конвенцию о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах», где в двух пунктах статьи 1 дается определение народов, на которые распространяется данная

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. – С. 18.

² Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / АН СССР; гл. ред. К.С. Горбачевич. – М.: Рус. яз., 1991. – Т. 1. – С. 76.

³ Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР; под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981. – Т. 1. А-Й. – С. 23.

⁴ Крысин Л.П. Толковой словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2007. – С. 36.

конвенция. В пункте «а» прописано, что данный документ распространяется на народы, ведущие племенной образ жизни в независимых странах, социальные, культурные и экономические условия которых отличают их от других групп национального сообщества и положение которых регулируется полностью или частично их собственными обычаями или традициями, специальным законодательством¹.

По смыслу пункта «в» указанного международного документа конвенция направлена на регулирование правового положения народов в суверенных странах, которые определяются как коренные ввиду того, что они являются потомками тех, кто жил в этой стране или на территории в период ее захвата или в период установления современных государственных границ, и которые, независимо от их юридического положения, сохраняют некоторые или все свои экономические, социальные, культурные и политические институты². На наш взгляд, в этих двух пунктах заложено определение понятия «коренной народ» и, следовательно, термина «автохтонный народ». Исходя из вышеизложенных определений, автохтонными народами Российской Федерации являются коренные или местные народы Российской Федерации, под такими народами следует понимать те народы, которые исторически жили в Российской империи или начинали проживать по мере расширения границ российского государства путем завоевания их земель или добровольного вхождения и которые проживают и имеют центр национального развития только на территории сегодняшней Российской Федерации. По мнению Р.Г. Абдулатипова, «все народы России можно подразделить на три большие группы. Первая – это этносы, большая часть которых живет в России, а за ее пределами они составляют лишь небольшие

¹ Конвенция Международной Организации Труда (МОТ) № 169 принята Генеральной конференцией МОТ в Женеве 27.06.1989г. и вступила в силу 5.09.1991 // Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией труда. 1957 - 1990. – Т. II. Женева, Международное бюро труда, 1991.

² Там же.

группы (русские, татары, чувашы, мордва, башкиры и т. д.), многие из них дают названия и национально-государственным образованиям, сюда же можно отнести коренные малочисленные народы России. При этом, прежде всего речь идет о коренных малочисленных народах Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Вторая группа – народы стран ближнего зарубежья (то есть республик бывшего СССР), а также некоторых других стран, которые представлены на территории России значительными группами, в ряде случаев с компактным расселением (украинцы, белорусы, армяне, казахи, азербайджанцы, киргизы и другие). Третью группу образуют мелкие подразделения этносов, живущие в подавляющем большинстве за пределами России (румыны, венгры, уйгуры, китайцы, корейцы, курды, афганцы и другие)»¹. Именно первая группа в данной классификации относится к категории автохтонных народов России.

Исходя из вышеизложенных определений понятия «автохтонный» и содержания норм законодательства Российской Федерации, сделаем вывод, что автохтонным народом Российской Федерации является русское население, которое исторически являлось коренным населением Московского княжества, впоследствии объединившего остальные княжества и присоединившего земли соседних, нерусских народов. К таким народам можно отнести все автохтонные народы республик, автономных округов Российской Федерации, которые дали самоназвание данным субъектам Российской Федерации. Например, алтайцы, буряты, карелы, ингуши, удмурты, чукчи и так далее. К тому же, по замечаниям Г.В. Мальцева автономия – это наделение территориальных единиц самостоятельностью в вопросах местного управления².

Надо заметить, что в некоторых республиках автохтонными народами могут быть несколько народов, что и отражается в названиях республик. Это касается ряда кавказских субъектов, например Республика Кабардино-Балкария. Особо

¹ Абдулатипов Р.Г. Указ. соч. – С. 66.

² Правоведение: Учебник / Под общ. ред. Г.В. Мальцева. – М.: Изд-во РАГС, 2003. – С.68.

следует выделить Республику Дагестан, где проживает большое количество народов, которые относятся как к крупным этносам Российской Федерации, такие как аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, так и к малочисленным народам республики, такие как агулы, цахуры и так далее.

Необходимо заметить, что в списке коренных малочисленных народов Российской Федерации и в законе «О гарантиях прав малочисленных народов Российской Федерации» правам народов Республики Дагестан уделяется отдельное внимание. Указано, что в Дагестане уникальный национальный состав по числу проживающих на ее территории народов, поэтому Государственный Совет Республики Дагестан определяет особенности ее коренных малочисленных народов, а также устанавливает перечень этих народов с последующим включением его в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации¹.

Проанализировав понятие «автохтонные народы Российской Федерации», перейдем непосредственно к сопоставлению понятия «региональные языки или языки меньшинств», которое содержится в Хартии о региональных языках, с понятиями «национальный язык» и «родной язык». Необходимо отметить, что Хартия региональных языков применяется к языковым правам на язык народов, а не отдельно взятых людей, поэтому мы, придерживаясь логики предыдущего параграфа, не будем употреблять постоянно вместе термины «национальный» и «родной языки народов», а только «национальный язык». Для того чтобы сопоставить и сравнить понятие «региональные языки или языки меньшинств», которое содержится в Хартии региональных языков, с понятиями «национальные языки народов Российской Федерации» и «государственные языки субъектов Российской Федерации», нужно учесть одно условие.

¹ Федеральный закон «О гарантиях прав малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1999 (в ред. от 22.08.2004) № 82-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – 3 мая. – № 18. – Ст. 2208.

Исходя из этих определений, мы можем сказать, что язык – один из признаков, с помощью которого люди идентифицируют себя с определенным народом, а также это главное средство передачи информации, общения, обмена мыслями. Он дает возможность человеку поглощать опыт и знания не только благодаря непосредственному восприятию и представлению, но и путем опыта предшествующих поколений, знаний, накопленных всем человечеством и передающихся с помощью языка. Отсюда следует, что язык предназначен для людей в целом, чтобы общаться между собой, а одному человеку он ни к чему.

Среди различных функций языка можно выделить две основные, одна из которых – коммуникативная (обеспечение передачи информации от говорящего к слушающему) – всегда находится в поле нашего зрения, однако не менее значимой является и другая – познавательная функция (участие языка в восприятии окружающего мира и формировании представлений, понятий, суждений и умозаключений, то есть в получении знаний о мире, с одной стороны, и в хранении и передаче этих знаний из поколения в поколение – с другой). Человек смотрит на мир, его окружающий, сквозь призму своего языка, в каждом языке запечатлено одно из видений мира, «в каждом языке заложено самобытное мирозерцание». Очевидно, что утрата любого из языков равносильна утрате одного из возможных видений¹.

Исходя из изложенного в параграфе, представляется возможным сформулировать следующие выводы и предложения:

1. *В соответствии с Законом РФ «О языках народов Российской Федерации» субъекты сохранения и использования языков необходимо классифицировать на: федеральные органы государственной власти; органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, организации, учреждения и предприятия, народ и гражданин.*

¹ См.: Казакевич О.А. Указ. соч. – С. 17.

2. Доказано, что конституционно-правовой принцип самостоятельности местного самоуправления гарантирует муниципальным образованиям право регулировать языковую сферу, учитывая объем их полномочий, согласно Федеральному закону от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

3. Анализ части 3 статьи 15 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации» показал, что данная норма не раскрывает понятие «приемлемый язык», поэтому диссертант предлагает внести изменения в часть 3 статьи 15 указанного закона, заменив слово «приемлемый» на «понятный», поскольку применение существующей нормативной конструкции не отражает логической связи между частями 2 и 3 статьи 15 Закона о языках народов Российской Федерации.

Глава II. Конституционно-правовой механизм реализации права на сохранение, развитие, использование и защиту языков в субъектах Российской Федерации

§ 1. Особенности правового регулирования статуса языков в субъектах Российской Федерации

Помимо субъектов, уполномоченных разрешать языковые вопросы, а также принципов защиты государственного языка Российской Федерации и языков народов России, существуют еще и особенности правового регулирования статуса языков в регионах России. Как представляется, главной конституционно-правовой особенностью определения статуса государственного и иных языков является то, что, согласно статье 68 Конституции Российской Федерации, государственным языком в Российской Федерации на всей ее территории признается русский язык, а субъекты Федерации со статусом республик вправе устанавливать свои государственные языки. Кроме того, в различных органах государственной власти и местного самоуправления государственные языки республик употребляются наряду с русским языком. Поскольку республики в составе Российской Федерации являются формой самоопределения автохтонных народов, исторически проживающих на данной территории, государственный язык является одним из признаков государства¹. Однако в литературе есть мнения, что провозглашение наряду с русским языком того или иного национального языка автохтонного населения государственным в соответствующих республиках – это реваншистская процедура лиц, которые не знали русского языка. Например, в своем диссертационном исследовании С.В. Мирзоян пишет: «В регионах всегда были недовольные лица, которые не смогли сделать карьеру, поскольку относительно

¹ Воронецкий П.М. Юридическая природа и статус государственного языка республики в составе России // Политика и общество. – 2008. – № 4. – С. 47.

слабо владели русским языком. Это недовольство вызрело в сфере художественной литературы, но постепенно переместилось в политико-управленческую сферу. Легко было тем, кто получал образование в столице, удостаивался характеристики лояльной личности. У неудачников в творческой карьере рождалась мысль о целесообразности использования в управленческой сфере родного языка. Эта тема эмоционально «разгорелась» в ходе перестройки, когда стали взвешиваться шансы расширения полномочий союзных и автономных республик. Она не встала как отдельная тема, но породила движения за превращение родного нерусского языка в государственный язык. Она стала спутницей планов расширения управленческих полномочий субъектов Союза и Российской Федерации. Когда подошло время открытых сепаратистских выступлений, родной язык стал идеологическим союзником»¹.

На наш взгляд, объявление государственным языком того или иного национального языка на соответствующих территориях скорее не требование «неудачников», а веление времени, коренных изменений государства, общественного строя в сторону демократизации общества. Федеральная власть, понимая нужды народов, проживающих в Российской Федерации, в статье 68 основного закона страны прописала право субъектов Российской Федерации провозглашать свои государственные языки, которым многие пользовались на протяжении длительного исторического периода. К сожалению, в нашем обществе в то время, да и сейчас, происходит подмена понятий, о которой писал Чингиз Айтматов: «Долгое время проблемы языков вообще не подлежали обсуждению, и всякая мысль на этот счет немедленно изгонялась как националистическая»².

¹ Мирзоян С.В. Государственный язык в истории России (XVIII–XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2005. – С. 8.

² Айтматов Ч. Живи сам и дай жить другим. По поводу проекта Закона о языках народов СССР // Литературная газета. – 1989. – 22 ноября.

Многие республики объявили своим государственным языком языки коренных народов. Например, в статье 1 Конституции Республики Башкортостан говорится, что государственными языками Республики Башкортостан являются башкирский и русский языки, а в статье 8 Конституции Татарстана прописано, что государственными языками в Республике Татарстан являются равноправные татарский и русский языки. В некоторых республиках государственными являются более двух языков. Например, в статье 11 Конституции Карачаево-Черкесской Республики провозглашается, что государственными языками в Карачаево-Черкесской Республике являются абазинский, карачаевский, ногайский, русский и черкесский, а в статье 76 Конституции Кабардино-Балкарской Республики закреплено, что государственными языками Кабардино-Балкарской Республики на всей ее территории являются кабардинский, балкарский и русский.

Особо следует отметить Конституцию Республики Дагестан, где в статье 11 государственными языками провозглашены русский язык и языки народов Дагестана. Обращая внимание на это обстоятельство, П.М. Воронецкий пишет, что данная норма носит декларативный характер¹, поскольку нет даже перечисления этих языков. Следует поддержать эту точку зрения, однако в Республике Дагестан совершенно иная ситуация, нежели в других республиках Российской Федерации. По многим причинам законодатель Республики Дагестан не торопится принимать законодательство о языках, так как при провозглашении тех или иных языков государственными могут ущемляться национальные чувства народов, языки которых не включены в данный список. Другой аспект проблемы заключается в том, что некоторые языки Дагестана не имеют письменности, а государственный язык должен иметь фундамент в виде развитого литературного

¹ Воронецкий П.М. Правовые проблемы современной языковой политики РФ и республик в ее составе // Политика и общество. – 2007. – № 12. – С. 12.

языка и широкий спектр социальных и коммуникативных функций в культурной, политической, социально-экономической и частной жизни народов¹.

В связи с этим интересен опыт языкового регулирования Республики Карелия. В статье 11 Конституции данной республики закреплено, что государственным языком в Республике Карелия является русский. Республика Карелия вправе устанавливать другие государственные языки на основании прямого волеизъявления населения Республики Карелия, выраженного путем референдума, то есть для закрепления дополнительного государственного языка помимо русского языка предусмотрена специальная процедура в виде референдума. Между тем для регулирования правового статуса автохтонных народов Законодательным Собранием республики принят Закон Республики Карелия от 17 марта 2004 года «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия». В преамбуле данного закона прописано, что карельский, вепсский и финский языки являются национальным достоянием Карелии и наряду с другими языками народов республики находятся под ее защитой. Стоит отметить, что данный Закон направлен на развитие и сохранение традиционного образа жизни, культуры и, наконец, языков карелов, вепсов и финнов, кроме того, закон гарантирует сохранение исторических и этнических традиций и культурную идентичность народов, проживающих в этом субъекте России.

В контексте сохранения, развития и использования языков в Карельской Республике в деятельности органов муниципальных образований предусматривается система мероприятий, направленных на сохранение и развитие языкового многообразия:

а) упрочение и развитие культурных функций карельского, финского и вепсского языков;

¹ Языки народов Республики Башкортостан: Коллективная монография. – С. 12.

б) помощь средствам массовой информации в осуществлении ими профессиональной деятельности на карельском, вепском и финском языках;

в) учреждение системы обучения на карельском, вепском и финском языках в подведомственных общеобразовательных заведениях;

г) создание условий для тех образовательных учреждений, которые реализуют обучение на карельском, финском и вепском языках или дают возможность изучать традиционные в Карельской Республике языки;

д) издание научной, учебной, художественной литературы, публикаций для детей и словарей на карельском, финском и вепском языках, а также обеспечение этой литературой соответствующих образовательных учреждений и институтов гражданского общества, целями которых является культурно-просветительская и научно-исследовательская деятельность;

е) создание финансовых и материальных условий для проведения научных исследований по карельскому, вепскому и финскому языкам;

ж) привлечение специалистов в области образования, науки, культуры, СМИ, а также муниципальных служащих, в деятельности которых применяются карельский, финский и вепский языки;

з) совершенствование области подготовки экспертов по карельскому, финскому и вепскому языкам;

и) консолидация международной и межрегиональной общественности, занимающейся исследованиями языковой сферы, способствующей сохранению, развитию и использованию карельского, финского и вепского языков.

Продолжая мысль о критериях выбора языковой политики в государстве, рассмотрим типологию, которую предлагает К. Вильямс, отраженную в книге под редакцией П. Ларривье. В частности, в ней говорится: «Большинство развитых обществ сохранили языковую политику, которая имеет важнейшее значение для построения территориально-бюрократического государства-нации. Следовательно, соответствующие институциональные учреждения и

организационные структуры сталкиваются с серьезными трудностями, связанными со все более возрастающими требованиями, с которыми выступает многоязычное население. Мы можем определить четыре исторически сложившихся типа языковой политики, причастных к процессам формирования государства. Первый и наиболее распространенный – как во Франции, Испании и Великобритании – усиление политической и культурной автономии, где первенство отдается только одному коренному языку, и, следовательно, никакой другой язык рассматриваться в качестве языка управления, права, образования и торговли не может. При этом цели языкового планирования были достигнуты одновременно. Среди них были поиск национальной целостности, легимитизация нового режима и его государственного аппарата, восстановление коренной социальной организации (часто, но не обязательно включая и установленную религию), уменьшение зависимости от внешних организаций и их влияний и включение всех граждан в широкий диапазон в социальную политику государства. Иностранные языки были зарезервированы для выполнения весьма специализированных функций, например для международной дипломатии и торговли. Второй тип языкового планирования характеризует те ситуации, в которых «национальная» идея заключалась в поддержании культурного плюрализма, так чтобы государство могло сдерживать социальную напряженность в обществе. В рамках этой системы язык был использован для определения региональных ассоциаций, а не государственного или национального гражданства. Это лучше всего видно на примере Европы: децентрализованная система Швейцарии, которая включает кантональную систему в многоязычной федеральной системе, и жестко-насильственное разделение Бельгии на Валлонию и население, говорящее на фламандском. Третья форма языкового планирования возникла, когда признанному меньшинству была предоставлена какая-то часть прав, основанных на принципе территориальности языка, исходя из географических различий. В Финляндии, например, высокий уровень языковой

контрастности на западном побережье, отмеченный религиозной однородностью, сильные традиции централизованного управления ввиду долгосрочных внешних угроз привели к признанию того, что меньшинству, шведско-говорящему населению, должен был быть предоставлен официальный статус. После 1922 года в Законе о языке все коммуны были классифицированы как одноязычные финские, шведские или говорящие на двух языках, если они содержат группы языковых меньшинств от 10 или более процентов среди основного населения; эти классификации пересматривались через каждые десять лет после переписи с учетом изменения лингвистической географии. Четвертый вариант – «модернизация», или активизация, деятельности коренных языков – характеризует общество, высвободившееся от колониального отношения и культурной гегемонии. Эта форма языкового планирования была основной целью националистической интеллигенции Венгрии, Ирландии, Финляндии и Норвегии до обретения ими независимости и по-прежнему имеет решающее значение для политической программы националистов в Каталонии, Эускади, Бретани и Уэльсе»¹. Как представляется, данные типы могли быть запрограммированы при формировании правовых норм и принципов Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств 1992 года.

В законодательстве республик – субъектов Российской Федерации о языках содержание понятия «государственный язык» раскрывается путем использования гражданами, государственными и местными органами власти языков данных республик в различных сферах. Так, например, изучение и преподавание языков народов в некоторых республиках имеет диспозитивный характер, то есть гражданам, проживающим на данных территориях, дается право выбора языка, как это прописано в части первой статьи 14 закона «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках Удмуртской

¹ Colin H. Williams. Op. cit. – P. 14–15.

Республики»¹: «Удмуртская Республика обеспечивает гражданам, проживающим на ее территории, условия для изучения и преподавания языков Удмуртской Республики».

В республиках Калмыкия и Татарстан, наоборот, изучение и преподавание ведется с позиции императива, то есть обязательного изучения наряду с русским языком своего второго государственного языка. Например, в статье 10 закона «О языках народов Республики Калмыкия»² провозглашается, что в образовательных учреждениях, воспитание в которых осуществляется на русском языке, в качестве обязательной учебной дисциплины предусматривается изучение калмыцкого языка как одного из государственных языков. Подтверждая равноправность государственных языков, часть вторая статьи 10 закона Татарстана от 08.07.1992 № 1560-ХІІ «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан»³ регламентирует, что русский и татарский языки как государственные изучаются в детских дошкольных учреждениях, общеобразовательных заведениях, средних и средних специальных учебных организациях в равном объеме.

Кроме того, государственные языки республик Российской Федерации используются в работе органов государственной и местной власти. Так, часть 1 статьи 10 закона «О языках народов Республики Башкортостан»⁴ от 15 февраля 1999 года гласит, что работа в органах государственной и местной власти Республики Башкортостан осуществляется на русском языке. В органах государственной и местной власти, государственных учреждениях Республики

¹ Закон Республики Калмыкия «О языках народов Республики Калмыкия» от 27 октября 1999 года № 30 ІІ 3 // Газета «Известия Калмыкии». – 1999. – 18 ноября. – № 235.

² Там же.

³ Закон Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан» от 8 июля 1992 года № 1560 ХІІ // Ведомости Верховного Совета Татарстана. – 1992. – № 6. – Ст. 80.

⁴ Закон Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан» от 15 февраля 1999 года № 216-3 // Газета «Известия Башкортостана». – 1999. – 6 апреля. – № 66.

Башкортостан наряду с русским языком может употребляться башкирский язык. Мы видим, что в данном случае использование башкирского языка является мерой возможного поведения, которой субъекты данных правоотношений могут не воспользоваться. В других же республиках, таких как Бурятия, Калмыкия и Татарстан, деятельность высших органов власти регулируется на двух государственных языках в обязательном порядке. Так, в статье 11 закона «О языках народов Республики Калмыкия»¹, по смыслу которой в парламенте Калмыкии – Народном Хурале, правительстве Республики Калмыкия и администрации главы Республики Калмыкия профессиональная деятельность осуществляется на русском и калмыцком языках как государственных в Калмыкии. Похожая норма закреплена в части первой статьи 11 закона «О языках народов Республики Татарстан»², где зафиксировано, что в Верховном Совете, Кабинете министров и Аппарате Президента Республики Татарстан работа ведется на татарском и русском языках. Здесь можно заметить разницу: нормы Республики Башкортостан регулируют деятельность всей государственной и местной власти при использовании государственных языков, а нормы Республики Татарстан регулируют только деятельность высших органов власти по применению государственных языков, при этом деятельность органов местного самоуправления в исследуемой области общественных отношений вообще не урегулирована. Следует отметить закон «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках Удмуртской Республики»³, где местному самоуправлению посвящена отдельная статья 17, в которой говорится, что органы местного самоуправления в Удмуртской Республике, муниципальные

¹ См.: Закон Республики Калмыкия «О языках народов Республики Калмыкия» от 27 октября 1999 года № 30 II З.

² См.: Закон Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан» от 8 июля 1992 года № 1560 XII.

³ См.: Закон Удмуртской Республики «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках Удмуртской Республики» от 6 декабря 2001 года № 60-РЗ.

предприятия и учреждения в Удмуртской Республике осуществляют свою работу на государственных языках Удмуртской Республики, а также на иных языках народов Удмуртской Республики в местах их компактного проживания. Такие же нормы есть и в законе Республики Калмыкия.

Отдельного рассмотрения требует регулирование использования языков в официальном делопроизводстве. Соответствующие нормы есть во всех законах о языках народов республик Российской Федерации, однако их содержание различно. Например, в части второй статьи 14 закона «О языках народов Республики Башкортостан»¹ говорится, что тексты бланков, печатей, штампов, штемпелей, вывесок, а также иных документов с наименованиями государственных органов и организаций оформляются на государственных языках Республики Башкортостан. Особенностью такой регламентации является то, что зрительно информация располагается следующим образом: справа или снизу – текст на русском языке и слева или сверху – текст на башкирском языке, которые выполняются одинаковыми по размеру буквами. Расположение визуальной информации урегулировано только в некоторых республиках, законодательство которых мы исследовали. Эти нормы прописаны, как выше было упомянуто, в Республике Башкортостан и в Удмуртской Республике. Так, в части 1 статьи 26 Закона «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках Удмуртской Республики»² сказано, что в Удмуртской Республике наименования географических объектов оформляются следующим образом: слева или вверху – текст на русском языке, справа или внизу – на удмуртском языке. При этом не допускается искажение исторически сложившихся названий, а также названий, включающих в себя имена собственные.

¹ См.: Закон Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан» от 15 февраля 1999 года № 216-З.

² См.: Закон Удмуртской Республики «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках Удмуртской Республики» от 6 декабря 2001 года № 60-РЗ.

Также государственные языки республик по законодательству о языках Российской Федерации и самих республик используются для наименования географических объектов, надписей, дорожных и иных указателей и в отношениях с Российской Федерацией, с зарубежными странами, международными организациями, субъектами Российской Федерации. Например, в законе о языках Республики Башкортостан выделена специальная глава 6, которая называется «Использование языков в отношениях Республики Башкортостан с Российской Федерации, зарубежными странами, международными организациями, субъектами Российской Федерации» и соответствует законодательству о языках Российской Федерации, а Республики Калмыкия и Татарстан исключили из названия своих глав, посвященных данным отношениям, Российскую Федерацию и субъекты Российской Федерации. Например, статья 24 Закона «О языках народов Республики Калмыкия»¹ называется «Использование государственных языков в отношениях Республики Калмыкия с зарубежными государствами, международными организациями», аналогичное название употреблено и в законодательстве Республики Татарстан.

Анализируя правовые особенности использования языков в некоторых республиках, надо сделать вывод, что в основном происходит раскрытие содержания понятия «государственные языки» при отсутствии его четкого определения. Только закон «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках Удмуртской Республики» дает определение понятий, которые используются в данном документе. Так, в статье 1 говорится, что государственный язык Российской Федерации – русский язык. Государственные языки Удмуртской Республики – русский и удмуртский языки, применяемые на территории Удмуртской Республики в качестве средства общения при осуществлении полномочий органами государственной власти Удмуртской

¹ Закон Республики Калмыкия «О языках народов Республики Калмыкия» от 27 октября 1999 года № 30 П 3 // Газета «Известия Калмыкии». – 1999. – 18 ноября. – № 235.

Республики, органами местного самоуправления в Удмуртской Республике и в иных сферах языкового общения, подлежащих правовому регулированию. На наш взгляд, установление понятийного аппарата в законодательстве о языках было бы эффективным методом разграничения правовых режимов языков.

Если посмотреть на зарубежный опыт защиты государственного языка, то показателен пример законодательства Франции по защите французского языка. Речь, прежде всего, идет о законе «Об использовании французского языка»¹, в обиходе известном как «закон Тубона» – по имени министра, который предложил его. Данный закон императивно регулирует сферы использования французского языка. Например, по смыслу статьи 2 указанного закона использование французского языка обязательно в обозначении, представлении, предложении, способе применения или использования, описании объема и условий гарантий любого имущества, товаров или услуг, а также в квитанциях и счетах². Аналогичные положения употребляются применительно к любой устной, письменной или аудиовизуальной рекламе. Все мероприятия, документы, которые имеют место быть внутри Франции, должны проходить на французском языке, иностранные термины, имеющие аутентичный перевод на французский язык, не должны использоваться. Данный закон урегулировал все основные сферы жизнедеятельности и призван защитить французский язык от вмешательства других языков, прежде всего английского.

Необходимо отметить, что зарубежный опыт интересен, он подробно будет рассмотрен в главе 3 диссертационного исследования. Вместе с тем, необходимо разграничить особенности правового регулирования статусов языков в субъектах Российской Федерации в контексте не национально-территориального, а административно-территориального образования, то есть особенности регулирования статуса языков.

¹ Report from the General delegation to French language, - Paris, 2008. – P.33-39.

² Там же.

С этой позиции привлекает внимание положение краев как субъектов Российской Федерации, так как начавшийся процесс объединения субъектов Российской Федерации увеличивает их количество, при этом сокращая количество национальных автономных округов. Появились такие новые субъекты Российской Федерации, как Забайкальский край, куда вошли Читинская область и Агинский Бурятский автономный округ. В состав Красноярского края вошли помимо самого Красноярского края Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ и Эвенкийский автономный округ, в Камчатский край вошли Камчатская область и Корякский автономный округ, а Пермский край образовали Пермская область и Коми-Пермяцкий автономный округ.

Согласно статье 7 Устава Забайкальского края от 17 февраля 2009 года № 125-33К¹ государственным языком на территории края является русский язык. Иные языки проживающих на территории края народов используются в порядке, установленном федеральным законом.

Особенностью данного правового акта является то, что учитывается вышеназванный фактор объединения автономных округов, который отражен и в языковых отношениях. Так, в статье 107 Устава Забайкальского края закреплено, что исполнительные органы государственной власти края и их территориальные органы разрабатывают и участвуют в реализации на территории Агинского Бурятского округа федеральных, краевых целевых программ, в том числе по сохранению и развитию национальной культуры, языка, национальных видов спорта, народных промыслов и ремесел, а также в реализации приоритетных национальных проектов, в которых цели и источники финансирования выделяются обособленно. В статье 108 указанного устава закреплено, что на территории Агинского Бурятского округа наряду с государственным языком может использоваться бурятский язык. Мы не совсем согласны с формулировкой

¹ Устав Забайкальского края от 17 февраля 2009 года N 125-33К // Газета «Забайкальский рабочий». – 2009. - 18 февраля. - № 30.

«наряду с государственным языком может использоваться бурятский язык» с позиции границ и объемов использования бурятского языка, так как, по сути, следует, что бурятский язык в данном случае при использовании его наряду с государственным языком может иметь объем правового статуса государственного языка.

В соответствии частью 2 статьи 3 Устава Камчатского края от 04.12.2008 № 141¹ органы государственной власти края создают коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающим на территории Камчатского края, условия для сохранения их национальной самобытности, возрождения, сохранения и развития национальных языков и национальных культур. Между тем, на наш взгляд, данная норма является декларативной, так как не закреплено, какие народы относятся к субъектам указанных правоотношений, а «коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока» – слишком широкое понятие.

Также необходимо обратить внимание на особенность регулирования правового статуса языка в Красноярском крае. В статье 27 Устава Красноярского края от 05.06.2008 № 5-1777² указано, что государственным языком в крае является русский, иные языки проживающих на территории края народов употребляются в порядке, установленном федеральным законом. Вместе с тем, данная норма является декларативной и не учитывает особенность образования Красноярского края, куда вошли вышеуказанные Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский автономные округа. При этом основной закон Красноярского края в статье 33 закрепляет за двумя этими автономными округами особый статус. В данной норме прописано, что Таймырский (Долгано-

¹Устав Камчатского края от 4 декабря 2008 г. N 141 // Газета «Официальные ведомости». – 2008. - 11 декабря. - № 199-200.

² Устав Красноярского края от 05.06.2008 №5-1777 // Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края. – 2008. - № 29 (250). – Ст.237.

Ненецкий) и Эвенкийский районы являются административно-территориальными единицами с особым статусом, гарантирующим учет интересов данных территорий органами государственной власти края. Интересы указанных административно-территориальных единиц обеспечиваются путем учета их особого статуса в принимаемых правовых актах органами государственной власти края¹. Исходя из изложенного, следует сделать вывод, что особый территориальный статус Таймырского (Долгано-Ненецкого) и Эвенкийского районов в составе Красноярского края не отражен в правовом статусе языков народов данных округов.

Языковое многообразие в нашей стране объективно порождает тенденции к нормативному правовому закреплению статуса языков в субъектах Российской Федерации, не обладающих статусом республики. К примеру, в Краснодарском крае был предложен законопроект «О языках народов Краснодарского края». В частности, идея авторов заключается в том, чтобы регламентировать создание благоприятных условий для равноправного и самобытного развития адыгского и русского языков. При этом констатируется, что в Краснодарском крае происходит процесс развития двуязычия и многоязычия, национальных языков, а органы государственной власти и местного самоуправления этому способствуют. Авторы идеи главной задачей закона видят сохранение и развитие языков народов в этом субъекте федерации, а объектом особого внимания, по мнению авторов законопроекта, является защита языков в Краснодарском крае. Интересен подход авторов данного проекта закона к юридическому оформлению статуса адыгского языка. В частности, адыгский язык предлагается не только в качестве государственного языка, но и в качестве символа государственности Краснодарского края. При этом обеспечение главной задачи сохранения и развития языков народов Краснодарского края сочетается с правом на

¹ Кочев В.А., Машьянов Н.В. Статус субъекта РФ как категория конституционного права // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2007. - № 2. – С.43-45.

использование, развитие и совершенствование языковых отношений. Основными гарантами защиты языков в Краснодарском крае являются органы законодательной, исполнительной и судебной властей. Авторы данной идеи предлагают оказывать соотечественникам, проживающим за пределами Краснодарского края, помощь в сохранении и развитии родного языка. Представляется, что такая идея направлена на сохранение и развитие языков не только в других субъектах Российской Федерации, но и в зарубежных государствах, как одна из мер международно-правовой защиты русского языка и языков народов Российской Федерации. Данная идея не лишена смысла, поскольку, во-первых, защита прав, в том числе на язык соотечественников, актуальна в свете последних событий на Украине, во-вторых, авторы законопроекта предлагают оказывать помощь в сохранении и развитии родного языка «всем соотечественникам», т. е. тем, кто в соответствии с Федеральным законом от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» относится к соотечественникам. Согласно ст. 1 данного закона соотечественниками являются лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нем и обладающие признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии. Соотечественниками за рубежом являются граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за пределами ее территории. Соотечественниками также признаются лица и их потомки, проживающие за пределами территории Российской Федерации и относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации, а также сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией лица, чьи родственники по прямой восходящей линии ранее проживали на территории Российской Федерации, в том числе: лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в

состав СССР, получившие гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства; выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства или лицами без гражданства.

Таким образом, идея авторов законопроекта «О языках народов Краснодарского края» в части, касающейся помощи в сохранении и развитии родного языка, затрагивает по смыслу ст. 1 Федерального закона от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» огромный круг участников правовых отношений, однако с тем условием, что они нуждаются в такой помощи. В связи с этим следует согласиться с мнением профессора В.Т. Кабышева, что нереализованный правовой потенциал заложен в международно-правовом механизме защиты прав человека¹.

Другие субъекты Российской Федерации, не обладающие статусом республики, например Пермский край, в силу уставного нормотворчества и других обстоятельств не сочли необходимым регламентировать статус языков специальным нормативным правовым актом, что вовсе не говорит об отсутствии необходимости регулировать такую важную область правовых отношений, как языковая. В частности, в соответствии со статьей 42 Устава Пермского края от 27 апреля 2007 г. органы государственной власти края создают условия для сохранения и развития языка, духовной культуры и иных составляющих этнической самобытности коми-пермяцкого народа. В официальных сферах общения на территории Коми-Пермяцкого округа наряду с русским может использоваться коми-пермяцкий язык. Уставом Пермского края вводятся в оборот

¹ Кабышев В.Т. Защита прав человека – главное направление правовой политики России // Правоведение. – 1998. - №1. – С.124.

такие понятия, как национальный (родной) язык. Обеспечением права на получение и распространение информации на национальном (родном) языке занимается Министерство по делам Коми-Пермяцкого округа, оно же участвует в разработке и реализации государственных целевых программ по сохранению этнической самобытности, развитию национального (родного) языка и национальной культуры. Отличительной особенностью правового регулирования статуса языков в Пермском крае является то, что кроме сохранения и развития языков регламентируется право органов государственной власти и местного самоуправления на «получение» и «распространение информации». Представляется, что в процессе регламентации правового статуса языков в этом крае законодатели учли инновационные способы сохранения и развития языков, а также опыт ранее действовавших Советов по делам национальностей¹.

В заключение параграфа особое внимание, на наш взгляд, необходимо уделить вопросу о статусе языков в новом субъекте Российской Федерации – Республике Крым. В частности, первый заместитель Председателя Совета министров Крыма Рустам Темиргалиев отметил, что Крым имеет право на собственную конституцию, и в ней будут обозначены статусы языков. В случае Крыма статус государственного будут иметь русский язык, крымско-татарский и украинский языки. Украинский язык получит статус государственного, поскольку на референдуме о принадлежности Крыма 30 тысяч человек проголосовали за то, чтобы полуостров остался частью Украины. «Сегодня мы просто обязаны учитывать группу этих людей, сохранить их право на язык», – считает политик².

¹ Кислицын И.М. Новое положение о постоянных комиссиях Совета Союза и Совета Национальностей и дальнейшее развитие федеративного строя СССР // Государство, право, законность. Ученые записки Пермского государственного университета. – 1968. Вып.199. – С. 90-128.

² URL: <http://www.e-crimea.info/news/ukrainskomu-yazyku-poobeshchali-status-gosudarstvennogo-v-krymu>.

В этом контексте необходимо посмотреть на вопрос о статусе языков в Республике Крым, с точки зрения Конституции Республики Крым от 11.04.2014. В соответствии с частью 1 статьи 10 Конституции Крыма государственными языками Республики Крым являются русский, украинский и крымско-татарский языки. На наш взгляд, неуместно соотносить количественный показатель проголосовавших граждан на референдуме о статусе Республики Крым с определением статусности украинского языка как государственного, то есть тот факт, что на референдуме тридцать тысяч граждан проголосовало против вхождения Крыма в состав Российской Федерации, при всем результате уже определившегося государственного статуса Крыма не умаляет прав меньшинства, проголосовавшего за определение украинского языка как государственного. Поэтому считаем логику законодателя верной и отражающей конституционную справедливость или соответствующей «идеологии гражданственности»¹.

Поскольку на момент проведения диссертационного исследования законодательство о языках Республики Крым еще не принято, представляется своевременным рекомендовать органам законодательной власти Крымской Республики в будущем в законе о статусе языков в Республике Крым или ином законе, регулирующем правовой статус языков, сформулировать понятие юридической защиты языков, под которой следует понимать обеспечение регламентации и реализации прав субъектов защиты языков, а также ответственности юридических и физических лиц за нарушение законодательства о языках народов Республики Крым. Также расширить полномочия органов и должностных лиц местного самоуправления в области сохранения, развития, использования и защиты языков.

Исходя из содержания параграфа, представляется возможным сформулировать следующие выводы и предложения:

¹ Киреев В.В. Теоретические проблемы реформирования Конституции Российской Федерации: Автореф. дис... докт. юрид. наук. – Челябинск, 2010. – С. 48.

1. Исследование показало, что конституционно-правовой механизм реализации права на языки в России обеспечивается законодательными гарантиями права на развитие, использование, сохранение и защиту языков народов Российской Федерации. Иные права, предусмотренные подзаконными актами, являются дополняющими конституционно-правовой статус языков в субъектах Российской Федерации с учетом местных, а также исторических традиций.

2. Исследование законодательства и практики его применения показало, что статус языков в Российской Федерации имеет многоуровневые правовые режимы, обеспечивающие особенности порядка регулирования правовых средств и методов, формирующих особенную направленность правового регулирования государственного языка Российской Федерации, государственных языков субъектов Российской Федерации со статусом республик и иных языков народов Российской Федерации.

3. Исследование законодательства субъектов Российской Федерации показало необходимость нормативного закрепления полномочий органов власти и учреждений по созданию условий для сохранения и развития традиционного употребления литературного русского языка, который является основой единения российских народов и сохранения российской государственности, защиты государственного языка, как на территории России, так и за ее пределами.

4. Анализ Конституции Республики Крым на предмет закрепления статуса государственных языков показал, что в настоящее время Республика Крым является единственным субъектом Российской Федерации, в котором официально одним из государственных языков республики провозглашен государственный язык Украины, что, несомненно, является особенностью конституционно-правового регулирования статусов языков в Российской Федерации.

§ 2. Полномочия органов государственной власти и местного самоуправления в области сохранения, развития, использования и защиты языков народов Российской Федерации

Согласно части 3 статьи 68 Конституции Российской Федерации всем народам России гарантировано право на создание условий для изучения родного языка, на его сохранение.

Развивая эти конституционные нормы, законодатели в статье 7 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации»¹ зафиксировали, что федеральные органы государственной власти подготавливают федеральные целевые программы развития, сохранения и изучения языков народов Российской Федерации, а также осуществляют меры по их практической реализации. Что касается органов государственной власти субъектов федерации, то они уполномочены разрабатывать и осуществлять соответствующие региональные целевые программы.

Анализ содержания данных программ развития и сохранения языков народов Российской Федерации показал, что в них предусматриваются положения, обеспечивающие, прежде всего, функционирование русского языка как государственного языка Российской Федерации. Кроме того, предусмотрены обеспечительные меры по развитию государственных языков республик и иных языков народов Российской Федерации, содействию изданию соответствующей литературы на языках народов Российской Федерации, финансированию научных исследований в области изучения, развития и сохранения языков народов Российской Федерации, созданию условий для распространения через СМИ информации, сообщений и материалов на языках народов Российской Федерации, профессиональной подготовке специалистов в языковой сфере и смежных с ней

¹ Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – 12 декабря. – № 50. – Ст. 1740.

областях общественных отношений и, что немаловажно, меры по совершенствованию системы образования для развития языков народов Российской Федерации, а также иные меры, связанные с языковыми отношениями.

Вместе с тем, законодательное регулирование языковых отношений и возможность принятия программ развития государственных и иных языков народов России соотносится с имеющейся в арсенале органов государственной власти собственной правоприменительной практикой в области регулирования языковых отношений.

В свое время для внедрения в жизнь законодательства Российской Федерации о языках и Закона о языках народов Республики Башкортостан в контексте реализации конституционно-правовых норм и норм Конституции Республики Башкортостан, а также соблюдения общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации, Президент Республики Башкортостан 4 мая 1999 года подписал указ о реализации данного закона на территории республики. В частности, в данном указе прописывалось: «Образовать Комиссию при Кабинете министров Республики Башкортостан по реализации Закона Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан» (далее – Комиссия) с терминологической и топонимической службами». Данная Комиссия является постоянно действующим координационным органом, осуществляющим взаимодействие различных государственных органов, научных учреждений и учебных заведений по исполнению данного закона. Как представляется, идея создания данной комиссии была обусловлена не столько правовым и социальным режимом благоприятствования в области регулирования языковых и межнациональных отношений в Республике Башкортостан, сколько преемственностью идеи сохранения, равноправного развития языков народов, проживающих в этой

республике, создания условий для развития двуязычия и многоязычия и национальных языков.

Необходимо отметить, что намного раньше такая идея языкового равноправия и языковой толерантности была одобрена и внедрена в Татарстане, где в июле 1992 года Верховным Советом Татарстана был принят Закон Татарстана «О языках народов Республики Татарстан». Данный нормативный акт призван создать условия для всестороннего развития народов республики, максимального использования их духовно-нравственного потенциала для прогрессивного развития общества в условиях глобализационных процессов. Кроме того, в позитивной динамике регулировании языковых отношений в Республике Татарстан были приняты и другие нормативные акты, как то Постановление Кабинета Министров РТ № 110 «О первоочередных мерах по выполнению Закона Татарстана «О языках народов Республики Татарстан», укрепленное государственной программой по сохранению, изучению и развитию языков народов Республики Татарстан, которую в июле 1994 года утвердил Верховный Совет Татарстана. Согласно этой программе при Кабинете министров Республики Татарстан в июле 1994 года был создан Комитет по реализации Закона Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан», в составе которого было образовано три комиссии: терминологическая, топонимическая и языковой службы. Подобный тщательный подход к регулированию языковых отношений в Татарстане обеспечил успешное разрешение противоречий, возникающих на почве межнациональных и межконфессиональных отношений.

В свою очередь, осознавая актуальность и своевременность языкового вопроса, Президент Республики Башкортостан подписал распоряжение с целью ускорения реализации Закона Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан». В этом документе говорится, что администрациям районов и городов Республики Башкортостан необходимо привести в

соответствие с Законом Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан» оформление надписей дорожных и иных указателей, вывесок с наименованием органов государственной власти, организаций, предприятий и учреждений, обеспечить использование государственных языков Республики Башкортостан при обслуживании пассажиров на всех видах транспорта республики. Также в двухмесячный срок обеспечить замену старых информационных указателей на новые с названиями населенных пунктов, рек на государственных языках на всех автомобильных дорогах республики. Для исполнения вышеупомянутого распоряжения Президента Республики Башкортостан Кабинетом министров Республики Башкортостан было разработано и принято несколько постановлений, которые необходимо рассмотреть подробнее. Во-первых, было принято постановление «Об использовании государственных языков и языков народов Башкортостана в местах их компактного проживания при проведении праздничных и массовых зрелищных мероприятий, обслуживании населения всеми видами пассажирского транспорта».

В данном документе говорится, что основными целями использования государственных языков и языков народов Башкортостана являются: создание условий для развития и расширения сферы функционирования языков народов, проживающих в республике; гарантия защиты языков народов, проживающих в республике; популяризация и повышение культуры владения государственными языками республики; приобщение к истокам культуры родного языка; повышение культуры обслуживания населения.

В постановлении также прописывался порядок использования государственных языков Республики Башкортостан и языков народов Республики Башкортостан в местах их компактного проживания. Например, при проведении праздничных и массово-зрелищных мероприятий, а также в дикторских объявлениях, комментариях, при проведении церемонии встречи официальных

делегаций и т. п. сначала использовался башкирский язык, а потом русский язык. В местах компактного проживания населения определенной нации наряду с вышеупомянутыми языками используется национальный язык данного народа. Также прописывались правила оформления для наглядных мест проведения массовых мероприятий (сцены, площади, улицы и так далее) и при издании афиш, программ, написании лозунгов и т. п. Должна соблюдаться идентичность текста, а размещение информационных материалов должно соответствовать Закону Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан».

Отдельными пунктами определены полномочия, устанавливающие использование государственных языков Республики Башкортостан и языков народов Республики Башкортостан в общественном транспорте, и все, что с ним связано. Так, например, закреплялось, что «при обслуживании населения всеми видами пассажирского транспорта информационное обеспечение подвижного состава транспорта общего пользования должно включать полный объем информации на двух государственных языках». Информационное обеспечение пассажиров определяется как расписание и указатели маршрута; схемы маршрута, информационные стенды; объявления, табло, вывески касс и т. д.

Все, что относится к понятию информационного обеспечения, должно воспроизводиться на государственных языках Республики Башкортостан, а в местах компактного проживания – и на языках народов Республики Башкортостан.

Кабинетом министров Республики Башкортостан также было разработано положение «О порядке уточнения названий населенных пунктов, географических объектов, отдельных предприятий, организаций и учреждений Республики Башкортостан». В данном документе прописывалось, что написание наименований населенных пунктов, географических объектов, предприятий и организаций Республики Башкортостан на государственных языках Республики

Башкортостан производится в соответствии с русско-башкирскими словарями в соответствующих сферах.

Было принято отдельное положение, которое разрабатывало общие стандарты оформления дорожных указателей, названий населенных пунктов, улиц, вывесок предприятий и т. д. В данном документе также прописывалось, что все надписи должны быть оформлены на государственных языках Республики Башкортостан, а в местах компактного проживания населения допускалось оформление и на языках народов Республики Башкортостан.

Следующим документом, регламентирующим данную сферу, явилось постановление «О порядке оформления вывесок и фирменных бланков, печатей (штампов) учреждений и организаций Республики Башкортостан», где также прописывались все вышеназванные принципы языкового законодательства Республики Башкортостан. Все отмеченные постановления были разработаны в рамках международных правовых норм, правовых норм Российской Федерации и Республики Башкортостан регулирующих использование языков.

Изучая вопрос о полномочиях органов государственной власти и местного самоуправления в субъектах Российской Федерации на современном этапе, необходимо обратить внимание на оригинальные, с правовой точки зрения, документы, которые способствуют регулированию отношений в данной сфере. Так, в Постановлении «О государственной программе сохранения, изучения и развития языков народов Республики Башкортостан на 2006–2010 годы» оговорено равноправие народов и искоренение дискриминации, благодаря чему все этнические группы обладают правом пользоваться родным языком и культурой; право этноса на сохранение своей национальной и культурной идентичности. При этом следует констатировать, что данная программа разработана на базе двух основополагающих норм международного права.

Основными целями этой программы явились: создание благоприятных условий для толерантного развития культур и языков народов, проживающих на

территории Башкортостана; достижение практических результатов в условиях реального конституционного равноправия государственных языков, а также обеспечение их использования в качестве языков официального употребления на уровне государственного управления, в областях промышленности, связи, информационных технологий, здравоохранения, транспорта, бытового обслуживания населения, торговли, в средствах массовой информации; развитие и совершенствование правового пространства в Республике Башкортостан по обеспечению вопросов государственной национальной политики в области регулирования языковых отношений; обеспечение эффективного использования русского языка как государственного языка, а также как средства межнациональной коммуникации; воспитание с целью соблюдения норм современных русского и башкирского литературных языков, повышение общего уровня речевой культуры общества; содействие в изучении, развитии и сохранении языков народов Башкортостана; формирование у народов Республики Башкортостан бережного отношения к языковым культурам и традициям, восприятия языков как национально-культурного достояния российского государства.

В пункте 3 данной программы раскрываются механизмы ее реализации, основными составляющими которых являются: правовое и организационное сопровождение использования и функционирования языков; создание условий для проведения научных исследований в области языковых отношений и изучения языков; обеспечение использования наряду с государственными языками и родных языков народов, проживающих в Республике Башкортостан, в сферах культуры и образования, семьи и быта; функционирование башкирского языка в областях использования информационных технологий и средств связи; обеспечение функционирования государственных языков и языков народов, проживающих на территории республики, в средствах массовой информации, библиотечном, издательском деле и кинематографии.

Необходимо отметить, что во многих республиках были приняты различные программы и правовые документы, направленные на развитие и защиту государственного языка Российской Федерации и государственных языков субъектов Российской Федерации со статусом республик. Кроме того, не забывались и национальные языки разных народов. Так, например, в Республике Удмуртия приняли программу по сохранению и развитию удмуртского языка и языков народов, компактно проживающих в республике, от 14 июня 1994 г. В частности, целями программы являются оптимальное создание благоприятных условий для равноправного и свободного развития всех народов, проживающих в Удмуртской Республике, формирование национального самосознания, сохранение достижений культуры и письменности, удовлетворение культурно-языковых запросов этнических диаспор, осуществляющих свою деятельность на территории республики, а именно татарского, марийского и других народов. Представляется, что конечным результатом практического внедрения данной программы должна стать реализация основополагающих конституционных норм, гарантирующих сохранение и развитие государственных и иных языков в этом субъекте Российской Федерации.

Анализ правового регулирования и практики реализации государственных программ в контексте сохранения и защиты языков в Удмуртской Республике показал, что в данном субъекте Российской Федерации применяется дифференцированный принцип регулирования языковых отношений, который заключается в следующем: удмурты как коренной народ республики в численном отношении составляют (31 %), т. е. меньшинство, таким образом, удмуртский язык еще не обладает одинаковыми функциональными возможностями, какими располагает государственный – русский язык, и поэтому, чтобы обеспечить паритетное, равноправное использование удмуртского языка наравне с русским, необходимы правовые и организационные меры, способствующие повышению его социальной престижности. В этом контексте программные положения

обладают определенной новизной, способствующей повышению роли удмуртского языка и его развитию в системе языковых отношений в многонациональной республике. Кроме того, положения, отраженные в программе¹, оперируют вопросами функционирования русского языка как государственного языка Удмуртской Республики, что способствует, в свою очередь, консолидации общественности в разрешении вопросов языкового межнационального общения, укреплению языка русской нации.

Для реализации закона о языках в Чувашии также были приняты правовые акты, в частности, государственная программа по исполнению закона Чувашской Республики «О языках в Чувашской Республике» на 2003–2007 годы и на период до 2012 года². Программа содержит некоторые данные относительно создания условий для получения дошкольного, начального общего, основного общего образования на русском и чувашском языках. Что же касается мест компактного проживания, то на таких территориях создаются условия для общения на родных языках и официального их употребления этническими сообществами и национальными представителями. В программе констатируется, что в настоящее время дошкольное образование в республике осуществляется 511 различными дошкольными образовательными учреждениями, в них воспитываются и обучаются 43538, или 56,7 процента, малолетних детей в возрасте от 1 года до 6 лет. При этом в 185 детсадах воспитательная и образовательная деятельность реализуется на чувашском, в 7 – на татарском языках. Кроме того, в 300 учреждениях дети обучаются чувашскому языку, начиная с 4 лет, в одном

¹ Государственная программа по сохранению и развитию удмуртского языка и языков народов, компактно проживающих в Удмуртской Республике: Постановление Совета министров Удмуртской Республики от 14 июня 1994. №318. // Документ официально опубликован не был. СИПС. Консультант плюс.

² Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики Республиканская программа по реализации закона Чувашской Республики «О языках в Чувашской Республике» на 2003-2007 годы и на период до 2012 от 6.12.2002. №314. // Собрание законодательства Чувашской Республики. – 2003. - № 1-2. – Ст. 42.

образовательном заведении – мордовскому. К инновационным способам приобщения детей к чувашскому языку, традициям и общей культуре чувашского народа в рамках исполнения закона отнесены использование «микромузеев», специальных кабинетов чувашского языка. В целях соблюдения языкового паритета издаются программы по обучению чувашскому языку для русскоязычных воспитательных групп. Издательская деятельность в Чувашии способствовала выпуску чувашских иллюстрированных алфавитов, азбук в картинках, хрестоматий по чувашской музыке, учебных пособий по чувашскому прикладному искусству и народным художественным промыслам, комплектов диапозитивов по чувашскому декоративно-прикладному искусству. Как представляется, значительный программный охват языковых отношений способствовал развитию институтов толерантности, воплощающих в себе лучшие условия для формирования правовой культуры и правосознания гражданского населения. При этом необходимо отметить, что правовой статус языков подчеркивается созданием условий для функционирования национальных общеобразовательных учреждений, в ряду которых образовательную деятельность на чувашском языке ведут 456 учебных заведений, кроме этого, на русском языке образование ведется в 183 заведениях, на татарском языке – в 19 учреждениях, на мордовском языке – в 4 образовательных организациях. Также нормативными положениями предусмотрено, что в 1–5 классах чувашских и татарских национальных школ обучение ведется на родном языке, а в мордовских школах – на русском языке, при этом родной язык изучается как предмет»¹.

Показателен пример правового регулирования полномочий по сохранению, развитию и использованию государственного и национального языка в Республике Татарстан, где принята Государственная программа Республики

¹ Там же.

Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2004–2013 годы¹, причем на законодательном уровне – в отличие от проанализированных программ развития языков в других национальных республиках, что говорит о необходимости придания программе юридической силы. В частности, в программе говорится, что, «будучи национальным достоянием республики, государственные языки Республики Татарстан охраняются и поддерживаются государством.

В этом контексте необходимо отметить, что национально-государственная политика в области языковых отношений направлена на обеспечение оптимального функционирования языков во всех сферах жизни общества, их сохранения и дальнейшего развития. Программные положения, направленные на достижение реального равноправия татарского и русского языков как государственных языков Татарстана, нацелены на сохранение и развитие татарского языка как основы национальной культуры, полноценного средства общения и консолидации татарского народа. Кроме того, понимание важности сохранения и развития русского языка как государственного языка не идет в разрез с задачами органов власти по содействию в сохранении и развитии языков других народов, проживающих на территории Татарстана, что выводит данный субъект Российской Федерации на передовые позиции в контексте толерантного влияния на цели и задачи правового регулирования в области межнациональных и межконфессиональных отношений². Более того, исследование показало, что Татарстан одним из первых начал практически реализовывать политику в области межъязыковой толерантности, что, в свою очередь, обусловило повышение

¹ Закон Республики Татарстан «Об утверждении Государственной программы Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2004 – 2013 годы» // Газета «Республика Татарстан». – 2004. - № 216.

² Там же.

общего уровня речевой культуры. Как представляется, конституционно-правовой особенностью регулирования языковых отношений в Республике Татарстан является не столько закрепление в Конституции Татарстана статьи 14, гарантирующей оказание содействия в сохранении и развитии татарского языка, сколько сохранение и развитие татарского языка как в субъектах Российской Федерации, так и за пределами территории Российской Федерации, а именно в странах – участницах СНГ, в которых проживают граждане, использующие татарский язык.

В Республике Марий Эл проблемы языка регулируются в программе «Этнокультурное развитие Республики Марий Эл (2009–2013 годы)»¹. В отношении языковых вопросов в этом документе регламентировано: «Сохранение культурного и языкового разнообразия, а также содействие формированию условий для изучения, культивирования и развития гражданами родной культуры и использования родного и государственных языков Республики Марий Эл»².

Что касается Республики Башкортостан, то в ней был принят ряд правовых документов, частично касающихся правового статуса языка. Среди них можно выделить государственную программу «Народы Башкортостана»³ на 2003–2012 годы, государственную программу «Башкиры Российской Федерации» на 2008–2017 годы, республиканскую целевую программу «Русский язык» на 2008–2010⁴ годы и так далее. Все эти документы легли в основу «Концепции развития

¹ Постановление Правительства Республики Марий Эл от 04.06.2008 № 140, от 31.12.2009 № 282. // Собрание законодательства Республики Марий Эл. – 2008. - № 7. – Ст. 343.

² Постановление Правительства Республики Марий Эл от 04.06.2008 № 140, от 31.12.2009 № 282. // Собрание законодательства Республики Марий Эл. – 2008. - № 7. – Ст. 343.

³ Постановление Правительства Республики Башкортостан от 5 июня 2013 г. № 226 «О продлении на 2013 год срока действия государственной программы «Народы Башкортостана» на 2003 - 2012 годы» // Ведомости Государственного Собрания - Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан». – 2013. - №18 (420). – Ст. 818.

⁴ Постановление Правительства Республики Башкортостан от 28 декабря 2007 г. № 389 «О республиканской целевой программе «Русский язык» на 2008-2010 годы» // Ведомости

национального образования в Республике Башкортостан»¹, основными задачами которой являлось: формирование этнического самосознания, развитие почтения к своему и другим народам, их традиции и культуре; упрочнение гражданских основ общества, гармонизация социальных отношений, обеспечение межнационального и межконфессионального мира; создание фундаментальных условий для диалога культур и языков как основ становления толерантной личности, способной активно формироваться в многонациональной сфере; воспитание культуры и толерантности к литературному слову, недопустимость изменения языков, их исследование в тесной связи с традициями и историей этносов; совершенствование правовых актов, регулирующих национальное образование в соответствии с целями и задачами национальной политики в Республике Башкортостан; развитие правового регулирования процедуры подушевого финансирования образовательных учреждений в Республике Башкортостан с учетом специфики регулирования образовательных учреждений.

Согласно пункту 6 данной программы общеобразовательные учреждения делятся на: общеобразовательные заведения с обучением на русском языке; учебные заведения с обучением на родном (нерусском) языке; учебные заведения с обучением на родном (нерусском) языке с дополнительной углубленной подготовкой обучающихся по предметам различного профиля; учебные заведения с обучением на родном (нерусском) и на русском языках.

Надо отметить, что реализация данных программ постепенно дает свои плоды. В Республике Башкортостан происходит обучение на 6 национальных языках в 768 образовательных организациях из 1990, в том числе в 414 филиалах.

Государственного Собрания - Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан». – 2008. - №3 (273). – Ст. 204.

¹ Указ Президента Республики Башкортостан от 31 декабря 2009 г. № УП-730 «Об утверждении Концепции развития национального образования в Республике Башкортостан» // Ведомости Государственного Собрания - Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан». – 2010. - №4 (322). – Ст. 162.

Воспитание на родном языке происходит в 447 учреждениях и 276 их филиалах, на башкирском языке – с количеством учащихся 47908 человек (37,8%); на татарском обучение осуществляется в 234 учреждениях и 82 филиалах с общим количеством 10042 учащихся (8,4%); на марийском языке – в 54 учреждениях и 39 филиалах с 2809 учащимися (20,7%); на чувашском языке – в 27 учреждениях и 4 филиалах с 921 учащимися (7,7%); на удмуртском языке – в 6 учреждениях и 13 филиалах с 248 учащимися (8,6%).

Особый интерес, с юридической точки зрения вызывают полномочия органов местного самоуправления в области сохранения, развития, использования и изучения языков. В Законе о языках народов Российской Федерации о полномочиях органов местного самоуправления в области регулирования статусов языков ничего не сказано, исключением является ст. 11, в которой регламентировано, что работа в органах местного самоуправления осуществляется на государственном языке Российской Федерации. В органах местного самоуправления наряду с государственным языком Российской Федерации могут употребляться государственные языки республик. Вместе с этим, в ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» закреплено, что граждане имеют равные права на осуществление местного самоуправления независимо от языка (ч. 3 ст. 3). Часть 7.2 статьи 14 ФЗ № 131 закрепляет полномочие органов местного самоуправления поселений в области создания условий для реализации мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, сохранение и развитие языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории поселения, социальную и культурную адаптацию мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов. Необходимо отметить, что полномочия органов местного самоуправления сельских поселений и муниципальных районов в области регулирования статусов языков различаются, поскольку в части 6.2 статьи 15 ФЗ

№ 131 закреплено полномочие муниципальных районов в области поддержки и развития языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории муниципального района. Получается, что сельские поселения имеют право сохранять и развивать языки, а органы местного самоуправления муниципальных районов – поддерживать и развивать языки. Что касается органов местного самоуправления городских поселений и городских округов, то они имеют право, как и муниципальные районы, поддерживать и развивать языки согласно части 7.2 ст. 16 ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Кроме полномочий органов местного самоуправления в области создания условий для сохранения и развития языков в п. 5 ч. 2 ст. 74.1 закона о местном самоуправлении предусмотрена ответственность главы муниципального образования, главы местной администрации за нарушение государственных гарантий равенства языка. В частности, данная норма предусматривает, что допущение главой муниципального образования, местной администрацией, иными органами и должностными лицами местного самоуправления муниципального образования и подведомственными организациями массового нарушения государственных гарантий равенства прав и свобод человека и гражданина вне зависимости от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств, ограничения прав и дискриминации по признакам расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, если это повлекло нарушение межнационального и межконфессионального согласия и способствовало возникновению межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных конфликтов, являются основанием для удаления главы муниципального образования, главы местной администрации в отставку. Анализ закона о местном самоуправлении показал, что больше полномочий по регулированию условий в области сохранения и развития языков, кроме тех, которые означены выше, не закрепляется. Вместе с тем, в процессе определения полномочий органов

государственной власти и местного самоуправления в исследуемой сфере общественных отношений возникает и проблема вмешательства органов государственной власти в компетенцию муниципальных образований¹, причем она не ограничивается строго исследуемыми отношениями.

Исходя из изложенного, представляется возможным сделать следующие выводы по данному параграфу:

1. *Исследование полномочий органов государственной власти в области регулирования языковых отношений показало превалирующий характер прав и обязанностей органов государственной власти в области сохранения, развития, использования и защиты языков народов Российской Федерации в субъектах со статусом республики в отличие от полномочий органов власти в субъектах Российской Федерации с иными административно-территориальными статусами.*

2. *Исследование показывает, что республики в составе Российской Федерации – единственное место во всем мире, где исторически проживают их автохтонные народы, центры национального развития данных народов находятся на территории этих республик, поэтому законодательство республик, регулирующее языковую сферу, в основном направлено на защиту государственного языка Российской Федерации и языков автохтонных народов, что не должно трактоваться как ущемление прав представителей других народов.*

3. *Исследование показало, что в местностях компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за их пределами, наряду с русским языком и государственными языками республик в составе Российской Федерации,*

¹ Об этом подробнее: Соловьев С.Г. Вмешательство органов государственной власти в компетенцию местного самоуправления: механизм и правовые проблемы // Государственная власть и местное самоуправление. – 2005. - №3. – С.18-20.

в официальных сферах общения используется язык населения данной местности, в связи с чем предлагается расширить регулятивные возможности местных органов власти за счет предоставления права органам местного самоуправления устанавливать «Порядок использования языков в местностях компактного проживания» в соответствии с законодательством Российской Федерации и субъектов в составе Российской Федерации.

§ 3. Проблемы реализации права на сохранение, развитие и защиту языков народов Российской Федерации

Из общей теории права мы знаем, что к элементам, составным частям механизма правового регулирования относятся: правовые акты, акты официального толкования, юридические факты, правоприменительные акты, правосознание. В связи с этим целесообразно рассмотреть проблемы реализации права на сохранение, развитие и защиту языков народов России с классической позиции элементов механизма правового регулирования.

В одном из своих решений Конституционный суд России рассмотрел вопрос пользования языков в Российской Федерации, который отражен в деле о проверке на соответствие Конституции России положений пункта 2 статьи 10 Закона Татарстана о языках, части 2 статьи 9 Закона Татарстана «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан», пункта 2 статьи 6 Закона Республики Татарстан «Об образовании» и пункта 6 статьи 3 Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» по жалобе С.И. Хапугина и запросам парламента Татарстана и Верховного Суда Республики Татарстан.

В данном постановлении рассматривалось несколько вопросов, но нам интересна позиция суда, касающаяся графической основы татарского языка, так как заявитель – парламент Татарстана утверждал, что алфавит как органическая составная часть государственного языка республики, по смыслу статей 68 (часть 2), 71, 72, 73 и 76 (части 4 и 6) Конституции Российской Федерации, не относится ни к компетенции России, ни к компетенции субъектов Российской Федерации, и, следовательно, в этом вопросе республики обладают всей полнотой власти; графический выбор основы алфавита государственного языка является полномочием, следующим из конституционного права субъекта учреждать свои государственные языки, и, соответственно, составляет исключительную

компетенцию самих республик. Заявители указывали, что законодатель, предусмотрев в пункте 6 статьи 3 Закона Российской Федерации о языках народов положения о закреплении федеральными правовыми актами об алфавитах официальных языков республик, в нарушение статей 68, 73 и 76 Конституции России неправомерно вторгся в полномочия этих субъектов Российской Федерации, которые вправе осуществлять в данной сфере собственное нормативное регулирование, включая установление законов и иных юридических актов; в Республике Татарстан таковым является Закон Республики Татарстан от 15 сентября 1999 года «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики», закрепляющий, что в Республике Татарстан восстанавливается алфавит татарского языка на основе латинской графики (статья 3)¹.

Конституционный суд России по данному вопросу пояснил, что закрепление того или иного алфавита государственного языка (латиницы, кириллицы или другой), как доказывает исторический опыт, определяется не столько особенностями фонетики языка, сколько происходящими в государстве и обществе событиями национально-исторического и социально-культурного характера на разных этапах их развития. Следовательно, смена графической основы алфавита государственного языка должна осуществляться с учетом исторических, национально-культурных факторов и традиций, иметь твердую научно-обоснованную концепцию и, наконец, отвечать общественным ожиданиям.

Согласно пункту 6 статьи 3 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации» в России алфавиты русского языка и государственных языков субъектов федерации со статусом республик строятся на графической основе кириллицы, иные графические основы алфавитов официальных языков

¹ Постановление Конституционного суда РФ от 16 ноября 2004 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – 22 ноября. – № 47. – Ст. 4691.

Российской Федерации устанавливаются федеральными законами. Определив единую графическую основу алфавитов официального языка России и государственных языков субъектов федерации со статусом республик, законодатель констатировал исторически сложившиеся в России реалии – существования и развития языков народов России, получивших статус официального (государственного) языка, на графической основе кириллицы. Во-первых, такое решение обеспечивает общие интересы сохранения государственного единства – баланса использования русского языка и языков субъектов федерации со статусом республик, а также направлено на оптимизацию взаимодействия субъектов власти в рамках присутствия общего языкового пространства, что не препятствует реализации гражданами России прав и свобод в сфере языковых отношений, в том числе права на использование родного языка.

Вместе с тем, по мнению КС РФ, законодатель не исключает возможности изменения графической основы алфавитов официальных языков субъектов со статусом республик, в частности, употреблявшейся в республиках на момент принятия Конституции России. При этом законодатель не вправе действовать по своему усмотрению, поскольку подобные изменения в языковой сфере допустимы, если они преследуют конституционно-правовые цели, отвечают социальным и политическим реалиям, историко-культурным особенностям, а также интересам многонационального народа России. Конституционный суд РФ считает, что решение подобного вопроса субъектом-республикой самостоятельно, без учета конституционных норм, гарантирующих реализацию требований в языковой сфере, может привести не столько к ослаблению полномочий Российской Федерации в языковой сфере, сколько к нарушению конституционных прав граждан, для которых язык, официально используемый в республике, является родным. Кроме того, могут быть нарушены конституционные права – на пользование родным языком, на свободный выбор языка воспитания, творчества, обучения и общения, на участие в культурной

жизни, на доступ к традиционно-культурным ценностям, многие из которых были созданы в процессе исторического развития сложившейся письменности»¹.

В итоге Конституционный суд РФ признал положение о строении алфавита официальных, государственных языков субъектов федерации со статусом республик на графической основе кириллицы, а также возможности определения иных графических основ алфавитов государственных языков федеральными законами, не противоречащими основному закону России. Вместе с тем, Республика Татарстан не поспешила переходить на латиницу.

Следует обратить внимание на судебную практику в решении вопросов, касающихся языка, в такой сфере, как знание государственных языков республик главами республик.

Рассмотрим несколько определений Верховного суда РФ в отношении республик Российской Федерации, касающихся вопроса о знании президентом республики государственного языка в республике, в которой он осуществляет свои полномочия. В основном оспаривала такие критерии для президентов республик в Российской Федерации Генеральная прокуратура Российской Федерации, ссылаясь на то, что данные нормы дискриминируют граждан и мешают реализовывать свое пассивное избирательное право. В большинстве случаев Верховный суд РФ принял сторону надзорного ведомства, признавая правовые нормы республик противоречащими нормам федерального законодательства.

Так, Верховный суд России в своем определении от 18 ноября 1998 года указал, что республики, входящие в состав Российской Федерации, могут определять свои государственные языки, однако незнание указанных языков не должно ущемлять интересы граждан, в том числе пассивные и активные избирательные права. Верховный суд Российской Федерации указал, что по

¹ Постановление Конституционного суда РФ от 16 ноября 2004 г.

Конституции России запрещены все формы ущемления прав граждан, в том числе и по языковой принадлежности¹. В другом определении Верховный суд РФ отметил, что согласно статье 4 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав...» граждане России могут быть избранными в органы государственной власти независимо от национальности, языка и т. п., имущественного и должностного происхождения, положения, отношения к религии, места жительства, принадлежности к общественным объединениям, убеждений, а также других обстоятельств. При этом законами субъектов РФ могут устанавливаться дополнительные условия осуществления гражданами России пассивного избирательного права, связанные с достижением гражданином определенного возраста. Из содержания приведенной правовой нормы следует, что федеральное законодательство не ставит реализацию гражданином Российской Федерации пассивного избирательного права в зависимость от знания языков народов, проживающих в том или ином субъекте федерации. Допускается установление законами субъектов Российской Федерации дополнительного условия реализации гражданами Российской Федерации пассивного избирательного права, но только в отношении их возраста»².

Более интересную позицию по данному вопросу занял Конституционный суд Российской Федерации, который в своем постановлении от 27 апреля 1998 года указывал, что основной закон страны предусматривает возможность республикам закреплять национальные языки коренных народов данных территорий государственными языками этих республик, которые используются в публичной сфере органами государственной власти, органами муниципальных

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 июня 1998 года № 24-Г98-3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_193/doc193a655x652.htm (дата обращения: 06.12.2012).

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 марта 2001 года № 49-Г01-6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://lawrussia.ru/texts/legal_484/doc484a237x900.htm (дата обращения: 05.12.2012).

образований, учреждениями и предприятиями республик вместе с русским языком, что следует из государственной целостности России, принципов единства системы государственной власти, является признаком федеративного территориального устройства страны и способствует сохранению билингвизма проживающих в ней народов. Из этого, однако, не следует ни императивность республик закреплять государственные языки, ни необходимость определенных критериев к знанию данных языков в качестве условий для избрания и права быть избранным, в том числе и при выборах руководителя государства»¹. По этому постановлению Конституционного суда Российской Федерации есть два особых мнения судей данного суда, которые, на наш взгляд, очень важны для понимания проблемы. Введение языкового избирательного ценза для руководителя Башкортостана, как указывает В.Г. Стрекозов, может ограничивать избирательные права, так как избиратели в значительной степени не имеют возможности выбирать того кандидата, которого они считают самым достойным»².

В своем особом мнении профессор Н.В. Витрук указал, что критерий, связанный со знанием русского и башкирского языков, есть квалификационное требование, необходимое для лица, которое претендует на пост главы Республики Башкортостан, являющегося высшим должностным лицом, представляющим Башкортостан как внутри региона, так и на международной арене. Эти критерии не связаны с национальностью руководителя республики, но они необходимы для реализации полномочий главы республики согласно конституциям России и Башкортостана³.

¹ Постановление Конституционного суда РФ от 27 апреля 1998 года // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – 4 мая. – № 18. – Ст. 2063.

² Воронецкий П.М. Конституционно-правовые проблемы статуса государственных языков республик в составе Российской Федерации. – С. 113.

³ Там же.

Исходя из этих двух позиций, можно сделать вывод, что данная сфера всегда будет спорной, и к ней нельзя подходить с позиции большинства и политической конъюнктуры. Необходимо отметить, что современное зрелое гражданское общество берет за основу принципы, в соответствии с которыми каждый имеет равные права и реализует возможности независимо от принадлежности к определенному народу, вероисповедания, своих убеждений и политических взглядов. Вместе с тем известно, что даже люди, наделенные равными правами и возможностями, нередко имеют неравные возможности пользоваться ими из-за различных обстоятельств.

Людям, принадлежащим к национальным меньшинствам, нередко бывает нелегко общаться с большинством в связи с тем, что они не очень хорошо владеют языком большинства, также отличаются их обычаи, традиции и культуры. Данные факторы способствуют возникновению проблем в обучении и трудовой деятельности, тем более что часто большинство людей не понимают или не хотят вникать в проблемы, которые возникают у представителей иных народов. Юридическое и фактическое ущемления прав лиц, относящихся к национальным меньшинствам, ограничивает принцип равноправия, что приводит к конфликтам.

Исходя из изложенного, необходимо обратить внимание на особенности правового положения этнических меньшинств, которые иногда составляют значительную часть населения некоторых государств. Вопросы этнических меньшинств актуальны и для России. Положение меньшинств закреплено в международно-правовых и государственных нормах. Действительное положение малочисленных народов отражается в развитости гражданского общества и демократических институтов, возможности подготовить и соблюдать законы, охраняющие права лиц, относящихся к национальным меньшинствам¹. Вопросы охраны прав этнических меньшинств и свобод лиц, относящих себя к ним,

¹ Крылов Б.С. Проблемы защиты прав национальных меньшинств в Российской Федерации // Российский юридический журнал. – 2001. – № 8. – С. 17–25.

закреплены в ряде международных и межгосударственных документов, принятых ООН и иными организациями, включая и европейские. Однако поскольку факты неравенства этнических меньшинств в нашем государстве имеют место, и проблема защиты их прав остается нерешенной, законодатели были вынуждены обратить на это внимание. Примером правового акта, относящегося к нормам права об этнических меньшинствах, может служить норма Закона «О языках народов РФ» 1991 года, в которой установлено, что «государством гарантируется языковая суверенитет каждого народа независимо от его численности», а также что государство гарантирует равные права всех языков народов на их сохранение и развитие. В соответствии с Законом «О средствах массовой информации» не допускается использование СМИ в целях разжигания национально-языковой нетерпимости или розни¹.

К составной части механизма правового регулирования исследуемой сферы общественных отношений относятся также правоприменительные акты исполнительных органов государственной власти, регулирующие языковую сферу. Рассмотрим несколько примеров в республиках, входящих в состав Российской Федерации. Так, в Республике Удмуртия было принято Постановление от 6 февраля 1998 года «О концепции государственной национальной политики Республики Удмуртия», в котором указывалось, что «программа национально-языковой политики является основной в деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в Удмуртской Республике при решении вопросов национального становления и развития отношений различных народов, укрепления государственности Удмуртской

¹ Там же.

Республики и российской государственности, дальнейшего развития федеративных отношений»¹.

В документе присутствует интересная позиция по поводу советского прошлого. В нем закреплено, что народам России был нанесен серьезный вред тоталитарной системой, массовыми репрессиями и депортациями, размыванием и унификацией многих этнокультурных ценностей. Особенно ощутимым он был для немногочисленных народов². В данном документе выделялись такие задачи, как развитие государственности Удмуртии на принципах демократии, федерализма, составляющих необходимое сочетание самостоятельности региона и целостности России, оказывающих содействие национальному становлению и межэтническому сотрудничеству народов Удмуртии и всей России; развитие правовых актов, регулирующих национальную политику, закрепление юридической охраны жителей Удмуртии независимо от их этнической принадлежности, вероисповедания, их равноправие, необходимое их представительство в государственных органах власти; развитие этнической культуры и языков народов Удмуртии; совершенствование духовного мира народов республики и России; развитие этнокультурных обычаев удмуртов, населяющих регионы за пределами Удмуртии, их взаимоотношений с другими этносами России; охрана и становление сложившейся среды обитания народов Удмуртии, укрепление демографической ситуации и уменьшение факторов, приводящих к суициду; улучшение объективных факторов всестороннего развития и сотрудничества народов Удмуртии, становление высокой культуры межнационального мира³.

¹ Официальный сайт Министерства национальной политики Удмуртской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.minnac.ru/minnac/info/13995.html> (дата обращения: 11.12.2011).

² Там же.

³ Там же.

Привлекает внимание и положение Республики Удмуртия «О республиканской термино-орфографической комиссии по удмуртскому языку» от 8 декабря 2005 года, где на эту комиссию возлагались оригинальные функции: участие в составлении словарей удмуртского языка и иных литературных изданий в области языкознания; перевод экономических, политических и других терминов на удмуртский язык; внедрение новых слов и понятий в удмуртском языке и разработка правил их правописания, анализ правил правописания удмуртского языка и их применения, при необходимости изменение правил, систематизация правил правописания заимствованных слов на удмуртском языке, приведение их правописания в соответствие с нормами графики и орфографии удмуртского языка, нормализация правил орфоэпии удмуртского языка. На наш взгляд, не совсем понятен последний пункт программы, в котором не разъясняется понятие «нормализация правил орфоэпии».

Также необходимо рассмотреть Постановление Правительства Республики Марий Эл «Об утверждении Положения об использовании языков при публикации общественно значимой информации на территории Республики Марий Эл», где указывается, что «общедоступная информация на территории Республики Марий Эл публикуется на марийском (горный, луговой) и русском государственных языках Республики Марий Эл, а на территориях, где распространены иные языки, также и на этих языках в следующем порядке: в средствах массовой информации и во внешних средствах размещения информации, изготавливаемых путем тиражирования, информация размещается вместе в равноценном объеме; во внешних средствах размещения информации, в том числе используемых совместно с общественно значимой информацией, информирование потребителя о которой является обязательным в соответствии с установленными законами, общедоступная информация повторяется на

марийском (горный, луговой) и русском языках, а в местностях, где распространены иные языки, также и на этих языках и так далее»¹.

Важным элементом механизма правового регулирования в области сохранения, развития, использования и защиты языков народов Российской Федерации является правосознание, которое тесно переплетается с юридическими фактами. В национальной сфере правосознание играет большую роль, являясь основным фундаментом недопущения дискриминации по национальному и языковому принципу.

Государство создает условия, обеспечивающие развитие правовой грамотности и правосознания граждан, их осведомленность о характере, способах и пределах осуществления и защиты их прав, охраняемых законом интересов в административном и судебном порядке, а также доступ граждан к квалифицированной юридической помощи. Важнейшей задачей государства является также пропаганда и разъяснение необходимости соблюдения гражданами своих обязанностей, правил общежития, уважения прав и законных интересов других лиц независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений и других обстоятельств². По мнению М.В. Баглая не совсем, правда, ясно, какие силы пропагандируют языковое превосходство – похоже, что таких сил в России нет³.

Вместе с тем, необходимо рассмотреть связь права и языка в двух аспектах. Во-первых, интересны особенности использования языков на современном этапе жизни государств, которые входили в СССР, в контексте проблемы пользования

¹ Постановление Правительства Республики Марий Эл от 8 декабря 2010 г. № 329 «Об утверждении Положения об использовании языков при публикации общественно значимой информации на территории Республики Марий Эл» // Собрание законодательства Республики Марий Эл. – 2011. - №1 (часть II). – Ст. 50.

² Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан // Российская газета от 14 июля 2011 года.

³ Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. – 6-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2007. – С.240.

определенным языком (языками) как инструментарием правового регулирования взаимоотношений с языками народов, проживающих на определенной территории. В этой проблематике, конечно, тесно соприкасаются политические, юридические, моральные, теологические идеи, мысли и чувства. Во-вторых, проблема правосознания, права и языка актуальна и в плане научно-обоснованного использования языковых средств для выражения правосознания, права¹.

Основная причина принятия законов, регулирующих статус языков в суверенных странах, возникших на территории бывшего СССР, связана с идеей национального возрождения. Адепты «государственного языка» исходят из того, что язык – это основной фактор развития и становления народов, что во имя единства, будущего автохтонного народа можно ущемить интересы других народов. Предложения о развитии билингвизма встречают противодействие в ряде новых независимых государств. Высказываются различные соображения, в том числе и утверждения, что «только ленивый человек не может изучить другой язык»².

Изучая особенности правового регулирования языков в Российской Федерации, необходимо обратить внимание еще на одну тему. Она касается статуса русского языка. В предыдущих параграфах мы отмечали огромную роль русского языка в истории становления языков автохтонных народов России, благодаря которому они получили алфавит, и стала доступна массовая грамотность. В настоящее время роль русского языка также исключительная, так как он является языком межэтнического общения, то есть тем фундаментом и «клеем», на чем держится российская гражданская идентичность.

¹ Там же.

² Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан.

В настоящее время русский язык, хотя и обладает особым статусом государственного, все-таки нуждается в государственной и общественной защите, поскольку он является основой образования в нашей стране, средством объединения народов и регионов в единую российскую гражданскую нацию, историческая значимость его вполне очевидна. Представляется, что проблема сохранения и развития русского языка, защиты и сохранения его чистоты является не только лингвистической. Она еще и экономическая, социально-политическая, гуманитарная и общественная¹.

С этим нельзя не согласиться, следует подчеркнуть, что защита русского языка – это и функция юристов, которая осуществляется через принятие соответствующих правовых актов. На сегодня принят Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»², где этим языком объявлен русский язык, и определены сферы его деятельности.

В обществе существует мнение о нечеткости данного закона, в частности, об этом говорит сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького А.Ю. Большакова: «Есть мнения, что в документе не отражены пределы самого понятия «государственный язык». Это так. Только определившись, что государственный язык – это литературный язык, применяемый в официально-деловых, а не межличностных отношениях, который даже в своем усредненном варианте постоянно обогащается просторечием, жаргоном и даже арго, мы перестанем спорить»³. Также она предлагает именовать этот закон, как было

¹ Шадже А.Ю. Русский язык в условиях формирования российской нации // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 2. – С. 73–74.

² Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 № 53-ФЗ // Российская газета. – 2005. – 7 июня. – № 120.

³ Стенограмма заседания Совета по государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, которое было посвящено теме «Сохранение и развитие языковой культуры: нормативно-правовой аспект», от 16 октября 2009 г.

первоначально – «О русском языке как государственном языке Российской Федерации».

В указанном законе закреплено, что правила современного литературного русского языка при его использовании, а также орфография и пунктуация закрепляются постановлением Правительства Российской Федерации, в котором указано, что Министерство образования и науки Российской Федерации должно утверждать по рекомендации специальной межведомственной комиссии по русскому языку список словарей и справочников, в которых закреплены основы современного литературного русского языка при его использовании (по результатам экспертизы), а также правила правописания, порядка проведения экспертизы грамматик, словарей и справочников. Под нормами современного литературного русского языка при его использовании в качестве государственного языка России понимается множество языковых средств и правил их использования в сферах использования русского языка как государственного языка Российской Федерации»¹. Тем не менее, подход к праву с позиций теории словесности пока остается вне поля зрения, хотя лингвистической проблематике в праве посвящаются многие исследования².

При этом следует считать положительной динамикой принятие федеральной целевой программы «Русский язык (2006–2010 годы)»³. В частности, в этой программе указывалось снижение владения русским языком как государственным, особенно среди молодежи, сужение круга его использования как языка межнационального общения, нарушение литературных норм и

¹ Постановление Правительства РФ «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации» от 23.11.2006 № 714 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – 27 ноября. – № 48. – Ст. 5042.

² Губаева Т.В. Словесность в юриспруденции: Автореф. дис... докт. юрид. наук. – М., 1997. – С.4.

³ Постановление Правительства РФ от 29.12.2005 № 833 «О Федеральной целевой программе «Русский язык (2006–2010 годы)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – 9 января. – № 2. – Ст. 200.

культуры речи государственными служащими, работниками средств массовой информации.

Действительно, сегодня проблема литературного русского языка становится все более актуальной. Это связано с процессом глобализации, повсеместной компьютеризации и проникновения сети Интернет, в результате чего появилось много жаргонов и иностранных заимствований. Также это связано, на наш взгляд, с общим падением морально-нравственных ценностей нашего общества, деградацией образования и уменьшением интереса к чтению. Особенно печально, что эти процессы происходят и на телевидении, которое является мощнейшим инструментом пропаганды. Также засорением русского языка грешат государственные чиновники и публичные люди, что неприемлемо в сфере делового общения. Поэтому, на наш взгляд, необходимо в Кодексе этики государственных служащих предусмотреть правила об употреблении ими литературного языка. Данному вопросу также было уделено внимание на заседании Совета по культурной политике при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, которое было посвящено теме сохранения и развития языковой культуры.

Удручающую статистику привел председатель Совета Федерации, выступая со вступительным словом. В частности, им было сказано: «Согласно опросу, на чистом русском языке в нашей стране говорит не более 5 процентов населения, 61 процент использует ненормативную лексику. Многие говорят на сленге. Например, 20 процентов населения говорит на так называемом блатном языке, 28 процентов – на компьютерном языке, или языке юзеров, пользователей Интернета. А ведь общество, в котором так коверкают язык, – это общество больное. Не такой мы хотим видеть Россию»¹.

¹ Стенограмма заседания Совета по государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, которое было посвящено

Итогом работы данного Совета стала выработка рекомендаций Президенту РФ, органам государственной власти Российской Федерации и ее субъектам в части усиления языковой культуры, в которых указывалось, что языковая культура общества нуждается в важном изменении стандартных подходов к оценке роли и значимости языка в целом, агитации лучших обычаев и традиций литературного языка, литературы. Также обращалось внимание руководителей государства на продолжающееся падение уровня культуры, которое связано со сложностями развития информационных технологий и общества. Одновременно отмечалось, что имеются огромные незатронутые резервы научной и педагогической мысли, возможности творческой пропаганды в области распространения языковой этики, сохраненной как в высоких образцах прошлого, так и в современных традициях словесности, акцентировалось внимание общественности на необходимости пропаганды культуры русского слова¹.

Необходимо отметить, что в научной литературе предлагаются различные критерии для объявления того или иного национального языка государственным языком республик Российской Федерации. Некоторые ученые считают нецелесообразным установление в качестве государственных языков в республиках национальных языков коренных (титульных) народов данных субъектов Российской Федерации, ссылаясь на то, что численность этих коренных наций на территории данных республик меньше численности остального населения. Данную мысль можно усмотреть в работе Л.Н. Васильевой, которая пишет, «что не всегда целесообразно устанавливать в республиках в качестве государственного языка республики (помимо русского) исключительно язык этноса, самоназвание которого

теме «Сохранение и развитие языковой культуры: нормативно-правовой аспект», от 16 октября 2009 г.

¹ Рекомендации Совета по государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 16 октября 2009 года // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://council.gov.ru/files/journalsf/item/20100217114541.pdf> (дата обращения: 07.12.2011).

легло в основу наименования субъекта Российской Федерации: численность представителей такого этноса иногда не преобладает над численным составом остального населения. Было бы оправдано законодательное определение численного критерия для установления языка в качестве государственного. Более того, следует учитывать, что не все представители этноса, самоназвание которого легло в основу наименования республики, могут избрать родной язык для использования в официальных сферах общения»¹.

Вместе с этим, представляется необходимым отметить, что привязка конкретного этноса к численному критерию для определения правового статуса его языка не должна противоречить принципам равноправия и недискриминации, гарантированным международно-правовыми актами и Конституцией Российской Федерации. Тем более что Российская Федерация характеризуется обширной территорией, историческим развитием, многонациональностью и при всех этих признаках при установлении права народов на язык следует учитывать как количественные, так и качественные показатели определенных народов.

К причинам незнания некоторыми представителями определенной национальности своего родного языка относятся как объективные, так субъективные факторы. К таким факторам можно отнести политику создания единого «советского народа», наподобие американской концепции «плавильного котла». Вместе с этим «пробуксовывание» идеи национального «плавильного котла» выявлялось уже давно².

Про данную политику в СССР в своей книге Н.В. Шелютто писал следующее: «На фоне парадных реляций о дружбе народов, расцвете национальной культуры происходила нивелировка культур, утрата общественных функций национальных

¹ Васильева Л.Н. Законодательное регулирование использования языков в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 10–11.

² Зорькин В.Д. Как сохранить государство в эпоху этносоциального многообразия // Российская газета. – 13.09. 2011. - № 5579.

языков. Они уходили из сферы народного образования и культуры, делопроизводства государственных и общественных органов. Так, по словам Б.И. Олейника, на Украине украинский язык стал языком бытового говора села, частичного функционирования в сельских школах и гуманитарных вузах и почти вовсе был вытеснен из научного употребления, делопроизводства. По свидетельству первого секретаря обкома ЦК КПСС Молдовы П.К. Лучинского, в последние десятилетия и молдавский язык стал «как бы вымирающим». Уже в деревнях вы не встретите людей, говорящих на чистом молдавском языке. То же могут сказать представители и многих других народов нашей страны. Но особенно не повезло малочисленным народам: их языки оказались под угрозой исчезновения»¹.

Исходя из вышеизложенной информации, необходимо сделать вывод, что предложение о законодательном определении численного критерия населения для установления языка в качестве государственного в республиках на современном этапе нельзя принять как положительное, поскольку республики Российской Федерации, объявляя государственным языком национальный язык коренного народа данной республики, не преследуют цели ущемления языковых прав остальных народов данной республики, а также не имеют цели показать превосходство этого национального языка над другими. Основной целью данных решений, на наш взгляд, является защита и сохранение национального языка коренного народа данной республики, так как нигде в массовых масштабах, кроме как на данной территории, не было и не будет национального центра развития народа и, следовательно, его языка. Рассматривая правовой статус государственного языка в системе законодательства Российской Федерации, следует констатировать, что он охватывает значительную сферу общественных отношений в нашем государстве, а что касается национальных языков, то в целях

¹ Шелютто Н.В. Законодательство о развитии и использовании языков народов СССР (в помощь лектору). – М., 1990. – С. 4.

реализации принципа самосохранения коренных народов предусматривается возможность употребления языков в официальной и деловой сфере в статусе государственного языка субъекта.

Исходя из изложенного в параграфе, представляется возможным сформулировать следующие выводы и предложения:

1. *Исследование показало, что наибольшие проблемы правового регулирования в языковой сфере обнаружались в области реализации права на сохранение, развитие и защиту языков в субъектах Российской Федерации.*

2. *Практика реализации государственных программ по сохранению и развитию языков народов Российской Федерации показала необходимость реализации принципа «достаточного обеспечения финансовыми средствами» полномочий органов государственной власти по исполнению указанных программ, а также правоприменительная практика в языковой сфере позволила установить, что не во всех субъектах Российской Федерации законодательство или нормы, регулирующие право на сохранение и развитие языков народов Российской Федерации, дополняются государственными программами, необходимыми для создания условий реализации указанных конституционных прав.*

3. *Обосновано, что законодательство Российской Федерации и субъектов в составе Российской Федерации должно содержать положения, гарантирующие сохранение и развитие традиционного употребления литературного русского языка, который является основой единения российских народов и сохранения российской государственности, при этом исключается применение принципа единообразия в национально-языковом вопросе без учета исторического и национального развития народов Российской Федерации.*

Глава III. Совершенствование правового регулирования статуса языков в субъектах Российской Федерации

§ 1. Зарубежный опыт правового регулирования и правоприменительной практики в области сохранения и защиты языков

Для анализа зарубежного опыта правового регулирования и правоприменительной практики сохранения и защиты языков необходимо рассмотреть ряд концепций, обосновывающих требования к языковым отношениям. Так, доктор филологических наук Е.Б. Гришаева, исследуя труды К. Истмана, пишет, что он выделял несколько «стадий», через которые общества продвигаются по пути подтверждения права на язык¹. Первая стадия носит «studied neglect», или выражение «пренебрежения» проблемой, своеобразное отрицание легитимного права этноязыковых сообществ отстаивать языковые права²; вторая стадия может проходить под лозунгом «смешно» (redicule), т. е. правительством предпринимается незначительное усилие с целью демонстрации низкого престижа языка национальных меньшинств и его функциональной неразвитости и ущербности³; третья стадия – это репрессии, т. е. предполагаются различные воздействия на лидеров национальных меньшинств и лишения их гражданских прав и свобод⁴; и четвертая стадия – «приспособление», различают две основные формы приспособления, первая форма носит название «согласованного приспособления», когда языкам национальных меньшинств предоставляются права в определенных сферах, например в образовании, и вторая

¹ Гришаева Е.Б. Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтничном и мультикультурном пространстве (функциональный аспект): Монография. – Красноярск: РИО КрасГУ, 2006. – С. 77.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

форма носит название «структурное приспособление», сущность которого заключается в признании требований малых народов и их языков через изменения политической структуры общества¹. Примерами реализации этих форм являются право на предоставление автономий Каталонии, стране Басков² и так далее, а отдельной формой для построения данных отношений К. Истман называет построение федеративного государства.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день в мире присутствуют все эти модели отношений между государством и языковыми меньшинствами, однако с различными модификациями. При этом следует заметить, что, исходя из развитости страны в экономическо-социальном плане, формы взаимоотношений и в этих вопросах более или менее демократические. Как отмечает И.С. Яценко государственная деятельность по урегулированию национальных отношений неизбежна, и прежде всего, это конституционно-правовая регламентация национальных отношений. Она осуществляется в различных формах³.

В этом контексте уместно рассмотреть конституционно-правовое положение языка в Индии, которая по форме территориального устройства также является федерацией. Данная страна состоит из двадцати восьми штатов, шести союзных территорий и Национального столичного округа Дели. Все штаты и две союзные территории (Пудучерри и Национальный столичный округ Дели) имеют собственное избираемое правительство. Остальные пять союзных территорий управляются администратором, назначаемым центральной властью, и, следовательно, находятся под прямым управлением президента Индии. Следует отметить тот факт, что в 1956 году индийские штаты были реорганизованы по

¹ Гришаева Е.Б. Указ. соч. – С. 78.

² Там же.

³ Яценко И.С. Конституционное право зарубежных стран: учебно-методическое пособие. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – С.36-37.

языковому признаку¹, что неудивительно, поскольку, как известно из истории развития Индии, данное государство долгое время было колонией Британской Империи и только в XX веке получило суверенную независимость. Поэтому главным языком государственного аппарата и общения граждан с государством являлся английский язык, который и на сегодняшний день сохраняет широкий ареал обитания.

Исследование, проведенное автором посредством метода контент-анализа, позволило выявить, что Индия является родиной двух крупных языковых семей: индо-арийской (74 % населения) и дравидийской (24 % населения). Другие языки, на которых говорят в Индии, произошли из австроазиатской и тибето-бирманской лингвистической семьи. Хинди – самый распространённый в Индии язык. При этом Индия по численности населения является второй страной в мире, по данным переписи населения 2001 года там проживало 1,13 млрд человек,² поэтому языковые отношения и статус языков очень важен для них, так как эти отношения затрагивают различные языковые группы, численность граждан которых насчитывает несколько миллионов человек, что подтверждается следующей таблицей³ самых крупных национальных языков с количеством их носителей.

Языки	Число носителей, млн чел.
Хинди и его диалекты	422,048 642
Бенгали	83,369 769
Телугу	74,002 856
Маратхи	71,936 894

¹ Акт реорганизации штатов от 1956 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.commonlii.org/in/legis/num_act/sra1956250 (дата обращения: 06.06.2010).

² URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Индия> (дата обращения: 06.06.2010).

³ Официальный/сайт/правительства/Индии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.censusindia.gov.in/Census_Data_2001/Census_Data_Online/Language/Statement4.htm (дата обращения: 06.06.2010).

Тамильский	60,793 814
Урду	51,536 111
Гуджарати	46,091 617
Каннада	37,924 011
Малаялам	33,066 392
Ория	33,017 446
Пенджаби	29,102 477
Ассамский	13,168 484
Майтхили	12,179 122
Сантали	6,469 600
Кашмири	5,527 698
Непальский	2,871 749
Синдхи	2,535 485
Конкани	2,489 015
Догри	2,282 589
Манипури	1,466 705
Бодо	1,350 478
Санскрит	0,014 135

Рассмотрим, как регулируется статус языков в Конституции Индии, которая была принята 26 января 1950 года. Статусу языков посвящена отдельная XVII часть Конституции Индии, которая состоит из 3 глав и 9 статей (ст. 343–351). В частности, часть 1 статьи 343 закрепляет: «Официальным языком Союза является хинди в написании деванагари. Для официальных целей Союза применяется международная форма обозначения индийских цифр»¹. Также

¹ Конституция Индии от 26 января 1950 года. Конституции зарубежных государств / Под ред. В.В. Маклакова. – М.: Вольтерс Клувер, 2006. – С. 570.

глава II данной части посвящена местным языкам, статус которых могут устанавливать сами штаты.

По первоначальной программе господствующее положение английского языка в стране было рассчитано на первые 15 лет переходного периода. После этого строились планы постепенного введения языка хинди в качестве государственного. В День Республики 26 января 1950 года язык хинди был провозглашен государственным языком Индии, и именно тогда в некоторых частях страны прокатилась волна крупных беспорядков, террора и насилия против введения хинди как государственного языка страны. Кроме провокационных актов со стороны лобби в пользу хинди, сильные возмущения произошли в некоторых районах, где не использовался язык хинди (в особенности в штате Тамил Наду). Эти беспорядки были достаточно сильными и нарушили сложившееся равновесие сил в стране. Возмущение преобладало в среде образованных средних классов в разных штатах и районах Индии, созданных по языковому признаку¹.

Необходимо отметить, что носителем языка хинди, учитывая приведенные статистические показатели, значительная часть населения не является, это, в свою очередь, обуславливает возникновение факторов, способствующих межэтнической конфликтогенности в стране.

В частности, индийский исследователь языковой сферы Абхай Морье пишет: «Население штатов, не говорящих на хинди, считало, что в результате введения этого языка они окажутся в невыгодном экономическом и политическом положении. Они справедливо отмечали, что с введением хинди в качестве официального языка население штатов не сможет сравниться с носителями хинди, особенно в области науки, образования и межсоюзного общения. Их опасения не были такими уж беспочвенными, ибо конкурентоспособность специалистов из

¹ Рей Б. Существует ли языковая проблема в Индии? // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. – С. 139.

южных и других не говорящих на хинди штатов обязательно пострадала бы по сравнению со специалистами – носителями языка хинди, и особенно на бирже труда»¹.

Как представляется, именно из соображений языкового равновесия и в связи с языковой напряженностью в Конституции Индии есть приложение, которое провозглашает официальными языками помимо вышеназванного языка хинди еще ряд крупных национальных языков, что несомненно стабилизирует обстановку в сфере языкового многообразия. Кроме того, не все крупные языки из приведенной выше таблицы были включены в этот список сразу, поскольку добавлялись законодателями постепенно из-за волнений населения и других причин. Так, Конституционным актом 2003 года² в 8-м приложении Конституции были добавлены языки бодо, майтили, сантали. Закрепление указанных языков все-таки полностью не снимает межнациональное напряжение. Об этом свидетельствует нашедший свое место в восьмом приложении к Конституции санскрит, которым владеют лишь 2500 человек, в то время как некоторые племенные языки, например, бхили, на которых говорят миллионы, как будто вообще не существуют. Если же критерием отбора языков является богатое литературное и культурное наследие и традиции, то чем можно объяснить отсутствие таких языков, как раджстани и брадж? Если критериями отбора были классические, но ложные различия между языками и диалектами, то как такие языки с богатыми традициями, как раджстани, брадж и языки авадхи, оказались «подразделами» языка хинди, а язык конкани рассматривается как язык, отличный от маратхи?»³.

¹ Морье А. Национально-языковые проблемы: индийский опыт // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. – С. 125.

² Конституция Индии от 26 января 1950 года. Конституции зарубежных государств. – С. 571.

³ Алок К. Дас. Языковые конфликты и контакты в Индии // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. – С. 132.

Таким образом, необходимо отметить, что в больших и полиэтнических государствах национальный и языковой вопрос всегда является актуальным, что, в свою очередь, доказывает необходимость контроля данной области общественных отношений и ее регулирования конституционно-правовыми нормами. При этом исследование показало, что императивные методы не всегда приводят к должному эффекту, соответственно требуется регулирование языковой сферы с использованием конституционно-правовых институтов, которыми в Индии являются «Комиссии по вопросам официального языка».

Для развития и защиты официального языка в статье 344 Конституции Индии регламентируется статус специализированного органа, который именуется «комиссия по вопросам официального языка». В части 2 этой статьи говорится об обязанностях данной комиссии: а) более широко применять язык хинди для официальных целей Союза; б) ограничивать применение английского языка для всех или для какой-либо из официальных целей Союза; в) развивать язык, который должен применяться для всех или для какой-либо из целей, упомянутых в статье 348; г) устанавливать форму обозначения цифр, которая должна применяться для какой-либо одной или для нескольких целей Союза; д) решать любые другие вопросы, переданные Президентом комиссии, касающиеся официального языка Союза и языка, на котором осуществляется связь между Союзом и Штатами или между Штатами, и употребления этих языков¹. Анализ норм основного закона Индии показывает, что деятельность комиссии направлена на защиту и регулирование отношений, преимущественно связанных с языком хинди, при этом регламентация других языков остается менее урегулированной, что в дальнейшем может привести к напряженности в этих вопросах.

Интересным выглядит содержание статьи 350 «В», где в части 1 говорится об утверждении специальной должности по делам лингвистических меньшинств,

¹ Конституция Индии от 26 января 1950 года. Конституции зарубежных государств. – С. 543.

а в части 2 этой же статьи говорится о специальном должностном лице, в обязанности которого входит «рассмотрение всех вопросов, касающихся защиты языков в отношении лингвистических меньшинств, и сообщение Президенту Индии информации по языковым вопросам с интервалами времени, которые устанавливает президент государства. Он же в свою очередь должен направлять все такие доклады в каждую палату парламента и посылать их соответствующим правительствам штатов»¹.

Анализ норм Конституции Индии показал, что по содержанию она является объемной и детализованной, что позволяет предусмотреть такие конституционные нормы, как отдельные статьи, посвященные языку подачи жалоб о нарушении прав и законных интересов, возможности обучения родному языку в начальной школе и др.

Помимо Индии с ее конституционно-правовой моделью регулирования языковых отношений, на наш взгляд, интересен опыт конституционно-правового регулирования статусов языков в Китайской Народной Республике. В Китае нет специального закона, регулирующего правовой статус языка, а отдельные положения о языке и письменности изложены в Конституции КНР, Законе КНР о районной национальной автономии и соответствующих законах КНР, в статьях которых законодательно регламентированы статус, употребление языка и письменности, языковые права и обязанности². Получается, что регулирование статуса языков в Китае происходит строго в конституционно-правовом измерении. В статье 4 Конституции Китая провозглашается, что «каждая национальность пользуется свободой использования и развития своего языка и

¹ Там же. – С. 543.

² Син Х., Яньли Я. Языковая ситуация в Китае // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. – С. 189.

письменности, свободой сохранения или изменения своих нравов и обычаев»¹. Таким образом, законодатель в данной норме, хоть и косвенно, предусмотрел возможность изменения своего языка, что рождает вопрос об инструментариях изменения и мотивах поведения участников общественных отношений. Хотя, на наш взгляд, это только теоретически.

Необходимо отметить, что в Китае, как и в Индии, есть доминирующий национальный язык, который пользуется большей поддержкой государства. Таким языком является путунхуа, или ханьский язык, который широко используется в КНР, Сингапуре и Тайване. Об этом говорится в статье 19 Конституции Китая: «Государство обеспечивает распространение по всей стране путунхуа»². В статье 121 основного закона страны говорится о языках в органах самоуправления, в частности, закреплено, «что органы самоуправления в районах национальной автономии при осуществлении своих полномочий в соответствии с положениями об автономии пользуются одним или несколькими языками и письменностью, распространенными в районах национальной автономии»³. Отдельная статья 134 посвящена языку судопроизводства. В данной норме закреплено, что граждане всех национальностей имеют право пользоваться в суде своим родным языком и письменностью. Народный суд и народная прокуратура должны обеспечить перевод для участников судебного процесса, не владеющих языком и письменностью данной местности. В районах компактного проживания национальных меньшинств или проживания многих национальностей судопроизводство ведется на общепринятом в данной местности языке; обвинительные заключения, приговоры, решения и другие документы оформляются на одном или нескольких распространенных в данной местности

¹ Конституция КНР от 4 декабря 1982 года / Китайская Народная республика. Конституция и законодательные акты / Перев. с кит. Н.Х. Ахметшина; сост. К.А. Егоров; под ред. Л.М. Гудошников. – М.: Прогресс, 1984. – С. 27.

² Конституция КНР от 4 декабря 1982 года .

³ Конституция КНР от 4 декабря 1982 года .

языках, исходя из практических нужд¹. Таким образом, помимо права пользования родным языком в сфере судопроизводства законодатель гарантировал важный принцип реализации права на судебную защиту, что в целом согласуется с международной практикой использования языков.

Особенностью конституционно-правового гарантирования использования языков в Китае является то, что абсолютное большинство населения Китая использует только свой национальный язык, лишь незначительная часть употребляет китайский. Это такие народы, как уйгуры и тибетцы, имеющие широкий ареал проживания, где их численность превышает численность ханьского населения, а национальная специфика ярко проявляется в экономике и культуре². Анализ информационных источников посредством применения диссертантом метода контент-анализа показал, что языковая ситуация в Китае также не однородна и не стабильна, как в Индии, поскольку политика китайских властей более императивна по отношению к другим народам, проживающим в государстве, об этом свидетельствуют многочисленные выступления и столкновения в Тибете и в городе Урумчи.

В контексте снятия напряженности в вопросах использования языков, на наш взгляд, целесообразно обратиться к лингвистической модели развития федеративного государства, которая позиционируется в мире как авангард демократии. Речь идет о стране иммигрантов, имя которой Соединенные Штаты Америки.

Англоязычные переселенцы, в первую очередь англичане, ирландцы и шотландцы, стали ядром американской нации, представители же других этнических общин вынуждены были приспосабливаться к англосаксонской

¹ Конституция КНР от 4 декабря 1982 года. – С. 27.

² Син Х., Яньли Я. Языковая ситуация в Китае. – С. 195.

культуре¹, поэтому исторически сложилось так, что английский язык доминировал на данной территории. Однако первые переселенцы, не утвердившие свою власть полностью на данном континенте, нуждавшиеся в поддержке других мигрантов, проводили политику терпимости и к другим европейским языкам.

Отсутствие норм, регулирующих правовой статус официального английского языка в Конституции США, незыблемом символе американской нации и государственности, – не случайность, а продуманное стремление к становлению единой нации, максимально интегрирующей все этноязыковые меньшинства². Вместе с тем, по мнению ученых, языковая политика США меняется и превращается в концепцию, которую принято называть «плавильным котлом». В свое время Теодор Рузвельт сказал: «У нас есть место только для одного языка, и этим языком является английский, поскольку мы хотим, чтобы из плавильного котла появлялись американцы, люди американского происхождения, а не постояльцы пансионата для полиглотов»³. Довольно резкое заявление Президента США было обусловлено не столько личными симпатиями к английскому языку, сколько необходимостью практики реализации концепции использования языков, как во всей федерации, так и в отдельных штатах. Однако данная идея Рузвельта в контексте концепции «плавильного котла» не сразу нашла свою практическую реализацию.

Так, попытки немецких переселенцев в Пенсильвании придать родному языку равный статус с английским, а в Висконсине вести на нем преподавание в школах столкнулись с противодействием как федерального центра, так и штатов. В 1889 году в Висконсине был принят закон о едином английском языке

¹ Татаровская И.М. Проблема государственного языка в США // Государственная власть и местное самоуправление. – 2007. – № 5. – С. 36.

² Татаровская И.М. Указ. соч. – С. 36.

³ Зацепина О., Родригес Х. Указ. соч. – С. 304.

преподавания¹. Вместе с тем, в период становления государственности в США доминирование английского языка не было столь внушительным, поскольку колонизаторы, осваивающие новые территории, не спешили забывать свой родной язык. В этом смысле, по мнению В.Т. Клокова, показателем «феномен Луизианы», штата, так и не ставшего «американским Квебеком». Вплоть до середины XX века Луизиана, где в настоящее время проживает 1 млн. франкофонов, оставалась единственным по преимуществу франкоязычным штатом в составе США. Однако после второй мировой войны позиции французского языка как основного лидера были утрачены².

Согласно принятым законодательным актам для всех типов школ английский был объявлен единственным языком обучения в штатах Небраска, Алабама, Айова, Колорадо, Делавэр, Айдахо, Иллинойс, Канзас, Арканзас, Мичиган, Миннесота, Невада, Нью-Хемпшир, Оклахома, Орегон³. Однако история судебной практики Верховного суда США показала разграничительный характер использования языков в публично-правовой сфере. Так, в ходе исследования автором американской судебной практики выяснилось, что судебной властью было признано право штатов устанавливать английский язык в качестве обязательного языка обучения только для государственных образовательных учреждений, что касается негосударственных образовательных учреждений и частных школ, то в них было признано помимо использования государственно языка и право на употребление иных языков народов, проживающих в США, что несомненно явилось демократическим проявлением толерантности по отношению к языковой культуре.

¹ Татаровская И.М. Указ. соч. – С. 36.

² Клоков В.Т. Французский язык в Северной Америке. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2005. – С. 83.

³ Илишев И.Г. Указ. соч. – С. 133.

Впервые вопрос об английском как государственном языке США в контексте конституционно-правового закрепления был поставлен сенатором С.И. Хайякова в сенате в 1981 году¹. Поскольку С.И. Хайякова был сенатором американского парламента, он поставил данный вопрос на уровень конституционно-правового закрепления, в своей речи 1985 г. он четко сформулировал, что «официальным может быть лишь один язык, чтобы мы могли стать едины как нация». Его опасения разобщения нации проявились и в утверждении, что «именно с общим языком мы уничтожим сомнения и опасения общества «из массы национальностей, цветов и рас в толпе мигрантов, создающих нашу нацию»².

Исходя из вышеизложенной информации, представляется возможным сделать вывод, что в США эффективно действовала модель «плавильного котла», в том случае, когда люди независимо от генетического происхождения принимали ценности той страны, где они рождались или проживали. Вместе с тем, вплоть до 1960-х годов федеральные законы запрещали двуязычие в системе образования и здравоохранения, а также в государственных учреждениях, судах, на избирательных участках, куда ранее в случае необходимости приглашались переводчики³.

В 1960–1970 гг. Конгресс США принял Закон о двуязычном обучении (Bilingual Educational Act), допускающий использование в учебном процессе языков, которые ранее не употреблялись в государственных школах, при подготовке соответствующих учебников и материалов. Однако двуязычие по-

¹ Татаровская И.М. Указ. соч. – С. 38.

² Hayakawa S.I. The Case for Official English // Language Loyalties: A Source Book on the Official English Controversy / Ed. by J. Crawford. – Chicago: University of Chicago Press, 1992. – P. 96.

³ Геевский И., Сетунский Н. Американская мозаика. – М., 1991. – С. 109.

прежнему запрещено в 23 американских штатах¹. Фактически политика некоторых штатов до сих пор направлена на поддержание доминирующего положения английского языка. Кроме того, на федеральном уровне тема государственного или официального языка решается постепенно, чего нельзя сказать о регламентации этого вопроса в штатах. В связи с этим целесообразно проанализировать ряд правовых актов некоторых штатов США, которые регулируют статус английского языка.

Например, в Поправке 509 Конституции штата Алабама от 1901 года провозглашается, что английский язык является языком штата Алабама. В пункте «б» статьи III раздела 6 Конституции штата Калифорния говорится, что английский язык является официальным языком штата². Анализ автором конституционных норм штатов Аризона, Арканзас, Колорадо, Флорида, Джорджия, Иллинойс, Индиана, Кентукки, Миссисипи, Северная Каролина, Северная Дакота показал, что английский язык провозглашается официальным языком в этих штатах, при этом законодательство США регламентирует, что английский язык имеет статус юридического языка, однако не во всех штатах. Так, М. Гуревич отмечает, что в штате Теннесси английский помимо статуса официального имеет статус юридический³. Кроме того, в Конституции Гавайи гавайский язык должен использоваться для государственных актов и мероприятий только тогда, когда это предусмотрено законом⁴. В некоторых штатах помимо декларирования английского языка в качестве официального регламентировано и то, что этот язык является языком делопроизводства и обучения⁵.

¹ Блинова Н.В. Язык как инструмент внешней политики государства (на примере испанского языка) // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2007. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 251. – (Сер. 6).

² Гуревич М. Английский язык и законодательство штатов США // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. – С. 308.

³ Там же. – С. 314.

⁴ Там же. – С. 312.

⁵ Там же. – С. 314.

Таким образом, анализ литературы и правовых актов США показывает, что в области использования официального языка, а в отдельных случаях и языка штата, применяется принцип отраслевой регламентации использования языка в конкретной области. Вместе с этим, необходимо отметить, что на современном этапе развития США языковая политика в этом государстве меняется. Этот процесс, на наш взгляд, объективен, так как, если посмотреть на данные Бюро переписи США, из-за миграционных потоков этнический состав населения Америки очень быстро меняется.

Исследование, проведенное автором с использованием метода контент-анализа информационных источников, показывает, что в 2007 году количество испаноязычных американцев в 16 штатах превышало 500 тысяч. Традиционными лидерами в этом отношении являются штаты Калифорния (13,2 млн человек), Техас (8,6 млн) и Флорида (3,8 млн человек). В штате Нью-Мексико зафиксирована наибольшая доля испаноязычных – 44 %.

Что касается других источников, то проведенные Североамериканской Академией испанского языка исследования показали, что в США существуют четыре основные испаноговорящие территориальные зоны: 1) Северо-Восток, где преобладают мексиканцы, 2) Флорида, где в основном проживают кубинцы, 3) Восток, который представляют испаноговорящие пуэрто-риканского, доминиканского, кубинского происхождения, 4) Чикаго, где проживают мексиканские и пуэрто-риканские меньшинства¹.

По прогнозам, к 2050 году число испаноязычных в США возрастет до 102,5 млн человек, а их доля в американском населении почти удвоится по сравнению с 2000 годом и составит 24,4 %². Следовательно, национальный состав

¹ Блинова Н.В. Указ. соч. – С. 250.

² Официальный сайт Бюро переписи США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.census.gov/> (дата обращения: 06.06.2010).

населения США стремительно изменится, а национальные и языковые вопросы станут все более актуальными.

Лингвистическая политика испанского языка в первую очередь направлена на распространение культуры Испании и Латинской Америки. На сегодняшний момент более 500 изданий в США выходят на испанском языке, среди них – 120 газет и журналов общим тиражом в 7,5 млн. экземпляров ежедневно¹. Данные тенденции дают основание полагать, что растущая доля испанского и нескольких других распространенных языков, например китайского языка, вероятнее всего будет способствовать изменению модели «плавильного котла» в сторону развития билингвизма. Такая ситуация, на наш взгляд, может способствовать в дальнейшем законодательному закреплению многоязычия в Соединенных Штатах Америки.

Проанализировав языковую ситуацию в США, на наш взгляд, нужно уделить внимание и их северному соседу, в недавнем прошлом колонии Великобритании, а на сегодняшний день суверенному государству – Канаде. Надо сказать, что данную территорию, населенную в свое время коренными индейцами, также освоили и заселили выходцы из стран Старого света. Но в отличие от США в Канаде исторически сложилось так, что языковая политика строилась на споре двух доминирующих языковых групп – англофонов и франкофонов.

В контексте существующих споров между сторонниками англофонов и франкофонов лежат, прежде всего, языковые основания и связанное с ними движение под названием франкофония. Вообще, как мы говорили в предыдущих параграфах, этот феномен связан главным образом с языком, и в мировом сообществе есть помимо организаций, базирующихся на французском языке, и организации, основой которых являются другие национальные языки. При этом, по мнению Колина Вильямса, транснациональные языки были значительными

¹ Блинова Н.В. Указ. соч. – С. 251.

элементами имперской власти в персидской, греческой и римской империях и существенно повлияли на распространение капитализма и современного мироустройства. Так, английский и французский языки имеют решающее значение для развития бывших заморских владений, связав бывшие колонии и метрополии друг с другом через Содружество франкоязычных стран¹. Транснациональные языки представлены чаще всего политико-географическими или политико-культурологическими объединениями государств или неправительственными организациями (например, МАПРЯЛ – международная ассоциация преподавателей русского языка). В подобных объединениях ведущую роль играют страны – первоносительницы языка (Франция во франкофонии, Испания в испанофонии, Португалия в лузофонии)². Политика этих государств строится на доминировании их языка в мировом сообществе. Ярким примером объединения на фоне общности языка является сообщество франкофонов, что наглядно выражено в Канаде. Канада в лице ее провинции Квебек, в первую очередь, и провинций Новый Брунсуик и Онтарио является главным форпостом франкофонии в Северной Америке, поэтому для понимания внутренней языковой политики Канады более подробно разберемся с этим понятием, поскольку франкоговорящие канадцы являются катализатором и основными потребителями двуязычного законодательства. Как описывал англиканский епископ Инглис, последним завоеванием Британской империи была «французская колония» с английским гарнизоном, и в 1764 году провинция Квебек составила 300 англоговорящих и 65000 франкоговорящих³. Что касается, самого понятия «франкофония», то оно в лингвистическом аспекте объединяет всех, кто пользуется французским языком, в политическом и организационном аспектах

¹ Colin H. Williams. Op. cit. – P. 44.

² Блинова Н.В Указ. соч. – С. 245.

³ Warren Jean-Philippe. The History of Quebec in the Perspective of the French Language // Larrivee P. Op. cit. – P. 63.

оно способствует сближению и сотрудничеству государств, в которых используется французский язык, а также является синонимом организации стран или территорий, где французский язык исторически занимает сильные позиции или имеет особый юридический статус¹. Исследование автором зарубежной литературы показало, что если слово «Франкофония» написано с заглавной буквы, то оно обычно означает аббревиатуру Международной организации франкофонии (МОФ), которая имеет политический статус и объединяет в себе 56 государств-членов и 14 государств-наблюдателей, при этом следует отметить, что в отличие от России Украина обладает статусом государства-наблюдателя.

История взаимоотношений двух основных языковых групп не всегда двигалась по прямой, вектор отношений менялся в различные стороны. Первая атака на французский язык датируется 7 октября 1763 года, когда в соответствии с Королевской прокламацией губернатор Дж. Мюррей решил ввести в колонии английское право (Common Law)². Борьба за моноязычие достигло апогея в 1840 году, когда колония Нижняя Канада (теперь Квебек) была соединена в одну административно-территориальную единицу с Верхней Канадой (ныне провинция Онтарио) в попытке создать англоговорящее большинство. Было установлено правило, что английский язык был единственным языком законодательного собрания³. Однако такое положение просуществовало недолго, так как представители франкоговорящего населения не могли реализовывать свои права, и двуязычие вернулось в 1848 году⁴. Таким образом, законодатель счел необходимым придерживаться концепции двуязычия на основе английского и

¹ Марусенко М.А. Франкофония Северной Америки. – Т. 1. – СПб.: Изд. С.-Петербург. ун-та, 2007. – С.6–8.

² Там же.

³ MacMillan C. Michael. Federal Language Policy in Canada and the Quebec Challenge // Larrivee P. Op. cit. – P. 88.

⁴ Ibid. – P. 88.

французского языков, как стандартной модели регулирования общественных отношений.

Исследование канадской конституционной модели показывает, что английский язык, конечно, доминирует, однако дополняющее основной закон Канады законодательство направлено на сохранение мультикультурализма, то есть поддержку многоязычия. Автором установлено, что в Канаде при проведении переписи населения используется термин «домашний язык». В частности, по данным Комиссара по официальным языкам Канады на 2006 год, 66,7 % жителей Канады домашним языком признали английский язык, а 21,4 % – французский, чуть более 6,6 миллиона канадцев говорило дома на французском языке, из них 91,2 % проживало в Квебеке¹.

Таким образом, несмотря на меньший количественный показатель франкоязычного населения Канады, на современном этапе конституционное законодательство направлено на развитие паритетного статуса двух основных языковых групп. В этом, как представляется, заключаются особенности конституционно-правового регулирования статуса языков в Канаде, что в свою очередь подтверждается канадскими исследованиями, в соответствии с которыми современный языковой баланс в виде двуязычия базируется на Законе об официальных языках, принятом Парламентом Канады в 1969 году и обновленном в 1988 году. Данный документ «декларирует, что английский и французский языки являются официальными языками Канады и обладают равным статусом и равными правами и привилегиями по их использованию во всех институтах парламента и правительства Канады»². Необходимо отметить, что языковой баланс регулируется правительством, которое, к примеру, квотирует рабочие места на государственной службе Канады для соблюдения баланса интересов

¹ Graham Fraser. Sorry, I Don't Speak French: Confronting the Canadian Crisis That Won't Go Away. – 2006. – P. 7.

² MacMhlan C. Michael. Op. cit. – P. 92–93.

основных языковых групп. Равно как и в нашей стране в советский период, данная модель правового регулирования имела место быть, когда определенные посты в регионах занимали представители автохтонных народов данных местностей, что, на наш взгляд, было хорошей практикой для урегулирования возникающих межнациональных противоречий.

Следует отметить высокую значимость Конституции Канады, которая создает базис для одинаковой и равной силы обоих языков, но во французском варианте словосочетание «французский язык» стоит впереди «английского языка» и наоборот. Данный факт доказывает, насколько языковые отношения чувствительны, и конституционно-правовое регулирование является гарантирующим оплотом распределения баланса политических и социальных сил.

Интерес к конституционно-правовой модели регулирования языковых отношений в Канаде заключается в том, что конституционные ценности позволяют преломлять такие социальные факторы, как «квебекский национализм» и другие проявления в системе координат «свой–чужой»¹.

Анализируя вышесказанное, следует отметить, что языковой вопрос для больших и полиэтнических государств имеет как свои особенности, так и ряд общих закономерностей. Но в любом случае нужно понимать, что национально-языковые отношения являются одним из самых важных вопросов безопасности как национальных государств, так и всего мира, на которые должны обращать внимание правительства всех стран. Поэтому нельзя не согласиться со следующим мнением: «Очевидно, языковое планирование в многоязычном обществе – инструмент, которым можно манипулировать, как и любой другой аспект государственной политики, и это существенная черта экономической и политической перестройкой многих государств»².

¹ Мирзоян С.В. Указ. соч. – С. 52.

² Colin H. Williams. Op. cit. – P. 15.

Из практики государственно-правового регулирования отношений в сфере языков проанализированных стран Российская Федерация может перенять полезный опыт. Прежде всего, это касается Канады, которая, на наш взгляд, достигла наибольших успехов в регулировании языковых отношений. Положительным опытом Канады, а также Индии является то, что у них существуют специальные органы или должностные лица, которые регулируют национально-языковые отношения.

На наш взгляд, в настоящее время для Российской Федерации также актуален вопрос о функционировании такого государственного органа, который полностью занимался бы делами национальностей, их культурой, языком, традиционным бытом и так далее. Так как для самой большой страны в мире по территории, где по последней переписи населения проживает около 160 национальностей, иметь только Департамент межнациональных отношений с четырьмя отделами в Министерстве регионального развития – это не совсем эффективно. По данной тематике в бытность Президентом Российской Федерации Д.А. Медведев сказал следующее: «У нас национальная политика – в ведении Минрегиона, возможно, необходим Координационный совет или комиссия, которая будет заниматься сферой межнациональных отношений»¹.

Об этом вопросе также говорится в рекомендациях парламентских слушаний, состоявшихся 19 февраля 2009 года в Государственной Думе Российской Федерации². В данном документе участники рекомендуют Правительству Российской Федерации одним из пунктов рассмотрения вопроса учреждение

¹ Стенографический отчёт о заседании президиума Государственного совета, проходившего 11 февраля 2011 года в Уфе: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://kremlin.ru/news/10312> (дата обращения: 20.12.2011).

² Рекомендации парламентских слушаний на тему «Федеральный государственный образовательный стандарт – стратегический ресурс устойчивого развития многонационального общества: законодательная инициатива субъектов Российской Федерации» от 19 февраля 2009 года. См. архив Государственной Думы. Документ 3.18-20/76 от 31 марта 2009 года.

Министерства по делам национальностей Российской Федерации. Также предлагается изучить вопрос создания Института языков народов России, что, на наш взгляд, было бы хорошим продолжением в деле сохранения, развития, использования и защиты языков народов Российской Федерации.

Исходя из изложенного в параграфе, представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1. *Анализ зарубежных нормативных источников показал, что при разнообразии народов и этнических групп, населяющих государство, модель единого языка и ущемления языкового многообразия является нецивилизованным подходом к регулированию языковых отношений, в свою очередь стремление государств к защите многообразия языковых меньшинств является наиболее успешной законодательной моделью определения статуса языков меньшинств.*

2. *Анализ зарубежной литературы позволил выявить, что в современном мире язык, наряду с религией, является средством политики развитых зарубежных государств, которые вступают в различные международные организации, объединенные одним языком, такие как движения франкофония, лузофония, страны финно-угорской семьи, для проведения своей политики.*

3. *Исследование опыта зарубежных стран в регулировании языковых отношений показало целесообразность учреждения в России специализированного государственного органа или должностного лица, в компетенцию которого входило бы непосредственное регулирование национально-языковых отношений.*

§ 2. Имплементация норм Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств в законодательство Российской Федерации

По окончании второй мировой войны проблема исчезновения, охраны и изучения малых языков оказалась очень тесно связана с вопросами равенства и недискриминации национальных меньшинств. Это отразилось и в основных правовых актах международных организаций. Так, в международных документах послевоенных и последующих лет вопросы потери национальных языков как культурного наследия человечества в тексте не прописывались. Все языковые проблематики в правовых нормах рассматривались и фиксировались сквозь призму языкового равноправия и языковой недискриминации человека.

В пункте «с» статьи 55 Устава ООН было зафиксировано, что государства – члены данной организации способствуют всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии¹. Мировое сообщество в лице ООН принялось разрабатывать беспрецедентный документ, который бы явился главным источником права в правозащитной области и основой защиты прав человека. Итогом этой работы стало принятие Всемирной Декларации прав человека, в которой также были прописаны языковые вопросы, однако только с позиции недискриминации. В статье 2 этого документа говорится, что каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного,

¹ Устав ООН от 26 июня 1945 года // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XII. – М., 1956. – С. 14–47.

сословного или иного положения¹. В указанных международно-правовых актах нормы о правовом статусе языков закреплены с позиции недискриминации человека по языковому критерию, такая же позиция содержится и в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах², где в статье 2 провозглашается, что государства, подписавшие этот документ, обязуются гарантировать соблюдение прав, перечисленных в настоящем пакте, без дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, места рождения или любому другому признаку.

Необходимо отметить, что кроме пакта об экономических, социальных и культурных правах 16 декабря 1966 года Генеральная Ассамблея в резолюции 2200 А (XXI) приняла Международный пакт о гражданских и политических правах³, где языковые права прописаны более подробно. Анализ данного международного акта показал, что если до настоящего времени в международных нормах проблему языка затрагивали в контексте равноправия и недискриминации по языковому признаку в рамках одной статьи, то в последующем проявилась тенденция к расширению объема правового закрепления языковой сферы, что и наблюдается в Международном пакте о гражданских и политических правах, в частности, в статьях 2 и 4, которые посвящены вопросу равенства людей без всяких оснований для ущемления, в том числе по признаку языка, даже в условиях чрезвычайных ситуаций. В статье 14 отражены языковые права человека в рамках уголовного обвинения и судопроизводства. Так, в

¹ Всемирная Декларация прав человека от 10 декабря 1948 года // Российская газета. – 1995. – 5 апреля. – № 67.

² Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 года (вступил в силу 3 января 1976 года) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1994. – № 12. – С. 26.

³ Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (вступил в силу 23 марта 1976 года) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1994. – № 12. – С. 26–27.

пункте «а» части 3 этой статьи говорится, что каждый имеет право быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который он понимает, о характере и основании предъявляемого ему уголовного обвинения, а в пункте «f» части 3 той же статьи прописано, что каждый имеет право на пользование бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке.

В этом международном пакте отражены также права ребенка с точки зрения языковой недискриминации. Эти нормы закреплены в статье 24, где говорится, что каждый ребенок без всякой дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, национального или социального происхождения, имущественного положения или рождения имеет право на такие меры защиты, которые требуются в его положении как малолетнего со стороны его семьи, общества и государства.

Также необходимо отметить, что в этом документе закреплены такие понятия, как «языковые меньшинства», «родной язык», которые ранее не встречались. В статье 27 прописано, что в тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком.

Таким образом, анализ данных норм свидетельствует о необходимости создания условий для эффективной реализации норм о недискриминации по языковому признаку, при этом исследование показывает, что в процессе эволюции международных отношений перед мировым сообществом возникли вопросы о принятии дополнительных мер, обеспечивающих более эффективную защиту от дискриминации, в том числе и языковой, что в свою очередь обусловило основания для подготовки Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств.

Данный международный документ был разработан Советом Европы, который полностью независим от Европейского союза (ЕС). Совет Европы был создан в 1949 году после второй мировой войны, и 47 государств, которые являются членами данной организации, подали заявки на членство в Европейском Союзе¹. То есть необходимо отметить, что на тот момент существовали несколько международных организаций, в которых имелось разное количество стран-членов, при этом данные организации структурно были независимы друг от друга, что позволяло объективно подойти к оценке правовой модели регулирования общественных отношений в языковой сфере.

Подготовительной основой для принятия этого документа явилась деятельность Европейского парламента, который принял две резолюции, так называемую Арфскую (Arfe) и Куиджперскую (Kuijpers) резолюции. В Арфской резолюции, принятой в октябре 1981 года, содержался призыв к общенациональным и региональным органам государственной власти оказывать содействие использованию меньшинствами родных языков в трех основных сферах: образовании, массовой коммуникации и общественной жизни². Отсюда следует, что данный документ изначально планировался как регулятор не политических отношений, связанных с языком, а именно культурных. При этом если Арфская резолюция была выдержана в форме высказывания пожеланий, выработки рекомендаций, то вторая (Куиджеперская) резолюция, принятая в октябре 1987 года, уже призывала государства к более активным действиям по продвижению миноритарных языков в сфере образования, местного самоуправления и средств массовой информации³.

Интересной особенностью обоих документов является то, что они обходили острые вопросы признания права национальных, этнических меньшинств на

¹ Craith M. Nic. Op. cit. – P. 56.

² Colin H. Williams. Op. cit. – P. 42–43.

³ Илишев И.Г. Указ. соч. – С. 120.

самоопределение, независимость и так далее. Вместо этого они сосредоточились на вопросах языка и культуры. Это смягчило опасения некоторых правительств, которые отрицательно реагировали на все, что создавало угрозу национальному единству или территориальной целостности государств. Хартия и последующие резолюции, принятые Европейским парламентом, продолжали эту правовую традицию¹. Фактически разработчики предприняли попытку максимального охвата языков юрисдикцией Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств, в силу этого предлагались наименьшие политические мотивы в реализации указанных норм в угоду юридической фиксации.

При подготовке данного документа привлекалось множество экспертов из различных организаций, таких как Парламентская Ассамблея Совета Европы, и члены Европейского парламента, компетентные в данном вопросе. В итоге в своей резолюции № 192 1988 года Постоянная конференция местных и региональных властей Европы представила текст хартии, который должен был обрести статус конвенции. В продолжение этой инициативы, которая была поддержана Парламентской Ассамблеей в ее заключении № 142 1988 года, Комитет министров учредил специальный комитет экспертов по региональным языкам или языкам меньшинств (CANLR), которому было поручено составить хартию, приняв за основу текст, представленный Постоянной конференцией². Комитет усердно работал в течение трех лет (1989–1992) под председательством Sigve Gramstaed (Норвегия)³. Данная организация проделала объемную и кропотливую работу, итогом которой стало подписание 5 ноября 1992 года в Страсбурге Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств. По материалам Ф. Грина, «из тогдашних 28 государств – членов Совета Европы ни один не проголосовал

¹ Grin F. Op. cit. – P. 56.

² Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств и пояснительный доклад. – С. 4.

³ Grin F. Op. cit. – P. 58.

против Хартии. Только пять воздержались – Кипр, Франция, Греция, Турция и Соединенное Королевство»¹. По другим данным, «это решение было принято не единогласно. Кипр, Франция, Турция и Великобритания воздержались от голосования, в то время как Греция проголосовала против него»². После продолжительного периода свыше восьми лет первый международно-правовой инструмент по защите малоиспользуемых языков стал реальностью³.

Что касается структуры данного документа, то хартия состоит из преамбулы и пяти частей. В первой части закреплены общие положения, во второй части закреплены главные цели и принципы, которые государства обязуются применять по отношению ко всем региональным языкам или языкам меньшинств, существующих в пределах их национальной территории. В третьей части содержится ряд определенных мер в различных сферах, направленных на то, чтобы способствовать и поощрять использование определенных региональных или языков меньшинств в общественной жизни. В четвертой части речь идет о применении Хартии, то есть здесь прописана процедура отчетности государств перед специально созданным органом – Комитетом экспертов. Пятая часть является заключительной, где прописаны условия вступления в законную силу, условия расторжения, хранения документа и так далее. Хартия предназначена гарантировать, насколько это возможно, использование региональных языков или языков меньшинств в образовании и в СМИ, поощряет их использование в юридических и административных контекстах, в экономической и общественной жизни, для культурной деятельности и «трансграничных» обменов⁴. Отсюда

¹ Ibid.

² Craith M. Nic. Op. cit. – P. 56.

³ Grin F. Op. cit. – P. 58.

⁴ Bowring B. The languages charter: what it is, and its relevance for the Russian Federation // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России: Материалы Международной научной конференции 22–24 сентября 2005 года, Абакан / Отв. ред. Т.Г. Боргоякова. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2005. – С. 14.

следует, что документ подразумевает взаимодействия национальных государств по данным правоотношениям за пределами своих национальных границ, что в настоящее время актуально, особенно для территорий стран Европейского союза, которые, по сути, во взаимоотношениях между собой уже открыли свои территориальные границы.

В части III, которая состоит из статей 8–14, устанавливаются подробные правила в некоторых областях, которых государства, ратифицировавшие данный документ, должны придерживаться. Во-первых, государства должны определить языки, к которым они согласны применять этот международно-правовой акт, а конкретнее, эту часть. Во-вторых, они должны выбрать, по крайней мере, 35 обязательств относительно каждого языка. То есть 35 обязательств – это минимальные требования к государствам, которые они должны соблюдать по отношению к выбранным ими языкам. Большое количество положений состоит из нескольких вариантов различной степени строгости, один из которых должен быть избран «в соответствии с состоянием каждого языка». При этом надо сказать, что по мере развития государства хартия предусматривает возможность принятия еще дополнительных обязательств по отношению к языкам. Об этом говорится в части 2 статьи 3 документа: Любая сторона может в любое время впоследствии уведомить Генерального секретаря о том, что она соглашается с обязательствами, вытекающими из положений любого другого пункта Хартии, который не был указан в ее документе о ратификации, принятии или одобрении, либо о том, что пункт 1 настоящей статьи будет ею применяться к другим региональным языкам или языкам меньшинств либо к другим официальным языкам, которые менее широко используются на всей или части его территории¹.

Часть III регулирует следующие сферы общественной жизни: образование, судебные власти, административные органы и государственную службу, СМИ,

¹ Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств и пояснительный доклад. – С. 33.

культурную деятельность и услуги, экономическую и общественную жизнь, «трансграничные» обмены.

В части IV закреплены контрольные функции, то есть как государства, взявшие на себя обязательства по данному международно-правовому акту, исполняют его в целях создания рекомендаций для усовершенствования законодательства государств, политики и процессуального права. Для этих целей определена независимая экспертная комиссия в соответствии со статьей 17 Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств. От каждой государственной стороны представлен один эксперт, и он назначается Советом министров из списка людей «наивысшей честности» и общепризнанной компетентности в делах, имеющих отношение к Хартии, которые должны быть делегированы заинтересованной Стороной. Представители назначаются сроком на шесть лет и имеют право на переназначение¹.

В интересах контроля за выполнением Хартии, проводимого Советом Европы, государствами-членами и широкой общественностью, в Хартии предусмотрена система представления сторонами периодических отчетов о мерах по осуществлению Хартии. В Хартии предусматривается, что такие отчеты представляются раз в три года; при этом первый отчет, где дается характеристика положения региональных языков или языков меньшинств на момент вступления Хартии в силу для данного государства, должен быть представлен в годичный срок после этой даты². В данном отчете государства должны предоставить объяснения по поводу своей политики и своих действий, которые они приняли для исполнения обязательств. Доклады должны быть составлены в соответствии со схемами, принятыми Советом министров, представляющими структуру государственных сообщений.

¹ Bowring B. Op. cit. – С. 14.

² Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств и пояснительный доклад. – С. 46.

Экспертная Комиссия собирается три раза каждый год в Страсбурге в течение трех дней в апреле, июне и ноябре. Во время каждого контрольного периода Комиссия выполняет следующие действия: а) изучает (исследует) периодический доклад государства; б) где (когда) необходимо, задает несколько вопросов сторонам по любым неясным пунктам (областям) доклада; в) организует визит государств «на место», встречу властей, неправительственных организаций или любого другого компетентного органа, чтобы оценить применение Хартии; г) исследует дальнейшую информацию, представленную ассоциациями и другими организациями, юридически установленными (учрежденными) в заинтересованном государстве и с заинтересованностью в данной области; д) готовит собственный доклад об оценке на основе полученной информации и представляет его Совету министров, включая предложения о рекомендациях, необходимых заинтересованному государству для выполнения¹. Согласно Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств функционирует надгосударственный орган, который контролирует исполнение норм международного документа, что, на наш взгляд, подчеркивает важность и значимость данного документа на международной арене, а также функциональность самой Хартии.

В части V заключительного положения регламентируются нормы, предусматривающие, что: 1) любое государство вправе при подписании или во время сдачи на хранение ратификационной грамоты или документа о принятии, утверждении или присоединении сделать одну или более оговорок к пунктам 2–5 статьи 7 настоящей Хартии. Иные оговорки не допускаются; 2) любое договаривающееся государство, которое сделало оговорку согласно предыдущему пункту, может полностью или частично отозвать ее путем уведомления, направляемого Генеральному Секретарю Совета Европы. Отзыв оговорок

¹ Bowring B. Op. cit. – С. 15.

вступает в силу в день получения Генеральным секретарем такого уведомления»¹. Также в статье 22 регламентированы условия расторжения данного международного акта, согласно которым: 1) каждая сторона может в любое время денонсировать настоящую Хартию путем направления уведомления Генеральному секретарю Совета Европы; 2) такая денонсация вступает в силу в первый день месяца, следующего после истечения шестимесячного срока со дня получения уведомления Генеральным секретарем»². Исходя из изложенного, следует отметить, что расторжение государством взятых на себя обязательств носит уведомительный характер, т. е. данная процедура не является сложной по смыслу механизма расторжения договора.

Каждые два года Генеральный секретарь Совета Европы обязан представить ПАСЕ подробный доклад по применению Хартии. Это гарантирует, что члены всех 47 парламентов Совета Европы информируются об использовании Хартии, что позволяет им использовать политическое давление, если необходимо, способствовать принятию соответствующих мер национальными правительствами³. Необходимо отметить, что данная процедура подготовки доклада является частью мониторинга Советом Европы правового статуса языков национальных меньшинств на конкретно взятой территории.

В настоящее время Хартия ратифицирована 25 государствами – членами Совета Европы, подписана 9 государствами-членами, а не подписана 14 государствами⁴. Что касается России, то Генеральный секретарь Совета Европы отметил позитивные моменты в отношениях Совета Европы и Российской Федерации в части создания Совместной программы «Меньшинства в России:

¹ Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств и пояснительный доклад. – С. 48.

² Там же. – С. 46.

³ Bowring V. Op. cit. – С. 15.

⁴ Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств: результаты ратификации в Европе и перспективы / Автор. сост. Дж. Н. Мустафина, Г.Ф. Калганова. – Казань.: Татар. кн. Изд-во, 2012. – 318 с.

развивающиеся языки, культура, СМИ и гражданское общество» в сотрудничестве с Министерством регионального развития Российской Федерации. Цель данной программы состоит в защите этнических и национальных меньшинств России и усовершенствовании правовых стандартов для меньшинств в свете требований Совета Европы¹. Вместе с тем, правовые проблемы по реализации Хартии в России, по мнению Совета Европы, заключаются в том, что в России необходимо создать условия для применения положений Хартии, которые коррелировали бы с уже имеющимися средствами защиты языков народов России, гарантированными национальным правом соответствующего государства.

Однако сама Хартия предусматривает, что ее положения не ущемляют более благоприятный правовой режим, существующий до ратификации. Эта проблема обуславливает необходимость предоставить Советом Европы помощь государствам, готовящимся к ратификации Хартии. Разработка документа ратификации предполагает участие представителей национальных меньшинств или языковых групп в целях достижения полного понимания фактической ситуации каждого языка и долгосрочных потребностей и пожеланий этих групп относительно развития их языков, чем обеспечивается принцип национального паритета. Другая проблема состоит в том, что только ограниченное число рекомендаций Экспертной Комиссии и Комитета министров претворяется в жизнь сторонами-государствами. Как отмечается во многих странах, публикация оценочного доклада часто не приводит автоматически к политическому диалогу между представителями национальных меньшинств или языковых групп и властями о выполнении его рекомендаций. Однако для того чтобы гарантировать эффективность Хартии, решающее значение имеет то, чтобы власти, по крайней

¹ Официальный сайт Совета Европы: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://assembly.coe.int/Documents/WorkingDocs/Doc10/EDOC12300.pdf> (дата обращения: 06.06.2010).

мере, начинали выполнение рекомендаций, прежде чем они представят свой следующий периодический доклад Совету Европы. Как перед ратификацией Секретариат может действовать в качестве посредника через организацию собраний за круглым столом после публикации оценочного доклада»¹.

Вместе с этим, эксперты Совета Европы в области языкового регулирования должны учитывать особенности российских национально-языковых критериев регулирования, особенно это касается территорий постсоветского пространства. Эти критерии восходят еще к периоду царской и советской России, когда на обширной территории проводилось административно-территориальное деление регионов, национальные автономии дифференцировались в условиях централизованной государственной политики. В итоге после распада СССР национальные меньшинства, такие как, например, лезгины, осетины, живут в различных странах, поэтому решение национально-языковых вопросов на таких смежных территориях должно проходить сообща и только в контексте конструктивного диалога между соседствующими государствами.

Что касается процесса имплементации Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств, то опыт Испании и Финляндии, на наш взгляд, может быть полезен для Российской Федерации, поскольку в этих странах действие данного международного документа распространяется на языки, которые уже имеют в национальном законодательстве определенные правовые статусы, и эта ситуация схожа с законодательством Российской Федерации, где в основном законе страны говорится о государственных языках субъектов Российской Федерации. В статье 3 Конституции Испании провозглашается, что официальным языком в Испании является кастильский (испанский), а другим национальным языкам предоставлено право быть официальными наряду с испанским языком в пределах своих автономных сообществ и в соответствии с их

¹ Официальный сайт Совета Европы.

уставами. Такими языками являются «Euskera» в стране Басков и Наварре, «Gallego» в Галисии, «Catalan» в Каталонии и на Балеарских островах и «Valeniano» (местный вариант «Catalan») в Валенсийском сообществе. Испания в своей ратификационной грамоте, внесённой 9 апреля 2001 года, продекларировала: «Испания объявляет, что на ее территории считаются региональными или языками меньшинств языки, признанные как официальные языки в Уставах автономных сообществ страны Басков, Каталонии, Балеарских островов, Галисии, Валенсии и Наварры»¹, поскольку данные региональные языки или языки меньшинств в испанском законодательстве имеют режим правового благоприятствования. Этот факт, в свою очередь, не мешает, а наоборот помогает испанским законодателям вдобавок к национальному правовому статусу этих языков предоставить им правовой статус из Хартии региональных языков или языков меньшинств.

Опыт Испании уникален и тем, что распределение власти между центром и ее регионами достаточно децентрализовано, хотя по форме территориального устройства она является унитарной, что отражено в статье 148 основного закона государства, которая позволяет автономным сообществам активно участвовать в международных сношениях. В отдельных статутах, например в статуте регионов Арагона, Каталонии, Валенсии, отражено право на взаимодействие с другими территориями Евросоюза для решения каких-либо актуальных экономических, социальных и иных вопросов. Помимо этого, автономии могут взаимодействовать и с иными странами – в соответствии с их статусами для поддержки своих интересов, регионы в пределах своей компетенции вправе подписать международные договоры о взаимодействии, а также иметь представительства за рубежом². Учитывая, что Испания является по территориальному устройству

¹ Официальный сайт Совета Европы.

² Орехович А.В. Регионализм в Испании: тенденции изменения правовой природы государства // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 13. – С. 38–39.

унитарным государством, необходимо отметить достаточно широкие полномочия регионов данного государства, включая полномочия в области регулирования права на языки.

Не менее полезным является опыт по ратификации Европейской Хартии региональных языков и языков меньшинств Финляндией, поскольку данный опыт исходит из билингвистской модели регулирования языковых отношений. Согласно статье 17 Конституции Финляндии национальными языками Финляндии провозглашаются финский и шведский. Право каждого пользоваться по своим делам в суде и в других государственных органах собственным языком – финским или шведским, а равно получать перевод на этот язык регулируется законом. Власть должна удовлетворять культурные и общественные потребности финско- и шведскоговорящего населения на основе одинаковых принципов»¹. Кроме того, законодательство Финляндии защищает интересы национальных меньшинств и людей, пользующихся языком жестов. Также законодательно гарантированы права традиционных жителей страны, таких как саами и др., которые вправе сохранять и развивать свои собственные языки и культуру. Право саами пользоваться своим языком в государственных органах регулируется специальным законодательством². Опыт Финляндии полезен и тем, что при населении чуть более 5 млн человек, из которых порядка 93–95 % – финны, всего около 296 тысяч человек (около 6 % жителей) являются шведскоязычными,³ и при значительном меньшинстве шведского населения их национальный язык является государственным, что в свою очередь не мешает уважительному и толерантному сосуществованию этих народов. Вместе с тем, на шведский язык, хоть он и является национальным (государственным) языком Финляндии, законодатель

¹ Конституция Финляндии от 11 июня 1999 года / В.В. Маклаков, Конституционное право зарубежных стран. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – С.56.

² Конституция Финляндии.

³ Дьячков М.В. Миноритарные языки в европейском образовании. – М.: МГПУ, 2006. – С. 28.

распространил некоторые нормы Хартии региональных языков. В частности, закрепляется: «Финляндия объявляет, согласно статье 2, параграфу 2, и статье 3, параграфу 1, что шведский язык является менее широко используемым официальным языком в Финляндии»¹. Аналогичная позиция законодателя предусмотрена в отношении языков саам, цыган и карел, причем только национальный язык саам признается региональным языком, или национальным языком меньшинств, а в отношении языков цыган и карел распространяются несколько принципов Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств, так как они являются нетерриториальными. Необходимо отметить, что пункты Хартии, которые используются в отношении шведского языка и саамского, разнятся, сравнение можно провести по параграфу 1 статьи 9, которая посвящена судебной власти, для саамского языка: абзацы (ii), (iii), (iv), b (ii), b (iii), c (ii), c (iii), d², для шведского языка: абзацы (i), (ii), (iii), (iv), b (i), b (ii), b (iii), c (i), c (ii), c (iii), d.

Попутно отметим, что в нашей стране также проживают саами. Численность говорящих на саамском языке приблизительно равна 30–50 тыс. человек, более половины из них живет в Норвегии, около трети – в Швеции, несколько тысяч в Финляндии и еще меньше в России. Хотя саами и были разделены, начиная с XVIII века, государственными границами, они продолжают считать себя единым народом и прилагают огромные усилия для укрепления межгосударственных институтов и связей народа саами. Когда в 1956 году саами Финляндии, Норвегии и Швеции образовали постоянную межгосударственную организацию – Совет саами северных стран, саами, проживающие в Советском Союзе, «были успешно изолированы от любых контактов со своими сородичами в северных странах во

¹ The Swedish language in education in Finland // Regional dossier Anna Lena Østern in 1996–1997. Data reflect the situation in 1996–1997. – P. 7.

²The Swedish language in education in Finland. – P. 11.

время холодной войны» и не вошли в организацию. Однако после распада Советского Союза саами России вступили в Совет¹.

Исходя из вышеизложенной информации, можно сделать вывод, что в Финляндии в отличие от Испании при использовании Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств применяется дифференцированный принцип, то есть национальные языки саамский, шведский и другие имеют различное отражение в параграфах и статьях. На наш взгляд, по этому пути может пойти и Российская Федерация в будущем при ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств, поскольку у нас много коренных языков автохтонных народов, и их правовой статус во внутреннем законодательстве на сегодняшний день различен, что, в свою очередь, отражается в их функциональных и литературных возможностях. Также возможной особенностью ратификации Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств является то, что каждый субъект Российской Федерации будет самостоятельно определять собственные варианты реализации статьи 2 Хартии. С учетом этого особо важно детально определить, каковы будут в итоге реальные позитивные последствия и потенциальные риски, связанные с ратификацией Хартии, для России в целом, а также для положения отдельных языков в субъектах Российской Федерации. Так как из опыта зарубежных стран видно, что в центре внимания Хартии окажутся, скорее всего, не только языки автохтонных народов субъектов Российской Федерации, но и, возможно, иные языки народов, проживающих в России компактно.

Для разрешения возникающих вопросов о последствиях ратификации Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств Российской Федерацией необходимо определиться с инструкциями к Хартии применительно к условиям Российской Федерации. В этом документе должны быть рассмотрены

¹ Боргоякова Т.Г. Указ. соч. – С. 40.

все основные категории последствий имплементации – возможные правовые коллизии; общественно-политические последствия; проблемы в сфере прав человека и гражданских прав на использование языка; следует внести разъяснения по поводу затрат на имплементацию и периодичности отчетов. На начальном этапе имплементация положений Хартии региональных языков должна выражаться в проработке законодательных и нормативных механизмов реализации языковых прав и свобод, уже предусмотренных Конституцией Российской Федерации и законодательством, в этом контексте интеграция российского законодательства с европейскими нормами, предлагаемыми в Хартии, может обрести реальную перспективу. Вместе с этим, следует согласиться с мнением Л.Д. Воеводина, что нередко в предоставленных нашей Конституцией правах граждан видят лишь проявление их свободы, а в обязанностях – отражение только ответственности, дисциплины и даже принуждения¹.

Необходимо выделить перечень практических рекомендаций в контексте имплементации норм Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств в законодательство Российской Федерации, а именно:

– составить подробный список языков с социолингвистических позиций и с учетом окончательных итогов переписи 2010 года, в том числе наиболее уязвимых языков, находящихся под угрозой исчезновения;

– определить возможности разработки информационного сайта по языкам России;

– осуществить мониторинг опыта стран, ратифицировавших Европейскую Хартию региональных языков или языков меньшинств, а также доводов стран, не ратифицировавших Хартию или принципиально отказывающихся это сделать;

¹ Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. Учебное пособие. – М.: Издательство МГУ, Издательская группа ИНФРА-М–НОРМА, 1997. – С.42.

– рассчитать возможные последствия и практические результаты ратификации Хартии для развития толерантных межэтнических отношений в России;

– изучить и конкретизировать терминологию, закрепленную в Хартии региональных языков или языков меньшинств, применительно к условиям российской национальной правовой системы, факторам многообразия статусного положения отдельных языков.

При всей вероятности ратификации Россией анализируемой Хартии, у этой идеи есть и оппоненты, которые считают, что Хартия содержит много общих, обтекаемых формулировок типа: «насколько это возможно», «где это необходимо», «если количество [учеников] считается достаточным» и т. п.¹, которые, по их мнению, трудно будет применить в процессе их практической правореализации. Вместе с этим, автор разделяет точку зрения Ш.Ш. Ягудина, который отмечает, что ратификация Россией Хартии региональных языков или языков меньшинств позволила бы поднять всю языковую практику в Российской Федерации на уровень высоких европейских стандартов².

В заключение параграфа представляется возможным сделать следующие выводы и предложения:

1. *Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств от 5 ноября 1992 г. была подписана Российской Федерацией 10 мая 2001 г., но до настоящего момента не ратифицирована. Таким образом, Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств имеет статус не вступившего в силу международного договора в Российской Федерации, одновременно факт её подписания означает намерение России придерживаться международных*

¹ Илишев И.Г. Указ. соч. – С. 121–122.

² Ягудин Ш.Ш. Конституционно-правовые основы государственных языков в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 3. – С. 31.

стандартов в области сохранения, развития, использования и защиты языков народов Российской Федерации.

2. Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств – это первый международный документ для защиты языков всецело, который не имеет политических целей, а направлен на регулирование культурно-языковой сферы.

3. Анализ содержания Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств показал множество вариативных норм, способствующих охранительному механизму, позволяющему использовать из большого количества норм гарантирующие как максимальные, так и минимальные решения вопросов, касающихся защиты языков.

4. Для разрешения возникающих вопросов о последствиях ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств Российской Федерацией необходимо разработать программу, регламентирующую условия использования норм Хартии применительно к особенностям Российской Федерации с учетом исторических и иных местных традиций. В этом документе должны быть рассмотрены все основные категории правовых и социальных последствий имплементации, устранены возможные правовые коллизии, общественно-политические последствия, возможные проблемы в сфере прав человека и гражданских прав, следует внести разъяснения по поводу затрат на имплементацию и периодичности предоставления отчетов правоприменителями.

5. Исследование процесса имплементации Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств доказывает возможность использования Хартии в национально-правовой системе Российской Федерации при условии постепенного ее ратифицирования, обеспечивающего равные права и свободы использования языков народов Российской Федерации.

§ 3. Совершенствование норм федерального и регионального законодательства, регламентирующих правовой статус языков в субъектах Российской Федерации

Подписание Российской Федерацией 10 мая 2001 года Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств не только означало вхождение нашего государства в ВТО, но и обусловило необходимость совершенствования действующего законодательства Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, регламентирующего правовой статус языков народов Российской Федерации.

Анализ законодательства, регулирующего правовой статус языков народов Российской Федерации, показал, что в вопросах правового регулирования статуса языков, особенно национальных меньшинств, существует много проблем, а также противоречий. В частности, статья 2 ФЗ № 53 «О государственном языке Российской Федерации» закрепляет, что законодательство Российской Федерации о государственном языке РФ основывается на Конституции РФ, общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договорах Российской Федерации и состоит из вышеуказанного закона, а также Закона РФ «О языках народов Российской Федерации» и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих проблемы языка. Любопытно, что законодатель избрал такую формулировку нормы, когда разные по иерархичности и юридическому содержанию нормативно-правовые акты регулируют именно проблемы языка в России. Следовательно, законодатель сам соглашается с тем, что проблемы языка существуют, и разрешить их сугубо нормативно-правовым регулированием не представляется возможным, требуется учет многообразных социальных практик и традиций, которые всегда являлись фундаментами для формирования юридической статусности языков. Согласно статье 3 ФЗ-№ 53 государственный язык подлежит обязательному использованию во

взаимоотношениях федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности и граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, общественных объединений. Возникает вопрос, разве все взаимоотношения органов государственной власти с иными негосударственными органами и организациями строятся на обязательном использовании государственного языка? Ведь взаимоотношения могут быть как официальными, так и традиционными. Например, заключению соглашений о взаимном сотрудничестве предшествуют устные встречи должностных лиц, в результате которых вырабатываются условия взаимовыгодного сотрудничества¹. При этом официальные представители сторон могут использовать как государственный язык Российской Федерации, так и местный язык, т. е. государственный язык субъекта Российской Федерации. Получается, что обязательность использования государственного языка Российской Федерации не может быть применима при всех равных условиях взаимодействия субъектов правовых отношений. Исходя из изложенного, представляется возможным сделать выводы, что государственный язык Российской Федерации обязательно использовать только в тех случаях, когда происходит официально оформленное взаимодействие. В тех случаях, когда субъекты разных сторон общаются по поводу совершенствования предметов и условий соглашения о совместной деятельности, они необязательно используют государственный язык Российской Федерации. Тем более что в части 6 статьи 3 ФЗ № 53 ничего не сказано о должностных лицах, использующих государственный язык Российской Федерации, речь идет только о федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов

¹ Шайхуллин М.С. Традиции и правовые обычаи местного самоуправления в системе муниципально-правовых отношений: вопросы теории и практики: Монография. – М.: ЕврАзНИИПП, 2011. – С. 48.

федерации, органах местного самоуправления. Такая широкая формулировка позволяет нам толковать данную конструкцию с позиции отсутствия в ней конкретных субъектов права. Следовательно, один орган, вступая во взаимодействие с другим, назначает в единоличном либо коллегиальном порядке уполномоченного от органа государственной власти или местного самоуправления на выполнение конкретного рода действий, при этом субъект, получивший право на ведение переговоров, с одной стороны, обязан использовать государственный язык Российской Федерации, с другой – такая обязанность не может быть на него возложена в силу того, что одним из удобных условий в процессе взаимоотношений выступает использование родного, местного, национального, государственного языка субъекта Федерации. Более конкретные формы приобретает использование государственного языка Российской Федерации во взаимоотношениях с иностранными гражданами. Вместе с тем, по мнению Ю.В. Герасименко объем основных прав и обязанностей иностранных граждан и лиц без гражданства обусловлен применением по отношению к ним со стороны государства определенных правовых режимов¹.

Статья 4 ФЗ № 53 закрепляет, что в целях защиты и поддержки государственного языка Российской Федерации федеральные органы государственной власти в пределах своей компетенции обеспечивают функционирование государственного языка Российской Федерации на всей ее территории. Возникает вопрос, что же все-таки является предметом государственной поддержки языков РФ, обеспечение их функционирования или гарантия их использования? С конкретной правовой позицией функционировать могут органы государственной власти и местного самоуправления, обеспечивающие использование государственного или национального языка,

¹ Герасименко Ю.В. Конституционно-правовой статус лиц, не являющихся гражданами Российской Федерации (Вопросы теории и практики): Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2003. – С.14.

однако функционирование самого государственного языка можно поставить под сомнение, если только не попытаться объяснить, каким образом происходит такое функционирование, ведь сам по себе язык никаким государственным органом не является, это достояние многонационального народа Российской Федерации. Следовательно, представляется возможным сделать следующий вывод: необходимо исключить из части 1 статьи 4 ФЗ № 53 слово «функционирование», заменив его словами «гарантии использования», и изложить часть 1 статьи 4 ФЗ № 53 в следующей редакции: «Обеспечивают гарантии использования государственного языка Российской Федерации на всей территории Российской Федерации».

Исходя из логики законодателя, государственный язык выполняет определенные функции, хотя данные функции нигде не прописаны в законе «О государственном языке Российской Федерации». Отсюда следует, что государственный язык не может функционировать как определенная субстанция, у него более глобальное историческое предназначение. Государства прописывают те или иные национальные языки, а также их правовые режимы, такие как государственный язык, для обозначения границ и инструментария использования данного языка. На наш взгляд, законодатель абстрактно подошел к формированию юридических конструкций о защите и поддержке государственного языка РФ, поскольку из анализа ФЗ № 53 «О государственном языке» не совсем ясно, что означает защита государственного языка органами государственной власти и местного самоуправления, более того, непонятным в законе остается и вопрос о поддержке государственного языка и государственных языков республик Российской Федерации. Представляется, что необходимо сформулировать понятия защиты государственного языка в Российской Федерации и дать определение понятию «государственная поддержка национального языка субъектов РФ». Как представляется, под защитой государственного языка в Российской Федерации следует понимать систему мер,

направленных на обеспечение специально-юридических, экономических, политических и духовных гарантий государственных языков в Российской Федерации, равного доступа к их использованию, применению и сохранению. Под поддержкой государственного языка в Российской Федерации следует понимать систему мер, направленных на создание условий для обеспечения беспрепятственного сохранения, использования, употребления и применения государственных языков и языков народов Российской Федерации. Кроме того, события, произошедшие на Украине в феврале 2014 года, в части, касающейся правового регулирования статуса русского языка, показали необходимость его защиты со стороны Российской Федерации, тем более того требовало большинство русскоговорящего населения восточной части Украины. В связи с этим автор придерживается позиции, в соответствии с которой необходимо нормативно закрепить положение, предусматривающее государственную защиту русского языка за пределами Российской Федерации, поскольку принцип «недискриминации», закрепленный в ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, предполагает защиту индивидуальных прав на употребление языка, тогда как требуется позитивная защита статуса языков, соответствующего его исторической сфере распространения. В связи с этим диссертантом предлагается внести дополнение в статью 4 Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», в которой закрепить право федеральных органов государственной власти обеспечивать защиту русского языка за пределами Российской Федерации в соответствии с международно-правовыми нормами и законодательством Российской Федерации, изложив ее в следующей редакции: « – *обеспечивают защиту русского языка за пределами Российской Федерации в соответствии с международно-правовыми нормами и законодательством Российской Федерации*».

Недостатки использования государственного языка на этом не заканчиваются, в частности, ст. 5 вышеуказанного ФЗ «О государственном языке

Российской Федерации» закрепляет, что обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации предусматривает: получение образования на русском языке в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. По логике законодателя государственный язык используется в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, однако речь идет только о них, что же касается негосударственных образовательных учреждений либо учреждений, предоставляющих образовательные услуги на основе некоммерческих организаций, то о них в законе ничего не сказано. Следовательно, получение образования на русском языке в государственных и муниципальных учреждениях не корреспондируется обязанности использовать русский язык в негосударственных образовательных учреждениях и некоммерческих организациях, оказывающих образовательные услуги. Дело в том, что п. 2 части 1 статьи 5 ФЗ № 53 «О государственном языке Российской Федерации» закрепляет, что получение информации на русском языке от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, иных органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, по сути, является формой обеспечения права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком, однако такую обязательную форму нельзя применить к праву на получение образования на русском языке в негосударственных образовательных учреждениях и некоммерческих организациях, представляющих образовательные услуги, поскольку последние, хоть и обязаны предоставлять информацию на государственном языке Российской Федерации, однако отождествлять ее с предоставлением образовательных услуг нет никаких оснований.

Еще одна норма части 4 статьи 15 Закона «О языках народов Российской Федерации» вызывает вопросы. В частности, она закрепляет, что граждане Российской Федерации вправе обращаться в государственные органы,

организации, на предприятия и в учреждения Российской Федерации с предложениями, заявлениями, жалобами на государственном языке Российской Федерации, родном языке или на любом другом языке народов Российской Федерации, которым они владеют. Здесь трудность видится в том, что не все уполномоченные лица владеют соответствующими языками. В частности, часть 5 статьи 15 «О языках народов Российской Федерации» закрепляет, что ответы на предложения, заявления и жалобы граждан Российской Федерации, направленные в государственные органы, организации, на предприятия и в учреждения Российской Федерации, даются на языке обращения. В случае невозможности дать ответ на языке обращения используется государственный язык Российской Федерации. Однако если подходить к использованию данной нормы с прагматической точки зрения, то стоит предположить, что ответы на государственном языке или государственном языке республики даются только в отношении предложений, заявлений и жалоб, тогда как существуют и другие виды обращения, которые направляют граждане, например, ходатайства. Ходатайство – официальная просьба или представление, адресованное государственным органам (общественной организации) вышестоящей инстанции. Ходатайство может рассматриваться как одна из форм обращения граждан (наряду с заявлениями, петициями)¹. Хоть такой вид обращения и не предусмотрен действующим ФЗ № 59 «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», однако его распространенность в иных нормативных правовых актах не вызывает сомнений. Так, согласно ст. 24.4 КоАП РФ, ходатайство, составленное в письменном виде, подлежит рассмотрению, и по его результатам должно быть вынесено определение об удовлетворении или об

¹ Шайхуллин М.С. К вопросу об истории развития правового регулирования института обращений граждан в органы государственной власти и местного самоуправления // Вторые Всероссийские Державинские чтения (Москва, 9–10 ноября 2006 года): Сб. статей. – Кн. 2. Проблемы конституционного и международного права / Отв. ред. В.А. Виноградов; ГОУ ВПО Российская правовая академия Минюста России. – М.: РПА МЮ РФ, 2007. – С. 97.

отказе в его удовлетворении. Лица, участвующие в производстве по делу об административном правонарушении, имеют право заявлять ходатайства, подлежащие обязательному рассмотрению судьей, органом, должностным лицом, в производстве которых находится данное дело. Ходатайство заявляется в письменной или устной форме и подлежит немедленному рассмотрению. Решение об отказе в удовлетворении ходатайства выносится судьей, органом, должностным лицом, в производстве которых находится дело об административном правонарушении, в виде определения. Возникает вопрос, если ходатайство принимается на государственном языке республики, то почему такой вид обращений не фигурирует в части 5 статьи 15 Закона «О языках народов Российской Федерации», ведь может сложиться ложное впечатление, что если ответы на предложения, заявления и жалобы обязаны давать на языке обращения, то на ходатайство такая обязанность органов государственной власти не распространяется. Отдельного внимания заслуживают коллективные обращения, или, как их еще называют, петиции. Про них в законе о языках народов также ничего не сказано. Тогда как коллективное обращение – это обращение двух или более граждан в письменном виде, содержащее частный интерес, либо обращение, принятое на митинге, собрании и подписанное организаторами и (или) участниками митинга или собрания, имеющее общественный характер. Более того, данное право гарантировано статьей 33 Конституции Российской Федерации. Разве коллективное обращение не может быть написано на ином языке, используемом народами Российской Федерации? Скорее всего, для этого никаких препятствий нет. Однако если следовать логике законодателя, то опять-таки обязанность органов государственной власти и местного самоуправления по рассмотрению коллективных обращений не предусмотрена, если исходить из ст. 15 Закона «О языках народов Российской Федерации».

Также вызывает вопросы часть 4 статьи 16 Закона «О языках народов РФ», в соответствии с которой документы, удостоверяющие личность гражданина

Российской Федерации, записи актов гражданского состояния, трудовые книжки, а также документы об образовании, военные билеты и другие документы оформляются с учетом национальных традиций именованя на государственном языке Российской Федерации, а на территории республики, установившей свой государственный язык, оформление указанных документов наряду с государственным языком Российской Федерации может вестись на государственном языке республики. В данной норме возникают определенные неясности, в частности: что имел в виду законодатель, когда регламентировал, что документы оформляются с учетом национальных традиций наименования на государственном языке Российской Федерации? Во-первых, возникает вопрос, что такое национальная традиция, и какую она играет роль при использовании языков в официальном делопроизводстве, ведь делопроизводство урегулировано конкретными юридическими нормами закона, тогда как традиция представляет собой трансляцию духовных ценностей, норм и правил жизни, передающихся от поколения к поколению¹, то есть в соответствии с отечественной теорией права это социальная норма, регулятор общественных отношений, поэтому трудно сказать, что посредством социальной нормы возможно регулировать официальное делопроизводство с использованием государственного и языков народов Российской Федерации. Тем более что традиция – это наиболее абстрактная категория в отличие от нормы права, предполагающей более конкретное². Более того, часть 4 статьи 16 оперирует словосочетанием «национальная традиция», возникает вопрос о соотношении перевода государственного языка Российской Федерации на государственные языки субъектов Российской Федерации с национальными традициями. Ведь сам по себе вкладыш в паспорте на

¹ Шайхуллин М.С. Традиции в системе нормативного регулирования местного самоуправления // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2013. – № 2 (78). – С. 136.

² Шайхуллин М.С. Традиции местного самоуправления для муниципальной власти в России // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 12. – С. 23.

государственном языке республик Российской Федерации вовсе не говорит о том, что это «национальная традиция», тем более что сегодня существует тенденция упразднения вкладыша в паспорте с переводом данных о гражданине Российской Федерации на государственный язык республик в составе Российской Федерации.

Анализируя данную позицию законодателя, следует привести пример наиболее удачного правового регулирования соотношения использования государственного языка в документообороте и «национальных традиций». Так, в статье 14 закона Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстана» прописано: «В Республике Татарстан официальные документы, удостоверяющие личность гражданина или сведения о нем, оформляются с учетом правил и традиций именованя, существующих в татарском и русском языках».

Представляется возможным изменить норму части 4 статьи 16 закона «О языках народов Российской Федерации», изложив ее в следующей редакции: *«Документы, удостоверяющие личность гражданина Российской Федерации, записи актов гражданского состояния, трудовые книжки, а также документы об образовании, военные билеты и другие документы оформляются на государственном языке Российской Федерации, а на территории республики, установившей свой государственный язык, оформление указанных документов наряду с государственным языком Российской Федерации может вестись на государственном языке республики с учетом национальных традиций».*

В части 1 статьи 19 закона «О языках народов Российской Федерации» закреплено, что правила определения языка судопроизводства распространяются на язык нотариального делопроизводства в нотариальных конторах и в других государственных органах, выполняющих функции нотариального делопроизводства. Между тем согласно статье 37 Федерального закона № 4462-1 от 11 февраля 1993 года «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» нотариальные действия могут совершать главы местных

администраций и специально уполномоченные должностные лица местного самоуправления. Исходя из вышеизложенного, представляется возможным часть 1 статьи 19 изложить в следующей редакции: *«Правила определения языка судопроизводства распространяются на язык нотариального делопроизводства в нотариальных конторах, в других государственных органах и органах местного самоуправления, выполняющих функции нотариального делопроизводства».*

На наш взгляд, необходимо совершенствовать часть 4 статьи 15 Закона о языках народов Российской Федерации, которая прописана следующим образом: «Граждане Российской Федерации вправе обращаться в государственные органы, организации, на предприятия и в учреждения Российской Федерации с предложениями, заявлениями, жалобами на государственном языке Российской Федерации, родном языке или на любом другом языке народов Российской Федерации, которым они владеют».

Между тем не ясен правовой статус понятия «родной язык», которое использовано в этой части. Также непонятна логика законодателя, который прописывает в одном ряду такие правовые статусы языка, как государственный язык Российской Федерации, родной язык или языки народов Российской Федерации. Возникает вопрос. Разве государственный язык Российской Федерации, то есть русский, не может быть родным, или какой-либо из языков народов Российской Федерации не может быть чьим-то родным? Также словосочетание «языки народов Российской Федерации» в данной части не совсем уместно, так как, если человек не владеет ни государственным языком Российской Федерации, ни языком народов Российской Федерации, то это не означает невозможность обращения данного человека в государственные органы, организации, предприятия и учреждения. Следовательно, применение в данной части словосочетания «родной язык» считаем нецелесообразным, и этот факт доказывает необходимость внесения дополнений в статью 15 Закон о языках народов Российской Федерации. Предлагаем исключить словосочетания «родной

язык», «языки народов Российской Федерации» и изложить часть 4 статьи 15 в следующей редакции:

4. Граждане Российской Федерации вправе обращаться в государственные органы, организации, на предприятия и в учреждения Российской Федерации с предложениями, заявлениями, жалобами и ходатайствами на государственном языке Российской Федерации *или на любом другом языке, которым они владеют.*

Между тем части 2, 3, 4 статьи 15 Закона о языках народов Российской Федерации противоречат части 4 статьи 2 этого же закона. В указанных частях статьи 15 говорится о праве граждан Российской Федерации на выступления, обращение и получение информации в государственных органах, организациях, предприятиях и учреждениях. Отсюда вопрос. В данных частях статьи 15 указанного закона к субъектам правоотношений закон относит государственные органы, организации, предприятия, учреждения и граждан Российской Федерации. Между тем в части 4 статьи 2 Закона о языках народов Российской Федерации прописано, что нормы, устанавливаемые настоящим Законом, распространяются на граждан Российской Федерации, а также на иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации. Таким образом, необходимо учитывать, что правоотношения государственных органов, организаций, предприятий и учреждений могут возникнуть не только с гражданами Российской Федерации, но и с иностранными гражданами, лицами без гражданства.

Исходя из изложенного, считаем целесообразным устранить противоречие в статье 15 и вместо словосочетания «граждане Российской Федерации» использовать словосочетание «лица, находящиеся на территории Российской Федерации», изложив части 2, 3, 4 статьи 15 в следующей редакции:

2. *Лицам, находящимся на территории Российской Федерации, не владеющим государственным языком Российской Федерации и государственным языком республики, предоставляется право выступать на заседании, совещании,*

собрании в государственных органах, организациях, на предприятиях и в учреждениях на том языке, которым они владеют. В случае необходимости обеспечивается соответствующий перевод.

3. *Лицам, находящимся на территории Российской Федерации, не владеющим тем языком, на котором ведется заседание, совещание, собрание в государственных органах, организациях, на предприятиях и в учреждениях, в случае необходимости обеспечивается перевод на приемлемый для этих граждан язык или на государственный язык Российской Федерации.*

4. *Лица, находящиеся на территории Российской Федерации, вправе обращаться в государственные органы, организации, на предприятия и в учреждения Российской Федерации с предложениями, заявлениями, жалобами на государственном языке Российской Федерации или на любом другом языке, которым они владеют.*

На наш взгляд, необходимо совершенствовать статью 4 Закона о языках народов Российской Федерации, где регламентируются гарантии защиты языков народов Российской Федерации. Данная статья выделяет социальную, экономическую и юридическую защиту языков народов Российской Федерации.

Вместе с этим, считаем неконкретизированным закрепление законодателем юридической защиты, как меры обеспечения ответственности юридических и физических лиц за нарушение законодательства Российской Федерации о языках народов Российской Федерации. То есть по смыслу данной нормы, под юридической защитой следует понимать только ответственность, при этом, на наш взгляд, не учитываются действия, направленные на ненаступление ответственности за нарушения того или иного закона, но которые также относятся к понятию «защита». Например, превентивные, профилактические меры, которые осуществляются для недопущения нарушения закона. Отсюда следует, что применительно к правовому статусу языков необходимо говорить не только о

защите языков, но и об их охране, так как в литературе различаются два этих понятия.

Профессор Н.И. Матузов пишет: «Вообще охрана и защита субъективного права или охраняемого законом интереса – не одно и то же: охраняются они постоянно, а защищаются только тогда, когда нарушаются. Защита есть момент охраны, одна из ее форм. Эти понятия не совпадают»¹.

Отсюда следует, что охрана языков народов Российской Федерации должна осуществляться постоянно и объективно вне зависимости от момента нарушения или отсутствия нарушения правового статуса языков народов Российской Федерации.

В связи с этим считаем целесообразным в статье 4 Закона о языках Российской Федерации наряду с термином «защита» добавить термин «охрана», а название статьи изложить следующим образом:

Статья 4. Гарантии охраны и защиты языков народов Российской Федерации.

Исходя из изложенного, необходимо отметить, что определение юридической защиты, указанной в части 4 вышеназванной статьи, необходимо изложить в следующей редакции: *«юридическая охрана языков предполагает обеспечение регламентации и реализации прав субъектов защиты языков, а также ответственности юридических и физических лиц за нарушение законодательства о языках народов Российской Федерации».*

С учетом современной практики использования языков и влияния на нее процессов глобализации, на наш взгляд, возникает необходимость внесения дополнения в статью 4 Закона о языках народов Российской Федерации в части гарантии охраны и защиты русского языка и языков народов Российской Федерации. Предлагаем ввести в статью 4 указанного закона часть 5, в которой

¹ Матузов Н.И. Правовая система и личность. – Саратов, 1987. – С. 130–131.

будет закреплена внешнеполитическая защита русского языка и языков народов Российской Федерации, под которой необходимо понимать *«осуществление мер, направленных на поддержку политических партий и общественных организаций, способствующих охране, изучению и развитию русского языка как государственного языка Российской Федерации и языков народов Российской Федерации, которые являются автохтонными народами Российской Федерации»*. Данное предложение направлено на укрепление государственного языка Российской Федерации и его защиту за пределами Российской Федерации.

В связи развитием компьютерных технологий и расширением географии иностранных языков, а также ухудшением уровня образования населения Российской Федерации и многократным уменьшением интереса к чтению книг считаем необходимым закрепление на законодательной основе гарантии защиты литературного русского языка, в связи с чем предлагаем в статью 4 Закона о языках народов Российской Федерации включить часть 6, которую следует изложить в следующей редакции:

6. Культурная защита языков народов Российской Федерации предполагает осуществление мер, направленных на сохранение, обучение и использование литературных языков народов Российской Федерации.

Исходя из данного предложения, считаем необходимым внести изменения и в Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», где также рассмотреть возможность закрепления гарантий охраны и защиты русского языка как государственного языка Российской Федерации. Данные изменения необходимы в связи со сложившейся геополитической обстановкой в мире и уменьшением ареала распространения русского языка. Таким образом, предлагается статью 4 указанного закона изложить в следующей редакции:

Статья 4. Гарантии охраны и защиты русского языка как государственного языка Российской Федерации.

1. Русский язык, как государственный язык Российской Федерации, пользуется охраной и защитой государства. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти Российской Федерации гарантируют и обеспечивают социальную, экономическую и юридическую охрану всех языков народов Российской Федерации.

2. Социальная охрана языков предусматривает проведение научно обоснованной языковой политики, направленной на сохранение, развитие и изучение русского языка как государственного языка Российской Федерации на территории Российской Федерации.

3. Экономическая охрана языков предполагает целевое бюджетное и иное финансовое обеспечение государственных и научных программ сохранения и развития русского языка как государственного языка Российской Федерации.

4. Юридическая охрана русского языка как государственного языка Российской Федерации предполагает обеспечение регламентации и реализации прав субъектов защиты языков, а также ответственности юридических и физических лиц за нарушение законодательства о языках народов.

5. Внешнеполитическая защита предполагает осуществление мер, направленных на поддержку политических партий и общественных организаций, способствующих охране, изучению и развитию русского языка как государственного языка Российской Федерации.

6. Культурная защита русского языка как государственного языка Российской Федерации предполагает осуществление мер, направленных на сохранение, обучение и использование литературного русского языка.

В заключение представляется возможным констатировать, что изложенные в данном параграфе предложения исходят из объекта и предмета диссертационного исследования, а поскольку исследование показало, что в правовом регулировании языковой сферы существует и более объемный круг проблем, касающихся регламентации правовых статусов языков, и что освещение

данных проблем не позволяет уместить в рамки одного диссертационного исследования все вопросы, смежные с данной темой, автор надеется, что данные предложения будут способствовать урегулированию конфликтов, возникающих на почве межнациональных и межгосударственных противоречий, вызванных обстоятельствами сохранения, развития, использования и других прав в области языковых отношений в Российской Федерации.

Заключение

В современном мире благодаря процессам глобализации, которые стирают границы идентичности, приходит осознание того, что истинно правовое, демократическое государство не только должно гарантировать национальную, религиозную и языковую самобытность народов, но и должно создавать условия, которые бы позволяли выражать и сохранять эту самобытность. Одним из этих форм самобытности является язык, который нужно беречь.

Проведенное диссертационное исследование позволило сформулировать следующие выводы и предложения:

1. Понятие «язык» многогранное, правовое, философское и сложное. Для юриспруденции термин «язык» в обобщенном плане, менее важен, чем такие его правовые статусы в государстве, как: государственный язык, официальный язык, национальный язык, родной язык, язык меньшинства. Данные правовые статусы должны быть четко разграничены и законодательно закреплены в правовых документах, чтобы максимально эффективно защищать и охранять наибольшее количество языков в государстве.

2. Правовые статусы языков в различных странах не являются идентичными и зависят от исторического, традиционного, политического, экономического развития страны, при этом возникающие вопросы о выборе государственного языка в стране с однородным национальным составом менее конфликтогенны, в отличие от многонациональных государств.

3. Конституционно-правовой статус языков в субъектах Российской Федерации следует понимать как совокупность правовых положений установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными, федеральными законами и правовыми актами субъектов в составе Российской Федерации гарантирующих право на сохранение, развитие,

использование и защиту государственных и иных языков народов Российской Федерации.

4. В целях совершенствования законодательных гарантий сохранения, развития, использования и защиты языков, предлагается внесение дополнений в статью 3 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации» в связи отсутствием у органов местного самоуправления полномочий по развитию языков. Диссертантом предлагается дополнить словосочетанием «и нормативно правовыми актами органов местного самоуправления» и изложить часть 4 статьи 3 в следующей редакции: В местности компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за их пределами, наряду с русским языком и государственными языками республик, в официальных сферах общения может использоваться язык населения данной местности. Порядок использования языков в таких местностях определяется законодательством Российской Федерации, субъектов Российской Федерации *и правовыми актами органов местного самоуправления.*

5. Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств от 5 ноября 1992 г. была подписана Российской Федерацией 10 мая 2001 г., но до настоящего момента не ратифицирована. Таким образом, Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств имеет статус не вступившего в силу международного договора Российской Федерации и может быть предметом конституционного нормоконтроля. Одновременно, факт её подписания означает, что Российская Федерация не должна предпринимать действий, идущих вразрез с положениями Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств, политики с учетом требований международных языковых стандартов.

6. В соответствии Законом РФ «О языках народов Российской Федерации» субъекты сохранения, развития, использования и защиты языков уместно

разграничить по классификационным основаниям и разделить их на следующие группы: федеральные органы государственной власти; органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, организации, учреждения и предприятия, народ и гражданин.

7. В процессе развития законодательства о языках субъектов Российской Федерации применение принципа единообразия в национально-языковом вопросе в Российской Федерации при отсутствии методики учета исторического и национального развития различных автохтонных народов Российской Федерации может создавать условия способствующие нарушению прав граждан на использование языка.

8. Законодательство Российской Федерации и субъектов в составе Российской Федерации должно обеспечивать сохранение и развитие традиционного употребления литературного русского языка, который является основой единения Российских народов и сохранения российской государственности, защиты государственного языка, как на территории России, так и за ее пределами.

9. Регулирование статусов языков в республиках Российской Федерации должно носить характер создания правовых и социальных условий направленных на защиту языкового многообразия и развитию национальных языков народов проживающих в субъектах Российской Федерации со статусом республики.

10. Исследование показывает, что Республики в составе Российской Федерации единственное место во всем мире, где исторически проживают их автохтонные народы, то есть центр национального развития данных народов лежит на территории этих республик, поэтому законодательство республик в данной сфере направлено на защиту наряду с государственным языком Российской Федерации и языков автохтонных народов, что не должно трактоваться как ущемление прав представителей других национальностей.

11. Численные критерии для установления того или иного национального языка государственным в субъектах Российской Федерации, которые предлагаются в литературе являются не совсем удачными, так как они не учитывают международные принципы равноправия и недискриминации закрепленные в Конституции Российской Федерации.

12. Для разрешения возникающих вопросов о последствиях ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств Российской Федерацией необходимо разработать программу, регламентирующую условия использования норм Хартии применительно к особенностям Российской Федерации с учетом исторических и иных местных традиций. В этом документе должны быть рассмотрены все основные категории правовых и социальных последствий имплементации, устранены возможные правовые коллизии, общественно-политические последствия, возможные проблемы в сфере прав человека и гражданских прав, следует внести разъяснения по поводу затрат на имплементацию и периодичности предоставления отчетов правоприменителями.

13. Исследование показало, что из опыта зарубежных стран по ратификации Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств наиболее успешным является опыт применения данного международного документа в Испании и Финляндии.

14. Исследование процесса имплементации Европейской Хартий региональных языков или языков меньшинств доказывает возможность использования Хартии в национально-правовой системе Российской Федерации при условии постепенного ее ратифицирования, обеспечивающих равные права и свободы использования языков народов Российской Федерации.

Библиографический список

I. Нормативные правовые акты:

1. Устав ООН от 26 июня 1945 года // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, Вып. XII, - М., 1956. – С.14–47.
2. Всемирная Декларация прав человека от 10 декабря 1948 года // Российская газета. – 1995. – 5 апреля. – № 67.
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 года (вступил в силу 3 января 1976 года) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1994. - № 12. – С.26.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 (вступил в силу 23 марта 1976 года) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1994. – № 12. – С. 26–27.
5. Венская Конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 года // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1986. - №37. Ст. 772.
6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – №20. - Ст. 2143.
7. Конвенция Международной Организации Труда (МОТ) № 169 принята Генеральной конференцией МОТ в Женеве 27.06.1989г. и вступила в силу.5.09.1991 // Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией труда. 1957 - 1990. – Т.II. Женева, Международное бюро труда, 1991.
8. Конвенция о правах инвалидов // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. - № 6. - Ст. 468.

9. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств и пояснительный доклад. – Страсбург: Издательство Совета Европы, 2009. – № 148. – 48 с.
10. Конституция Российской Федерации принята на Всероссийском референдуме 12 декабря 1993 года // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. - №31. – Ст. 4398.
11. Федеральный конституционный закон «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Пермской области и Коми-пермяцкого автономного округа» от 25.03.2004 г. (в ред. Федеральных конституционных законов от 30.06.2005 № 5-ФКЗ, от 12.04.2006 № 1-ФКЗ) // Российская газета от 26.03.2004 г. № 62.
12. Федеральный конституционный закон «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа» от 14.10.2005 №6-ФКЗ // Российская газета от 19.10.2005. № 234.
13. Федеральный конституционный закон «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Камчатской области и Корякского автономного округа» от 12.07.2006 № 2-ФКЗ // Российская газета от 15.07.2006. № 153.
14. Федеральный конституционный закон «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа» от 21.07.2007 № 5-ФКЗ // Российская газета от 27.07.2006. № 162.
15. Федеральный конституционный закон «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в

- результате объединения Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа» от 30.12.2006 № 6-ФКЗ // Российская газета от 11.01.2007. № 2.
16. Закон РСФСР от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – 12 декабря. – № 50. – Ст. 1740.
 17. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 № 53-ФЗ // Российская газета от 07.06.2005. № 120.
 18. Федеральный закон «О гарантиях прав малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1999 № 82-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 18. – Ст. 2208.
 19. Федеральный закон «О Всероссийской переписи населения» от 25 января 2002 года №8-ФЗ // Российская газета от 29 января 2002. № 17.
 20. Федеральный закон «О национально-культурной автономии» от 17.06.1996. № 74-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2965.
 21. Постановление Правительства Российской Федерации «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 24.03.2000. №255 // Российская газета от 5 апреля 2000. № 66.
 22. Постановление Правительства РФ «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации» от 23.11.2006 № 714 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 48. – Ст. 5042.
 23. Постановление Правительства РФ от 29.12.2005 № 833 «О Федеральной целевой программе «Русский язык (2006 – 2010 годы)» // Собрание законодательства Российской Федерации от 09.01.2006. № 2.

24. Приказ Минобрнауки РФ «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» от 08.06.2009 № 195 // Российская газета от 21.08.2009. № 156.

II. Нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации:

25. Конституция Республики Адыгея от 10 марта 1995 г. // Ведомости ЗС (Хасэ) – Парламента РА. – 1995. - № 16.
26. Конституция Республики Алтай от 7 июня 1997 г. // Газета «Звезда Алтай» от 11.07.1997. - № 5 (478).
27. Конституция Республики Башкортостан от 24 декабря 1993 г. // Газета «Известия Башкортостана» от 6 января 1994. - № 3 (627).
28. Конституция Республики Бурятия принята 22 февраля 1994 г. // Газета «Бурятия» от 9 марта 1994. - №43.
29. Конституция Республики Дагестан от 10 июля 2003 г. // Газета «Дагестанская правда» от 6 июля 2003. - №159.
30. Конституция Кабардино-Балкарской Республики от 1 сентября 1997 г. // Газета «Кабардино-Балкарская правда» от 29 августа 2006. - № 215 (21737).
31. Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия от 5 апреля 1994г. // Газета «Известия Калмыкии» от 7 апреля 1994. - № 60.
32. Конституция Карачаево-Черкесской Республики от 5 марта 1996 г. // Газета «День Республики» от 23 марта 1996. - № 33 (15785).
33. Конституция Республики Коми от 17 февраля 1994 г. // Газета «Красное знамя» от 10 марта 1994. - № 45.
34. Конституция Республики Крым от 11 апреля 2014 г. // Газета «Крымские известия» от 12 апреля 2014. - № 68.

35. Конституция Республики Марий Эл от 24 июня 1995 г. // Газета «Марийская правда» от 7 июля 1995. - № 87.
36. Конституция Республики Мордовия от 21 сентября 1995 г. // Газета «Известия Мордовии» от 22 сентября 1995. - №64.
37. Конституция Республики Татарстан от 6 ноября 1992 г. // Газета «Советская Татария» от 12 декабря 1992. - № 246-247.
38. Конституция Республики Хакасия от 25 мая 1995 г. // Бюллетень «Вестник Хакасии» от июня 1995. - № 25.
39. Конституция Чувашской Республики от 30 ноября 2000 г. // Газета «Республика» от 9 декабря 2000. - № 52 (225).
40. Устав Забайкальского края от 17 февраля 2009 года N 125-33К // Газета «Забайкальский рабочий» от 18 февраля 2009. - № 30.
41. Устав Камчатского края от 4 декабря 2008 г. № 141 // Газета «Официальные ведомости» от 11 декабря 2008. № 199-200.
42. Устав Красноярского края от 05.06.2008 №5-1777 // Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края. – 2008. - № 29(250).
43. Закон Республики Адыгея «О языках народов Республики Бурятия» от 31 марта 1994 г. // Ведомости Законодательного Собрания (Хасэ) – Парламента Республики Адыгея. – 1994. - № 5.
44. Закон Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан» от 15 февраля 1999 года № 216-3 // Газета «Советская Башкирия» от 6 апреля 1999. - № 67 (24295).
45. Закон Республики Бурятия «О языках народов Республики Бурятия» от 10 июня 1992 года // Ведомости Верховного Совета Республики Бурятия. – 1993. – № 5.
46. Закон Республики Ингушетия «О государственных языках Республики Ингушетия» от 16 августа 1996 г. № 12-РЗ // Газета «Ингушетия» от 29 августа 1996. - № 93-94.

47. Закон Кабардино-Балкарской Республики «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики» от 16 января 1995 г. № 1-РЗ // Газета «Кабардино-Балкарская правда» от 19 января 1995. - № 11.
48. Закон Республики Калмыкия «О языках народов Республики Калмыкия» от 27 октября 1999 года № 30 ПЗ // Газета «Известия Калмыкии» от 18 ноября 1999. – № 235.
49. Закон Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан» от 8 июля 1992 года № 1560 XII // Ведомости Верховного Совета Татарстана. – 1992. – № 6. – Ст. 80.
50. Закон Удмуртской Республики «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках Удмуртской Республики» от 6 декабря 2001 года № 60-РЗ // Газета «Известия Удмуртской Республики». – 2001. – 18 декабря (№ 196)..
51. Закон Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)» от 16.10.1992 // Газета «Якутские ведомости» от 12 ноября 1992. (№ 19).
52. Закон Республики Татарстан «Об утверждении Государственной программы Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2004 – 2013 годы» от 11.11.2004 г. // Газета «Республика Татарстан» от 23.10.2004. - № 216.
53. Указ Президента Республики Башкортостан от 16 января 2008 года № УП-3. // Ведомости Государственного Собрания - Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. – 2008. - № 3 (273). – Ст. 183.
54. Указ Президента Республики Башкортостан от 31 декабря 2009 года № УП-730 «Концепции развития национального образования в Республики Башкортостан» // Ведомости Государственного Собрания - Курултая,

- Президента и Правительства Республики Башкортостан. – 2010. - № 4 (322). – Ст. 162.
55. Распоряжение Президента Республики Башкортостан № 34 от 10 апреля 2000 года о первоочередных мерах по реализации Закона Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан» // Языки народов Республики Башкортостан. Сборник документов. – 2008. - №3. – С. 94.
 56. Постановление Кабинета Министров Республики Башкортостан № 206 от 23 августа 2001 года // Языки народов Республики Башкортостан. Сборник документов. – 2008. - №3. – С. 96.
 57. Постановление Кабинета Министров Республики Башкортостан от 27 августа 2001 года № 209 // Ведомости Государственного Собрания, Президента и Кабинета Министров Республики Башкортостан. – 2001. - № 16 (136). – Ст. 1196.
 58. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 7 апреля 2006 года № 83 «Государственная программа сохранения, изучения и развития языков народов Республики Башкортостан на 2006-2010 годы» // Ведомости Государственного Собрания - Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. – 2006. - № 11(233). – Ст. 728.
 59. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 28 декабря 2007 года № 382 (с последующими изменениями от 12 февраля 2009 года № 58).
 60. Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики Республиканская программа по реализации закона Чувашской Республики «О языках в Чувашской Республике» на 2003-2007 годы и на период до 2012 от 6.12.2002. №314. // Собрание законодательства Чувашской Республики. – 2003. - № 1-2. – Ст. 42.

61. Государственная программа по сохранению и развитию удмуртского языка и языков народов, компактно проживающих в Удмуртской Республике: Постановление Совета министров Удмуртской Республики от 14 июня 1994. №318.// Документ официально опубликован не был
62. Постановление Правительства Республики Марий Эл от 04.06.2008 № 140, от 31.12.2009 № 282. // Собрание законодательства Республики Марий Эл. – 2008. - № 7. – Ст. 343.
63. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 5 июня 2013 г. № 226 «О продлении на 2013 год срока действия государственной программы «Народы Башкортостана» на 2003 - 2012 годы» // Ведомости Государственного Собрания - Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан». – 2013. - №18 (420). – Ст. 818.
64. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 28 декабря 2007 г. № 389 «О республиканской целевой программе «Русский язык» на 2008-2010 годы» // Ведомости Государственного Собрания - Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан». – 2008. - №3 (273). – Ст. 204.
65. Указ Президента Республики Башкортостан от 31 декабря 2009 г. № УП-730 «Об утверждении Концепции развития национального образования в Республике Башкортостан» // Ведомости Государственного Собрания - Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан». – 2010. - №4 (322). – Ст. 162.
66. Постановление Правительства Республики Марий Эл от 8 декабря 2010 г. № 329 «Об утверждении Положения об использовании языков при публикации общественно значимой информации на территории Республики Марий Эл» // Собрание законодательства Республики Марий Эл. – 2011. - №1 (часть II). – Ст. 50.

III. Законодательные акты иностранных государств:

67. Конституция Индии от 26 января 1950 года. Конституции зарубежных государств. / Под. ред В.В. Маклакова. – М.: Вольтерс Клувер, 2006. – 896 с.
68. Конституция Испании от 27 декабря 1978 года. Конституции зарубежных государств. / Под. ред В.В. Маклакова. – М.: Вольтерс Клувер, 2006. – 896 с.
69. Конституция КНР от 4 декабря 1982 года / Перев. с кит. Н.Х. Ахметшина; сост. К.А. Егоров; под ред. Л.М. Гудошникова. – М.: Прогресс, 1984. – 504 с.
70. Конституция Финляндии от 11 июня 1999 года. Конституции зарубежных государств. / Под. ред В.В. Маклакова. – М.: Вольтерс Клувер, 2006. – 896 с.
71. Закон Французской Республики «Об использовании французского языка» от 4 августа 1994 г. Report from the General delegation to French language, - Paris, 2008. – P.33-39.

IV. Книги, учебные пособия, монографии:

72. Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. – М.: Изд-во «Славянский диалог», 2000. – 655с.
73. Абдулатипов Р.Г. Федералогия: учебное пособие. – СПб. 2004. – 320с.
74. Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф. Опыты федерализма. – М., 1994. – 318с.
75. Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. – М.: Славянский диалог, 2000. – 655 с.

76. Абубакирова Л.Ф. Языковая ситуация в оренбургской области. Башкирская филология: К 70-летию со дня рождения академика АН РБ З.Г. Ураксина. – Уфа: Гилем, 2005. – 326 с.
77. Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебное пособие для Вузов. – М.: Норма, – 863с.
78. Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс. – М.: Юристъ, 2005. – 749с.
79. Автономов А.С. Правовая онтология политики. – М.: Инограф, 1999. – С.261.
80. Алтынбекова О.Б. Этноязыковые процессы в Казахстане. – Алматы: Экономика, 2006. – 416 с.
81. Артемьева Е.Ю. Особенности языковой политики развивающихся стран англоязычных государств. Рабочий доклад // Под ред. академика О.А. Колобова. – Нижний Новгород: Институт стратегических исследований, 2003. – 33 с.
82. Афанасьева О.В. Вопросы ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств. Опыт Украины // Общеизвестные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия. Материалы Всероссийского совещания (Москва, 24 декабря 2002 г.). – М.: Международные отношения, 2004. – 364 с.
83. Аюпов М.А. Этнополитический фактор в современном развитии российских регионов: учеб. пособие. – Уфа.: БАГСУ, 2008. – 369 с.
84. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. – 6-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2007. – 760 с.
85. Башкирская филология: К 70-летию со дня рождения академика АН РБ З.Г. Ураксина. – Уфа: Гилем, 2005. – 135 с.

86. Боргоякова Т.Г. Миноритарные языки: проблемы сохранения и развития. Учебное пособие. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2001. – 160 с.
87. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. Учебное пособие. – М.: Издательство МГУ, Издательская группа ИНФРА-М–НОРМА, 1997. – 304 с.
88. Галяутдинов И.Г. Два века башкирского литературного языка. – Уфа: Гилем, 2000. – 448 с.
89. Гарипова Ф.Х. Опыт языкового строительства в Республики Башкортостан. – Уфа: Гилем, 2006. – 174 с.
90. Геевский И., Сетунский Н. Американская мозаика. – М., 1991. – 446 с.
91. Гилязитдинов Д.М. Международный, российский и республиканский опыт решения проблемы статуса языков. – Уфа, 2002. – 124 с.
92. Государственные языки: история и современность. Сборник документов и материалов. Ч.1. – Уфа: ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат», 2007. – 232 с.
93. Гришаева Е.Б. Мультикультурализм и языковая политика в Австралии: Монография. – Красноярск, 2005. – 217 с.
94. Гришаева Е.Б. Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтничном и мультикультурном пространстве (функциональный аспект): Монография. – Красноярск: РИО КрасГУ, 2006. – 278с.
95. Губаева Т.В. Язык и право. – М., 2003. – 160 с.
96. Гулина О.Р. Право на равенство в контексте языковых прав национальных меньшинств. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – 342 с.
97. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / Под. ред. д.ф.н. А.В. Гулыги и Рамишвили Г.В. – М.: Прогресс, 1985. – 346 с.

98. Гуревич М. Английский язык и законодательство штатов США. Решение национально языковых вопросов в современном мире. / Под ред. акад. Е.Л. Чельшева. – М.-СПб. Златоуст, 2003. – 464 с.
99. Диего Валадес. Язык права и право языка. – М.: Идея-Пресс, 2008. – 160 с.
100. Дьячков М.В. Миноритарные языки в европейском образовании. – М.: МГПУ, 2006. – 88 с.
101. Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств: результаты ратификации в Европе и перспективы / Автор. сост. Дж. Н. Мустафина, Г.Ф. Калганова. – Казань.: Татар. кн. Изд-во, 2012. – 318 с.
102. Зацепина О., Родригес Х. Противоречия в языковой политике и языковых ценностях США. Решение национально-языковых вопросов в современном мире / Под ред. акад. Е.Л. Чельшева. – М.: - СПб.: Златоуст, 2003. – С. 297.
103. Илишев И.Г. Язык и политика в многонациональном государстве. – Уфа: Китап, 2000. – 270 с.
104. Исаев М.И. Языковое строительство в СССР (Процессы создания письменностей народов СССР). – М., 1979. – 351 с.
105. Клоков В.Т. Французский язык в Северной Америке. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2005. – 400 с.
106. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: Учебник. – 3-е издание. – М.: Юристъ, 2003. – 587 с.
107. Комиссаров В.Н. «Теория перевода (лингвистические аспекты)». – М.: Высш. шк, 1990. – 253 с.
108. Комментарий к Закону «О языках народов Российской Федерации» / Под ред. А.С. Пиголкина. – М.: Известия, 1993. – 71 с.
109. Конституция Индии от 26 января 1950 года. Конституции зарубежных государств / Под ред. В.В. Маклакова. – М.: Вольтерс Клувер, 2006. – 581 с.

110. Конституция КНР от 4 декабря 1982 года / Китайская Народная республика. Конституция и законодательные акты / Перев. с кит. Н.Х. Ахметшина; сост. К.А. Егоров; под ред. Л.М. Гудошникова. – М.: Прогресс, 1984. – 470 с.
111. Конституция Финляндии от 11 июня 1999 года / В.В. Маклаков Конституционное право зарубежных стран. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 581 с.
112. Крысин Л.П. Толковой словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2007. – 944 с.
113. Кудрявцев В.Н. Равноправие и равенство. – М.: Наука, 2007. – 181 с.
114. Левин И.Д. Суверенитет. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 373 с.
115. Марусенко М.А. Франкофония Северной Америки. Том 1. – СПб.: Изд. С.-Петербург. ун.-та., 2007. – 355 с.
116. Матузов Н.И. Правовая система и личность. – Саратов, 1987. – 214 с.
117. Мамонтова Н.А. Языки малочисленных народов Севера и Европейская языковая Хартия // Европейская языковая хартия и Россия. – М.: ИЭА РАН, 2010, Вып. 218. С. 79-95.
118. Майоров В.И., Соловьев С.Г. Правовой статус муниципальных служащих. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 124 с.
119. Метшин И.Р. Правовая система республики в составе Российской Федерации. – М.: НОРМА, 2002. – 160 с.
120. Оль П.А. Нация (генезис понятия и вопросы правосубъектности). – СПб., 2002. – 144 с.
121. Основы миграционной политики: Учебное пособие / Под общ. ред. И.Н. Барцица. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – 228 с.
122. Павленко А.Е. Региональный язык и его статус (на материале языковой ситуации в равнинной Шотландии). – СПб.: Наука, 2003. – 243 с.
123. Полный сборник платформ всех русских политических партий. – М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2001. – 132с.

124. Права и свободы человека в программных документах основных политических партий и объединений России. XX век. / Под. ред. А.Н. Аринина. – М.: РОСПЭН, 2003. – 496 с.
125. Права человека и правовое социальное государство в России // Отв. ред доктор юридических наук Е.А. Лукашева. – М.: Норма, Инфра-М, 2011. – 400 с.
126. Правоведение: Учебник / Под общ. ред. Г.В. Мальцева. – М.: Изд-во РАГС, 2003. – 584 с.
127. Рязяпов Р.Ф. Свод законов о башкирском языке. Начало XX века. – Уфа: Китап, 2004. – 208 с.
128. Савельев В.В. Модель самоопределения народов России. – М.: РАГС, 2010. – 114 с.
129. Самигуллин В.К. Ислам и право. Опыт постижения. – Уфа, 2006. – 236 с.
130. Самигуллин В.К. Традиция в правосфере: теоретико-правовое исследование. – Уфа, 2008. – 187 с.
131. Самигуллин В.К. Конституционное развитие Башкирии. – Уфа, 1991. – 452 с.
132. Самигуллин В.К. Логическое основание права и его языковое оформление: монография. – Уфа. 2014. – 76 с.
133. Теория государства и права: Учебник / Под ред. М.Н. Марченко. – М.: Издательство «Зерцало», 2013. – 720 с.
134. Терминасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – С. 10.
135. Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. – М.: Издательство НОРМА, 1996. – 432 с.
136. Хабриева Т.Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации. – М., 2003. – 256 с.

137. Шайхуллин М.С. Традиции и правовые обычаи местного самоуправления в системе муниципально-правовых отношений: вопросы теории и практики: Монография. – М.: ЕврАзНИИПП, 2011. – 208 с.
138. Шелютто Н.В. Законодательство о развитии и использования языков народов СССР (в помощь лектору). – М., 1990. – 40 с.
139. Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. – М.: Проспект, 2014. – 336 с.
140. Юридический энциклопедический словарь / Под ред. В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 790 с.
141. Языки и народы Республики Башкортостан. Государственные языки: история и современность. Сборник документов и материалов. ч.2. / Сост. Ю.Х. Юлдашбаев и др. – Уфа: ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат», 2007. – 152с.
142. Языки народов Республики Башкортостан: Коллективная монография / Под ред. Т.М. Гарипова. – Уфа: «Восточный университет», 2000. – 88 с.
143. Языки, семьи и школы / Под. ред. С. Кроона и Г.В. Хруслова. – М.: ИНПО, 2001. – 184 с.
144. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Большая рос. энциклопедия, 2002. – 604 с.
145. Яценко И.С. Конституционное право зарубежных стран: учебно-методическое пособие. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – 164 с.

V. Научные статьи, публикации в периодических изданиях

146. Абдуллина Д.Ф. Культурная автономия как специфическая категория // Правовое государство: теория и практика. – 2010. – №1. – С. 66-70.
147. Айтматов Ч. Живи сам и дай жить другим. По поводу проекта Закона о языках народов СССР // Литературная газета. – 1989. – 22 ноября.

148. Андриченко Л.В. О правах коренных малочисленных народов Севера России // Журнал российского права. – 2010. – №11. – С. 122-126.
149. Артеменко О. Государственные языки и родные языки в системе образования: проблемы, перспективы // Жизнь национальностей. – 2008. – №1. – С. 52-55.
150. Бараненков В.В. Обеспечение права говорить на родном языке // Современное право. – 2006. – №9. – С. 116-118.
151. Бердашкевич А. О государственной языковой политике России // Высшее образование в России. – 2000. - №6. – С. 61.
152. Блинова Н.В. Язык как инструмент внешней политики государства (на примере испанского языка) // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2007. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 251. – (Сер. 6).
153. Богатова О.А. Этнокультурная политика в регионе: интеграция институциональных факторов формирования межэтнических отношений // Регионоведение. – 2011. – № 1. – С. 196-210.
154. Бондарь Н.С. Юридическое образование как конституционная ценность: сочетание публичных и личностных начал // Гуманитарий юга России. – 2013. - №3. – С.105.
155. Бондарук Л.В. Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии»: материалы VII международной заочной научно-практической конференции. Часть II. (10 декабря 2012 г.). – М.: Изд-во «Международный центр науки и образования», 2012. – С.15.
156. Бурьянов В.Ф., Кочев В.А. Об образовании нового субъекта Российской Федерации - Пермского края // Ученые записки юридического факультета СПбГЭФ. – 2005. Вып. 1 (12). – С.72-79.
157. Bowring B. The languages charter: what it is, and its relevance for the Russian Federation // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России: Материалы Международной научной

- конференции 22–24 сентября 2005 года, Абакан / Отв. ред. Т.Г. Боргоякова. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2005. – С. 14.
158. Васильева Л.Н. Проблема развития Российского законодательства об использовании языков народов России // Федерализм. – 2006. – № 1. – С. 99-115.
159. Васильева Л.Н. Двужычие нормативных правовых актов в Российской Федерации: совершенствование правовой основы // Журнал российского права. – 2008. - № 8. – С.24-32.
160. Васильева Л.Н. Конституция Российской Федерации о сохранении и развитии родных языков народов России // Журнал российского права. – 2004. – № 6. – С.59-65.
161. Васильева Л.Н. Развитие Российского законодательства в сфере национальных отношений // Федерализм. – 2009 . - № 1. – С. 99-114.
162. Воронецкий П.М. К вопросу о конституционно-правовом статусе субъектов языковых правоотношений // Журнал российского права. – 2008. – № 11. – С.40-48.
163. Воронецкий П.М. Некоторые проблемы правового регулирования использования языков // Российский юридический журнал. – 2008. – №2. – С. 36.
164. Воронецкий П.М. Правовые проблемы современной языковой политики РФ и республик в ее составе // Политика и общество. – 2007. – №12. – С. 12.
165. Воронецкий П.М. Юридическая природа и статус государственного языка республики в составе России // Политика и общество. – 2008. – № 4. – С. 47.
166. Гарипов Р.Ш. Государственная политика в сфере обеспечения прав коренных малочисленных народов России: история и современность // Российский юридический журнал. – 2010. – №3. – С. 23-30.

167. Гарипов Р.Ш. Коренные малочисленные народы в России: гарантии прав и свобод // Журнал российского права. – 2012. – № 6. – С. 68.
168. Губаева Т.В., Малков В.П. Государственный язык и его правовой статус // Государство и право. – 1999. – №7. – С 5-13.
169. Джамалова Э.К., Курбанова З.М. Конституционно-правовые основы равноправия языков народов России как фактор развития правовой культуры народов Дагестана // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – №8. – С. 20-23.
170. Джантуева Ф.Р. Проблема этнической и религиозной идентичности карачаевцев и балкарцев: истоки и современность // История науки и техники. – 2009. – №3. – С. 31-37.
171. Доровских Е.М. К вопросу о разграничении понятий «государственный язык» и «официальный язык» // Журнал российского права. – 2007. – № 12. – С. 12.
172. Доровских Е.М. Русский язык в России: сложностей не убывает // Закон. – 2005. – №4 – С. 97-100.
173. Доровских Е.М. Русский язык: совершенствование правового регулирования // Журнал российского права. – 2007. - №4. – С. 39-52.
174. Ермошин Г. Государственно-правовые аспекты языковых отношений // Российская юстиция. – 1998. – № 3. – С. 19-21.
175. Ермошин Г. От закона о языках народов РСФСР к закону о государственном языке Российской Федерации // Российская юстиция. – 1999. – № 4. – С. 11-12.
176. Железнов Б.Л., Курманов М.М. Правовые гарантии принятия и обнародования законов республик на государственных языках республик // Закон и право. – 2005. – № 8. – С. 12-14.
177. Жуков М.А. «Коренность» как содержательное понятие нормативных правовых актов // Журнал российского права. – 2009. – №6. – С. 123-131.

178. Зорькин В.Д. Как сохранить государство в эпоху этносоциального многообразия // Российская газета. – 2011. - №5579.
179. Зюков А.М., Симонова М.М. Проблемы реализации права на изучение родного языка малыми народами России // Вестник Владимирского юридического института. – 2008. – №1. – С.136-138.
180. Ивакина Н. Русский язык российского права // Российская юстиция. – 2000. – №7. – С. 26-28.
181. Иванов О.А. Испаноязычные (латиноамериканцы) в США как этническая группа // США-Канада. – 2009. – №4. – С. 93-100.
182. Исаева Н.В. Федерализация и конституционное право народов на самоопределение в дискурсе правовой идентичности // Конституционное и муниципальное право. – 2010. - №2. – С. 20-23.
183. Кабышев В.Т. Защита прав человека – главное направление правовой политики России // Правоведение. – 1998. - №1. – С.124.
184. Казакевич О.А. Поддержка малых языков с помощью информационно-коммуникационных технологий: зарубежный опыт // Представление языков народов России и стран СНГ в российском сегменте Интернета: Семинар Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» и Межрегионального центра библиотечного сотрудничества в рамках Международной конференции «Eva 2007 Москва»: Сборник докладов / Сост. и науч. ред.: Е.И. Кузьмин, Е.В. Плыс. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008. – С. 17.
185. Кауппала П. Модели национальной и языковой политики Финляндии в сравнении с Российским севером // Материалы третьего Северного социально-экономического конгресса «Социальные перспективы и экономическая безопасность». – Сыктывкар. – 18-20 апреля 2007. – С. 39-43.
186. Кислицын И.М. Новое положение о постоянных комиссиях Совета Союза и Совета Национальностей и дальнейшее развитие федеративного строя

- СССР // Государство, право, законность. Ученые записки Пермского государственного университета. – 1968. Вып.199. – С. 90-128.
187. Кислицын И.М. В.И. Ленин об отношении федерации к праву на самоопределение наций // Государство, право, законность. Ученые записки Пермского Государственного университета. – 1970. - № 238. – С.92-114.
188. Кленов А.Л. Проблема языкового равенства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – №9. – С. 57-60.
189. Колесников Е.В. Обычай как источник советского государственного права // Правоведение. – 1989. - № 4. – С.19-25.
190. Колесников Е.В., Берлявский Л.Г. Законодательные основы противодействия ксенофобии и антисемитизму в советском государстве (1917-1939 гг.) // История государства и права. – 2013. - № 17. – С.12.
191. Колесников Е.В. Особенности нормативных актов типа «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик» // Правоведение. – 1984. - № 3. – С. 81 – 85.
192. Кочев В.А. Рецензия на книгу: Кряжков В.В. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010. 560 с. // Государство и право. 2011. № 1. – С.117-119.
193. Кочев В.А., Машьянов Н.В. Статус субъекта РФ как категория конституционного права // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2007. - № 2. – С.43-45.
194. Колин К. Русский язык и актуальные проблемы национальной безопасности России и стран Евразии // Alma mater Вестник Высшей школы. – 2007. – №7. – С. 3-12.
195. Крылов Б.С. Проблемы защиты прав национальных меньшинств в Российской Федерации // Российский юридический журнал. – 2001. – № 8. – С. 17–25.

196. Кряжков В.А. Право на родной язык: на примере малочисленных народов Севера // Российский юридический журнал. – 2007. – № 1. – С. 22.
197. Кузмищев А.В. «Государство автономий» в Испании // Федерализм. – 2010. – №3. – С. 183-202.
198. Курманов М.М. Конституционный суд Российской Федерации, рассуди: чей предмет ведения – государственный язык республики? // Российский судья. – 2004. – №6. – С. 14-17.
199. Курманов М.М. Приятие и обнародование законов субъекта Российской Федерации (республики) на двух государственных языках: теория и судебная практика // Российский судья. – 2004. – № 10. – С. 33-36.
200. Лексин И.В. Отношения между федеральным и провинциально-территориальными уровнями управления в Канаде // Вестник Московского университета. – 2007. – Сер.21. – № 2. – С.81-102.
201. Лопарев А.В. Этнополитические процессы в России и проблема глобальной диаспоризации мира // Власть. – 2011. - №3. – С. 119-123.
202. Лопуленко Н.А. Основные черты государственной политики в отношении малочисленных народов Севера России в 1936-1957гг. // История государства и права. – 2011. – №4. – С. 23-27.
203. Любимов Н.А. Конституционно-правовой институт языка: проблемы формирования // Вестник МГУ. – 2004. – №2. – С.17-34.
204. Морозова А.. К вопросу о праве на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества // Юридический мир. – 2005. – №7. – С. 50.
205. Мулукаев Р.С. Исторический опыт защиты прав коренных малочисленных народов России // История государства и права. – 2010. – №6. – С 2-4.
206. Мустафина Д.Н. К вопросу подготовки ратификации Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств в Российской Федерации //

- Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 14 (229). – С. 68.
207. Орехович А.В. Регионализм в Испании: тенденции изменение правовой природы государства // Конституционное и муниципальное право. – 2009. - №13. – С. 35-40.
208. Ромашкин В.В. Языковая реформа в Российской Федерации // Алтай и центральная Азия: культурно-историческая преемственность. – Горно-Алтайск. – 1999. – С. 29-38. Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России : материалы Международной научной конференции 22–24 сентября 2005 года; Абакан / Отв. ред. Т. Г. Боргоякова – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2005. – 264с.
209. Рей Б. Существует ли языковая проблема в Индии? // Решение национально-языковых вопросов в современном мире / Под ред. акад. Е.Л. Чельшева. – М.: СПб.: Златоуст, 2003. – С. 139.
210. Сальникова А.С. Проблемы ратификации Российской Федерацией Европейской хартии региональных языков или языков национальных меньшинств / Права человека: глобализация и регионализация: сборник научных трудов. – Иркутск: Изд-во БГУЭП. – 2011. – С. 142-145.
211. Самигуллин В.К. Рецензия. Конституционное право субъектов Российской Федерации / Отв. ред. В.А. Кряжков. – М.: Городец-издат, 2002. – 864 с. // Право и политика. – 2003. – № 1. – С. 38.
212. Соловьев С.Г. Вмешательство органов государственной власти в компетенцию местного самоуправления: механизм и правовые проблемы // Государственная власть и местное самоуправление. – 2005. - № 3. – С.18-20.

213. Создание башкирской письменности, становление и развитие литературного письменного языка: 1917-1940 годы. // Южноуральский археографический сборник. – Уфа, 1976. – Вып. 2. – С. 152-153.
214. Соколов В. Государственному языку – государственную поддержку // Государственная служба. – 2008. - №4. – С. 100-107.
215. Соколовский С.В., Тишков В.А. Европейская языковая Хартия и защита языковых прав в России // Европейская языковая хартия и Россия. – М.: ИЭА РАН, 2010. – Вып. 218. – С.95.
216. Солодов А.В. Национальные отношения как предмет правового регулирования (теоретический аспект) // Российский юридический журнал. – 2007. – №1. – С. 134-137.
217. Син Х., Яньли Я. Языковая ситуация в Китае // Решение национально-языковых вопросов в современном мире / Под ред. акад. Е.Л. Чельшева. – М.: СПб.: Златоуст, 2003. – С. 189.
218. Соколовский С.В., Тишков В.А. Европейская языковая Хартия и защита языковых прав в России // Европейская языковая хартия и Россия. – М.: ИЭА РАН, 2010. – Вып. 218. – С. 6.
219. Степанов А.В., Телегин А.С. Правовой режим пребывания иностранцев в РФ: некоторые проблемы развития // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2003 Вып. 3. – С. 52-61.
220. Табайди Ч.Ш. Задачи, стоящие перед историческими национальными меньшинствами в Европе // Панорама Евразии. – 2008. – №4. – С.33-39.
221. Татаровская И.М Русский язык: фактор интеграции или дезинтеграции? // Государственная власть и местное самоуправления. – 2007. – № 1. – С.37-42.
222. Татаровская И.М. Проблема государственного языка в США // Государственная власть и местное самоуправления. – 2007. – № 5. – С.36-41.

223. Тенишев Э.Р. Языки древне- и среднетюркских памятников в функциональном аспекте // Вопросы языкознания. – 1979. – №2. – С. 85-86.
224. Туранин В.Ю. Вопросы к законодателю (по материалам исследования Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации») // Юридическое образование и наука. – 2005. – №4. – С. 28-31.
225. Федоров К. Международные координаты иберийской идентичности // Обозреватель. – 2009. - № 8. – С. 64-73.
226. Фомин А.И. Решение Конституционного суда Украины о государственном языке // Государство и право. – 2003. – №2. – С. 85-91.
227. Функ Д.А. Языки малочисленных тюркских народов Южной Сибири и Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств // Европейская языковая хартия и Россия. – М.: ИЭА РАН, 2010. – Вып. 218. С. 66-78.
228. Хабибуллин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идентичность как элемент правового статуса личности // Государство и право. – 2000. - №5. – С.11.
229. Хайдарова Г.Р. К вопросу о европейской идентичности // Панорама Евразии. – 2008. – №4. – С.31-32.
230. Шадже А.Ю. Русский язык в условиях формирования российской нации // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 2. – С. 73–74.
231. Шайхуллин М.С. К вопросу об истории развития правового регулирования института обращений граждан в органы государственной власти и местного самоуправления // Вторые Всероссийские Державинские чтения (Москва, 9–10 ноября 2006 года): Сб. статей. – Кн. 2. Проблемы конституционного и международного права / Отв. ред. В.А. Виноградов; ГОУ ВПО Российская правовая академия Минюста России. – М.: РПА МЮ РФ, 2007. – С. 97.
232. Шайхуллин М.С. Традиции в системе нормативного регулирования местного самоуправления // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2013. – № 2 (78). – С. 136.

233. Шайхуллин М.С. Традиции местного самоуправления для муниципальной власти в России // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – №12. – С. 23.
234. Ягудин Ш. Вопросы государственности республик в составе Российской Федерации в их конституциях // Казанский федералист. – 2004. – №3.
235. Ягудин Ш.Ш. Конституционно-правовые основы государственных языков в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 3. – С. 31.

VI. Иностранная литература:

236. Broadbridge, J. 'The Ethnolinguistic Vitality of Alsatian-speakers in Southern Alsace in German Minorities in Europe: Ethnic Identity and Cultural Belonging, ed. S. Wolff. Oxford and New York. Berghahn, 2000. – P.47-62.
237. Camille C. O'Reilly Language, ethnicity and the state: minority languages in the European union. Palgrave Publishers Ltd 2001. – P. 183.
238. Richard L. Greech Law and laNoguage in the EuropeaN Union. / The Paradox of a Babel United in Diversity. Europa Law Publishing, Grounigen. 2005. – P. 176.
239. F. Grin Language Policy Evaluation Charter for regional or Minority Languages. Palgrave Macmillan. 2003. – P. 275.
240. G. Hogan-Brun and Stefan Wolff. Minority languages iN Europe Frame works, Status, Prospects. Palgrave Macmillan. 2003. – P. 238.
241. G.Hogan-Brun Europe and the politics of language Citizens, Migrants and Outsiders. Palgrave Macmillan. 2006. – P. 217.
242. P. Larrivee Linguistic Conflict and Language Laws Understanding the Quebec Question. Palgrave Macmillan. 2003. – P. 204.

243. Eduardo Ruiz Minority languages of the Russian Federation. Perspectives for a ratification of the European Charter of Regional and Minority Languages. Barcelona, 2002: Mercator Working Paper 6.
244. Report from the General delegation to French language. – Paris, 2008. – P.33-39.

VII. Авторефераты и диссертационные исследования

245. Айрапетян А.С. Конституционно-правовые основы использования русского языка в странах Содружества Независимых Государств: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2013. – 31 с.
246. Васильева Л.Н. Законодательное регулирование использования языков в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 23 с.
247. Воронецкий П.М. Конституционно-правовые проблемы статуса государственных языков республик в составе Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2009. – 204 с.
248. Выдрин И.В. Местное самоуправление в Российской Федерации: Автореф. дис.... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1998. – 49 с.
249. Герасименко Ю.В. Конституционно-правовой статус лиц, не являющихся гражданами Российской Федерации (Вопросы теории и практики): Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2003. – 392 с.
250. Годердзишвили Ц.М. Государственно-правовое регулирование статуса языков (по материалам республик, входивших в СССР): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1992. – 22 с.
251. Губаева Т.В. Словесность в юриспруденции: Автореф. дис... докт. юрид. наук. – М., 1997. – С.4.
252. Доровских Е.М. Конституционно-правовое регулирование использования языков народов Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 222 с.

253. Киреев В.В. Теоретические проблемы реформирования Конституции Российской Федерации: Автореф. дис... докт. юрид. наук. – Челябинск, 2010. – С. 48.
254. Ляшенко Н.В. Русский язык как государственный язык Российской Федерации: конституционно-правовой анализ: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 163 с.
255. Мирзоян С.В. Государственный язык в истории России (XVIII–XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2005. – 182 с.
256. Тренин Е.В. Государственно-правовые проблемы языка в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1998. – 155 с.

VIII. Судебные акты:

257. Постановление Конституционного суда РФ от 16 ноября 2004. // Собрание законодательства РФ. – 2004. - № 47. – Ст. 4691.
258. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 июня 1998 года № 24-Г98-3.

IX. Справочная литература:

259. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / АН СССР. Гл. ред. К.С. Горбачевич. – М.: Рус. Яз., 1991. – С. 76. – Т.1. А-Б. – 864 с.
260. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР. Под. ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык. – 1981. – С. 23. – Т 1 А-Й. – 698 с.
261. Крысин Л.П. Толковой словарь иноязычных слов. – М.: Изд. Эксмо, 2007. – 944 с.
262. Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федер. служба гос. статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. – 183 с.

Х. Другие источники:

263. Доклад генерального директора ЮНЕСКО о действиях штатных членов ЮНЕСКО для продвижения лингвистического многообразия и развития многоязычного образования за 2000-2007 гг. // См.: Материалы международной презентации Республики Башкортостан в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже проходившие 26-28 марта 2008 года. Лист 1.
264. Материалы международной презентации Республики Башкортостан в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже проходившие 26-28 марта 2008 года.
265. Официальный сайт Комиссара по официальным языкам Канады. URL: http://www.officiallanguages.gc.ca/html/stats_e.php.
266. Официальный сайт ООН URL: <http://www.un.org/ru>
267. Официальный сайт правительства Индии URL: <http://www.censusindia.gov.in>
268. Официальный сайт Совета Европы URL: <http://www.coe.ru>.
269. Официальный сайт Центрального института индийских языков. // URL: <http://www.ciil.org/Mai№/Languages/map4.htm>
270. Сайт министерства юстиции Канады. URL: <http://laws.justice.gc.ca/fr/charte>.